

Владимир
Соколов

к 95-летию ГРУ ГШ СССР

ВОЕННАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА

история
вне идеологии
и политики

Владимир Соколов

**Военная агентурная разведка.
История вне идеологии и политики**

«Центрполиграф»

2013

Соколов В.

Военная агентурная разведка. История вне идеологии и политики /
В. Соколов — «Центрполиграф», 2013

Во времена бывшего СССР, на нынешних постсоветских просторах издано много литературы о разведке. Некоторые из книг заслуженно стали бестселлерами. К сожалению, «валовые» авторы пишут о разведке понаслышке, дилетантски смешивая в одну кучу ее различные виды, а для пикантности щедро заправляя свои творения соусом из агентурных страстей, чем вводят в заблуждение читателей. Книга Владимира Соколова выгодно отличается от ранее написанного, так как является научно-популярным военно-историческим трудом. Несмотря на серьезный подход автора к работе, материал изложен доступно, логически последовательно и рассчитан на широкую читательскую аудиторию. Подробно, достоверно и со знанием дела дано описание истории военной агентурной разведки. По данной теме уже изданы серьезные труды, которые в короткие сроки стали библиографической редкостью. Данное обстоятельство ничуть не снижает ценности книги Владимира Соколова, поскольку читательский интерес к этой теме очень далек от полного удовлетворения. К тому же автор нашел новые, ранее не использовавшиеся исторические и литературные источники, что избавляет его от повторов и придает книге дополнительный интерес.

Содержание

По мнению профессионала	6
Об авторе	7
От автора	11
Книга первая	13
О военной агентурной разведке популярно и доходчиво	13
Истоки	24
Украина в истории разведки	28
Вместе с Россией	35
Без тайных дел – никуда!	42
Агентурная работа в интересах армии	47
Классический пример	66
Объект особого внимания – Российская империя	70
В муках рожденная...	77
Октябрь 1917 года	84
Ноябрь 1917 года	85
Декабрь 1917 года	85
Январь 1918 года	86
Февраль 1918 года	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владимир Соколов

Военная агентурная разведка.

История вне идеологии и политики

Чтобы понять корни, истоки наших сегодняшних бед, необходимо знать, с чего все начиналось. А познав его, непременно побудить себя сделать все, чтобы кошмары прошлого никогда не омрачали нашего будущего.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

По мнению профессионала

Представляемая книга Владимира СОКОЛОВА «Военная агентурная разведка (*История вне идеологии и политики*)» является научно-популярным военно-историческим трудом, рассчитанным на широкую читательскую аудиторию.

В целом ее содержание обеспечивает достижение цели, поставленной автором перед собой. При этом нередко он выходит за рамки обозначенной темы. Не все исторические события имели влияние на отечественную внешнюю разведку, поэтому многие сведения, например о движении двадцатипяти тысячников и т. п., выходят за рамки повествования. Вместе с тем подобные исторические отступления делают книгу более интересной и познавательной.

Положения книги в основном согласуются с теоретической базой военной разведки. Материал изложен логически последовательно, доступно, не противоречит терминологии, принятой в теории и практике военной агентурной разведки (ВАР). В основу книги положен традиционный дедуктивный принцип ее построения.

По данной теме уже изданы серьезные труды, которые в короткие сроки стали библиографической редкостью. В их числе такие книги, как: *Алексеев М.* Военная разведка России от Юрика до Николая II. Кн. I – III. М., 1998; *Колтакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. М., 1999; *Звонарев К.К.* Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Т. III – IV. М., 2003.

Данное обстоятельство не снижает ценности рассматриваемой книги, поскольку читательский интерес к указанной тематике далек от полного удовлетворения. К тому же автор нашел новые, ранее не использовавшиеся исторические и литературные источники, что избавляет его от повторов содержания указанных трудов и придает книге дополнительный интерес.

Считаю, что книга достойная и будет интересна широкому кругу читателей.

Кандидат военных наук, доцент,
генерал-майор запаса *В.Д. Черевичный*

Об авторе

СОКОЛОВ Владимир Григорьевич – 1958 г. р., уроженец Белокуракинского района Луганской области. Выпускник Киевского суворовского военного училища, Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени Ленинского комсомола, Военно-дипломатической академии Советской армии. Полковник запаса, ветеран военной службы: выслуга составляет более 34 календарных лет. Имеет в своем багаже 109 прыжков с парашютом из различных типов летательных аппаратов с оружием и снаряжением, с грузовым контейнером ГК-30, в том числе и ночью, практиковался в совершении водолазных спусков.

В ВДВ командовал разведподразделением. Более 19 лет отдал службе в агентурной разведке, из них около 12 лет на Украине. Последовательный, никогда и ничего не делал наполювину, противник всяких полумер. Половинчатость, по его мнению, результат неуверенности, а поэтому никогда не брался за то дело, в положительном исходе которого не был убежден, а взявшись за него, не боялся ответственности и доводил начатое до логического завершения. Не искал для себя «уютных» должностей, честно отдавал свой священный долг Отчизне там, где она прикажет, не жалел себя и работал не покладая рук: всегда сначала думал о Родине, а потом о себе и семье.

Прошел все ступени служебного роста оперативного сотрудника, трижды выполнил основную организационную задачу (вербовка иностранцев). Не раз контрразведка страны пребывания расставляла ему свои сети, однако он предусмотрительно от них уходил, умудрившись хладнокровно «случайно» произвести при этом фото– или видеосъемку, аудиозаписи происходящих вокруг него событий. Перед увольнением в запас исполнял обязанности командира одной из частей агентурной разведки. Через руки «Григорьевича» (так его обычно называли подчиненные) по состоянию на начало 2009 г. прошли около 75% руководителей оперативной агентурной разведки и внушительное количество личного состава стратегической агентурной разведки системы МО Украины, среди бывших его подчиненных есть генералы, проходящие службу в силовых структурах как Украины, так и Российской Федерации. Причастен к обучению, воспитанию и становлению многих Героев России из числа офицеров ВДВ.

Тем не менее, вследствие коллизий в национальном украинском законодательстве, несмотря на непосредственное участие в создании периферийных структур разведоргана Министерства обороны Украины, в списках его кадрового состава не значится, а служба в агентурной разведке официальным Киевом не признается, о чем ему выдана соответствующая справка. В результате размер пенсии исчисляется на общих основаниях, как общевоинскому офицеру.

Во время разведывательной деятельности на себе ощутил разрушительное действие лазера военного назначения: в настоящее время потеря зрения составляет около 70%.

Родился в честной, небогатой семье, но из-за этого никогда не завидовал состоятельным, не копил злобу и ненависть к окружающим, не превратился в оранжерейное растение, а стиснув зубы добивался всего в жизни своим трудом. Не случайно, видимо, любимой его игрушкой была во младенчестве неваляшка (еще куклу именуют «ванька-встанька»): ее валят, а она упорно самостоятельно встает. Именно нужда и нелегкий крестьянский труд в сельской глубинке еще в детские годы выковали в нем цепкость и настойчивость в достижении поставленных перед собой тактических задач и стратегических целей, сформировали первые идеалы. Не любил продолжительных высокопарных рассуждений, всегда действовал так, как подсказывали совесть и честь офицера. Сочувствовал окружающим, высоко ценил достоинство людей. Именно поэтому, будучи еще старшим лейтенантом, в 1982 г. в пассажирском поезде сообщения Луганск – Москва не раздумывая вступил в схватку с тремя вооруженными подонками, пытавшимися в пьяном угаре среди белого дня изнасиловать женщину – сотрудницу поездной

бригады, и вышел из критической ситуации победителем. А ведь став на защиту другого человека, офицер рисковал тогда не только собой, но и членами своей семьи, следовавшими с ним: женой с двухлетней дочерью на руках.

Любимое изречение – высказывание советского ученого-ракетчика С.П. Королева: «Тот, кто хочет делать дело, найдет способ, а кто не хочет – причину».

Жизненное кредо: безвыходных ситуаций, как и неразрешимых проблем, не бывает. Выход есть всегда. Его не находят лишь не желающие его обнаружить или неспособные грамотно организовать его поиск. Решению любой проблемы должны предшествовать тщательный анализ всех аспектов, связанных с ней, с тем чтобы найти оптимальный вариант выхода из нежелательной ситуации, а также составление плана ее реализации и всестороннего обеспечения предусмотренных мероприятий. «Ввязаться в бой, а потом посмотрим, что делать!» – это не его принцип. Критически-настороженно относился к людям, которые принимаются за массу дел, но ни одного не доводят до логического завершения. По его мнению, любую, даже самую гениальную идею можно убить в зародыше, если за ее воплощение в жизнь возьмется непрофессиональная команда исполнителей, к тому же имеющая разные взгляды на пути и способы достижения конечной цели.

Добровольно принимал участие в качестве командира агентурно-разведывательной группы в пяти агентурных учениях, в том числе и с десантированием на парашюте, проводившихся на фоне крупных войсковых маневров как в своей стране, так и за рубежом. Руководимые им подразделения качественно выполняли поставленные задачи, несмотря на реальное противодействие контрразведки, которой так и не удавалось выявить и арестовать разведчиков, систематически выходивших при этом в эфир в сеансы спецрадиосвязи, предусмотренные программой.

В повседневной жизни сторонник правила: «Сбили с ног – сражайся на коленях, идти не можешь – ползи вперед, не вздумай отступить!» В подготовке разведчиков и агентов использовал свой богатый практический опыт.

Возвышенность, святость и непорочность положений теории агентурной разведки творчески спускал с идеальных небес на грешную землю конкретных условий оперативной работы.

Работать с офицером было нелегко: фанатизм опера сочетался в нем с высокой требовательностью и жесткостью, но при неудачах никогда, образно выражаясь, «не подставлял подножку оперативному сотруднику, не добивал упавшего и не топил тонущего», а непременно при любых обстоятельствах протягивал руку помощи, но не спасал напрямую, а давал возможность потерпевшему вдоволь насладиться «барахтаньем в серной кислоте собственных ошибок», выработать свои пути исправления случившегося, время от времени подсказывая, как выбраться победителем из сложившейся, как казалось, бездны безысходности. Такая наука шла только на пользу: каждый понимал, что результаты в оперативной деятельности напрямую зависят от тех усилий, которые прилагаются, что трезвый ум и стойкий дух приобретаются не в победах, а в поражениях, в умении обратить их на службу виктории. Однако его жесткость не граничила с жестокостью.

Перед начальством не перекладывал вину за просчеты, ошибки в работе на своих подчиненных: всегда в таких случаях следовал старому армейскому правилу, когда командир говорит, что сражение выиграли *мы*, а проиграл его *я*. За все, что случилось, брал вину на себя, прикрывая своих сослуживцев и стараясь отвести от них гнев вышестоящих.

В сложных ситуациях ограждал оперов и старших руководителей от ответственности за явно рискованные решения, уводил их из-под «пресса неудачи», принимая тем самым удар за возможные негативные последствия на себя.

У оперативных офицеров воспитывал и ценил такие качества, как благоразумие, осторожность, способность не только идти на риск, но и хладнокровно избегать его при незначительных шансах на успех (не путать с трусостью, боязнью ответственности и неспособно-

стью на этом фоне принимать ответственные управленческие решения!). В то же время при прочих равных условиях приоритетно уделял внимание людям горячим, способным к самопожертвованию, а в определенных условиях – к обдуманной, сознательной гибели ради победы из патриотических или иных побуждений, тем самым ограждая их от бессмысленной смерти, учил творчески придерживаться заранее составленного плана агентурной операции, в котором предусматриваются «по максимуму» возможные варианты развития событий, а благодаря тщательной проработке действий разведчика шансы их трагического исхода сводятся к минимуму. При этом прекрасно понимал, что все комбинации предвидеть невозможно, что, по аналогии с шахматами, реально можно задумать лишь первые два-три хода, а в остальном все решает талант игрока. Следовательно, осознанная необходимость и привычка упорно следовать приказу, плану не должны становиться догмой, так как не всегда являются самыми целесообразными путями в достижении конечных результатов.

Учил оперов способности сохранять спокойную созерцательность там, где они не в силах что-либо изменить: на земле нет ничего конечного и окончательного (разве что египетские пирамиды), так и текущие проблемы не вечны. Ведь, поддавшись отчаянию, эмоциям, можно упустить мгновения, когда ситуация начнет меняться к лучшему и течение событий можно изменить в своих интересах.

Никогда не прощал нечестность по отношению к разведке. Не любил тех, кто пристрастился к злоупотреблению алкоголем, лентяев, особенно среди оперативных офицеров, и не жаловал людей случайных и алчных, примазавшихся к агентурной разведке, клещами-кровопийцами высасывающих из нее лишь блага, ими не заслуженные, жизненное кредо которых заключается в изречении: «Лучше скучать в тылу, чем веселиться на передовой», и нередко с презрением относящихся к ее «рабочим лошадкам» – операм, забывая, что за счет их существуют и они. Из-за этого в карьере разведчика имел стремительные взлеты и не менее отвесные падения, пережил предательство тех, кого считал друзьями, ощутил поддержку людей не приближенных, но благородных, порядочных и бескорыстных, видел трусость и низость многих власть имущих, их черствость, эгоизм, некомпетентность, нередко сочетающуюся с поразительным безразличием к Отечеству, которому «служат». Не раз выживал под грубыми и жестокими ударами судьбы, не стал духовным калекой, хамом и лизоблюдом, не впал в отчаяние и не проклял окружающий его мир. На себе ощутил фактически перечеркивающий все благородные стремления, тяжелый, незаслуженный и несправедливый отголосок раскрытых потуг «коллег» из других взаимодействующих структур разведывательного сообщества поправить свое материальное положение путем сотрудничества с иностранными спецслужбами.

Находясь на довольно-таки высоких и ответственных руководящих должностях, несмотря на свою строгость и щепетильность, умел сочетать в себе простоту и требовательность, был доступен для подчиненных, со многими дружил, организовывал коллективные выезды семьями на рыбалку, отдых на лоне природы, по грибы, посещение театров. При этом в непринужденной обстановке прислушивался к мнению сослуживцев, учитывал его в служебной деятельности. К его чести стоит сказать, что отношения эти были поистине дружескими, без лести, снисходительности и подбострастия.

Офицер и сейчас свято чтит лучшие традиции разведки, хранит в своей душе геном Разведчика, побудивший его под грузом непростой Судьбы не стать заурядным временщиком в этой жизни, а человеком, внесшим свой посильный вклад и оставившим добрую память о себе в истории отечественной военной спецслужбы как на практике, так и на поприще литературного творчества.

За период пребывания в кадровом составе Вооруженных сил 9 раз сменил регионы своей службы, из них трижды за 12 лет жительства в Украине (в среднем – каждые 4 года). При этом семья офицера 26 раз «имела счастье» переехать с одного снимаемого уголка на другой. Жильем не обеспечен.

Бездомный. Проживает в г. Одессе, до 2008 г. пребывал на квартирном учете в Одесском гарнизоне. В числе 1945 военнослужащих (из 3827 человек, находящихся в списках очередников) в одночасье под надуманным предлогом лишен права на крышу над головой. Идет разбирательство как по линии исполнительной, так и судебной власти государства.

Члены семьи зарегистрированы в Одесском областном центре учета бездомных граждан. Льготами на коммунальные услуги и телефон, как ветеран военной службы, не пользуется: их не к чему применить.

Недавно дочь офицера, решившая принять участие в одной из самых доступных для беднейших слоев населения Украины международных программ культурного обмена, получила отказ в визе с мотивацией ответственного работника посольства: «У нас и своих бездомных хватает... По причине бездомности Вам путь на Запад закрыт. В «бомжах» там не нуждаются...»

До 2010 г. был государственным служащим. Пять лет своей жизни отдал делу защиты населения Одесской области от чрезвычайных ситуаций. Член Национального союза журналистов Украины, Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП, г. Рига), член благотворительной организации Союз ветеранов военной разведки (г. Одесса) – <http://svvr.odessa.gov.ua>.

Генерал-майор запаса *В.Г. Ваганов*

Полковник запаса *А.И. Малородов*

От автора

Во времена бывшего СССР, на нынешних постсоветских просторах издавалось и издается много литературы о разведке. Некоторые из книг о ней заслуженно стали бестселлерами. Необходимо также признать, что преимущественно «валовые» авторы пишут о разведке понаслышке, дилетантски смешивая в одну кучу ее различные виды, а для пикантности щедро заправляя свои творения соусом из агентурных страстей, чем вводят в заблуждение читателей.

Идея написать и издать книгу (или серию книг) о военной агентурной разведке, доступную для понимания и конечно же поучительно-интересную как для широкого круга людей, не посвященных в ее тайны, так и специалистов, возникла еще в 2002 г., а созрела окончательно в 2005 г. после увольнения в запас. Признаюсь, тема разведки, повествования о людях, ее прославивших, привлекали меня давно. Еще во время учебы в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище мною по курсу истории военного искусства был написан реферат «Рязанцы – участники борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны» (после окончания учебы в Военно-дипломатической академии он был передан в ее исторический музей). Это был первый плод работы с архивными документами. Последующие личные встречи и беседы с творцами агентурной и специальной разведки вдохновляли на подготовку к защите Родины как духовно, так и морально, физически. И скорее всего, не случайно через несколько лет я был отобран в качестве кандидата для учебы в указанной академии. Постигая в ней азы новой для себя профессии, во время практической работы находил время для изучения истории отечественной разведслужбы, много читал о ней, старательно, не раскрывая секретности, делал необходимые, но только мне известные пометки, вел дневники.

Все это в сочетании с богатым опытом службы в качестве офицера-агентурщика и другими источниками стало основой содержания этой книги. В работе над ней использовались сведения, почерпнутые из публикаций отечественных и зарубежных СМИ, из справочной, исторической литературы, энциклопедий, других печатных изданий – тех, что, на мой взгляд, достаточно объективно рассматривают те или иные события нашего прошлого. Целью книги (серии книг) не является обличение, разоблачение советского строя, образа жизни, подхода к организации дела большой государственной важности. В ней (в них) в назидание потомкам, не выдавая желаемое за действительное, не огибая медузой острые углы объективной реальности, освещается всего лишь один аспект советской истории – история военной агентурной разведки с точки зрения рядового многотысячной армии бойцов невидимого фронта, которой официально не было, но реально она жила, развивалась, имела свои победы, поражения и молча, тихо ушла с арены сражений вместе с некогда «несокрушимой и легендарной» силовой структурой, страной, ее породившей. Все события описаны мною строго и беспристрастно, без виляния и оглядывания на то, куда дует ветер и какая нынче власть на дворе.

Говорят, что агентурная разведка – капризная девица. Многие добивались ее благосклонности, но не всем она отвечала взаимностью. Что касается меня, то я всегда, нередко в ущерб самому себе, последовательно и непреклонно отстаивал ее интересы, никогда не шел на сделку с совестью. Считаю, что мне удалось найти с ней точки соприкосновения и она частично раскрыла мне свою душу. Агентурная разведка – моя жизнь, любовь, боль. Она является первоисточником моих нынешних переживаний, проблем, бездомности и разочарований. Но не буду о грустном. В жизни есть ценности более оптимистичные и возвышенные. Постараюсь нарисовать красоту этой дамы, показать ее привлекательность, умение подчинять сердца молодых сотрудников разведки и вдохновлять их на верное служение Отечеству. А как мне это удалось – судить вам, дорогие читатели. Работа над первой книгой «Истоки» завершена 14 апреля 2010 г.; рождена она в Одессе, зарегистрирована в Киеве в Государственном департаменте интеллектуальной собственности Министерства образования и науки Украины 17 июня 2010 г. (сви-

детельство о регистрации авторского права на сочинение № 33763). Второе мое произведение из этой же серии имеет название «Во имя светлого будущего» (регистрационный № 38183 от 27 апреля 2011 г.). В последующем, при подготовке сочинений к изданию, они мною дорабатывались, уточнялись, усовершенствовались. Именно от ВАС зависит свершение мной задуманного – написать еще как минимум три книги на данную тематику. Поделюсь и еще одной новостью – третье произведение уже готово наполовину.

Однако, мои уважаемые, перед вами тотчас же не раскроются все карты, секреты, которые тщательно скрывались многие годы. Некогда отечество доверилось мне, поделилось своими тайнами, в надежде, что я их сохраню. Я его не подведу, так как, говоря словами известного советского агента Кима Филби: «...основные принципы нашей деятельности сохраняют свою первостепенную важность. Первый из этих принципов, грубо говоря: держи язык за зубами!» В то же время обещаю, вы узнаете много нового, занимательного и просто интересного.

С уважением

В.Г. Соколов

Книга первая Истоки

О военной агентурной разведке популярно и доходчиво

В отличие от внешней разведки КГБ бывшего СССР, деятельность которой впервые была подробно освещена в книгах предателей-перебежчиков Гордиевского, Калугина (генерал Олег Калугин, бывший начальник советской контрразведки, во время августовского путча 1991 г. бросил вызов лучшим кадрам КГБ и стал в авангарде демократических сил, ведущих толпы к учреждениям законодательной власти; именно он убедил Б.Н. Ельцина выступить с призывом к населению оказать перевороту самое серьезное сопротивление; в 2002 г. был заочно отдан под суд и признан виновным в государственной измене в форме шпионажа в пользу Соединенных Штатов Америки и, в связи с этим, лишен генеральских звания, пенсии и 22 государственных наград, которых он был удостоен до того, как сбежал в США, где проживает в изгнании и по сей день), а в более поздний период и в воспоминаниях высокопоставленных руководителей политической составляющей отечественной разведслужбы Судоплатова, Шебаршина и других авторов, о том, что собой представляет ГРУ ГШ – Главное разведывательное управление Генерального штаба, о системе военной агентурной разведки широкому кругу читателей длительное время было известно сравнительно немного. В советской периодической печати, военно-исторической литературе первые отрывочные и скудные сведения о ней стали допускаться цензурой с начала 60-х гг. прошлого столетия.

Книга Владимира Резуна (псевдоним Виктор Суворов) «Аквариум» об этой таинственной организации полна деталей, но подавляющее их большинство – это плод художественно-литературного вымысла автора в угоду коммерческим запросам на произведения такого толка и придания значимости своей падшей персоне, некогда принадлежавшей к ГРУ, предавшей не только систему, но и сломавшей своим неблагоприятным поступком сотни судеб коллег по службе в агентурной разведке.

Однако это была первая попытка развернутого изложения того «нечто», существование которого до недавнего времени отрицалось. Данная служба полна тайн. Многие из них, увы, навсегда останутся нераскрытыми.

Ныне по данной теме изданы серьезные труды, которые в короткие сроки стали библиографической редкостью. В их числе произведения таких авторов, как: *Алексеев М.* «Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I – III. М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998; *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. М: ОЛМА-ПРЕСС, 1999; *Звонарев К.* Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Т. III – IV. М.: Издательская группа «БЦД-пресс», 2003.

Разведка – необходимый механизм для решения важнейших государственных задач. Это доказано историей, это подтверждает и современность. Разведка, решая широкий спектр задач, занимает особое место как в структуре Вооруженных сил, так и государства в целом.

Не будучи оружием, но непосредственно воздействуя на противника, она, целенаправленно организовывая спецмероприятия и продуцируя в заданные сроки такую информацию, которая дает возможность командованию своевременно предпринять адекватные меры и эффективно применить свои силы и средства, может оказывать едва ли не решающее влияние на исход противоборства (вооруженного или иного). Поэтому понятие «мирное время» для разведки вообще является условным, так как тайная война не прекращается никогда.

Под разведкой, о которой пойдет речь в этой книге (в некоторых источниках ее еще называют «информационной службой»; это словосочетание по сути употребляется в качестве синонима слова «разведка»), подразумевается специфическая деятельность определенных государственных структур по удовлетворению информационных потребностей страны в интересах ее безопасности, достижения ею своих целей по широкому спектру вопросов. В предлагаемом издании будет, прежде всего, повествоваться о военной разведке, которая служит для выявления военных угроз, вскрытия подготовки к развязыванию агрессии и информационного обеспечения деятельности командования и штабов.

Характер циркулируемых в разведке сведений придает процессу их добывания определенный уровень секретности. Любая документация разведорганов является государственной тайной, и общество объективно не должно ее знать, если структура хочет сохранить свою функцию. Однако несовместимость текущей деятельности разведки с гласностью часто продолжается и с истечением оперативного срока давности некогда грифовой информации. Появляется опасный феномен: легенды о ней, как часть самозащиты государства и его спецслужб. Общественность наслаждается Штирлицами и Джеймсами Бондами с подачи тех самых структур, которые заинтересованы в создании мифов, искажающих документальность реальных процессов и скрывающих довольно-таки глубокие проблемы внутри самой агентурной организации, что неизбежно ведут к ее загниванию. Мы долгие годы были обречены на то, чтобы довольствоваться «сухим пайком» тех скудных и малодостоверных данных о деятельности военной разведки, которые появлялись либо в официальных публикациях («История Второй мировой войны», т. 12), либо в скудных и заранее подкорректированных воспоминаниях участников военных операций, особенно агентурных.

Разведка может быть внешней и внутренней (разведкой правоохранительных органов). Последнюю подразделяют на криминальную (объект – криминальная среда) и контрразведку (объект – разведки иностранных государств). В системе МВД структуры Интерпола иногда тоже называют разведкой, точнее, внешней криминальной разведкой. В свою очередь, внешняя разведка в состоянии выполнять и выполняет реально задачи в интересах контрразведки (внешняя контрразведка).

Кстати, в прессе, литературе, на радио и телевидении в материалах о спецслужбах нередко рассуждают о поединке разведок. Это, мягко говоря, неверно. Противодействуют друг другу разведка и контрразведка, а разведки, если их устремления совпадают, могут лишь поджентльменски соперничать: открытой враждой между ними непременно воспользуется контрразведка страны пребывания, и тогда проигрывают обе. Это аксиома.

И еще, военная разведка проникновением в агентурные органы и сети противника не занимается. Это дело контрразведки. Но если подвернется такой случай, то не откажется, с тем чтобы в последующем поделиться своим приобретением с взаимодействующей службой и не выполнять в будущем задачи ей не свойственные. Ведь предназначение контрразведки – противодействие разведке противника, главным образом – агентурной.

Существует множество классификаций внешней разведки (разведслужбы, внешней специальной службы или просто спецслужбы). Я на них не буду заострять вашего внимания. Кстати, в разведке термины «специальный (-ая, -ое, -ые)» в большинстве случаев означают крайний, ей не свойственный силовой вариант решения той или иной проблемы с применением оружия, боеприпасов, взрывчатых или других химических веществ. Деятельность внешней разведки сводится к выполнению задач в сферах военной, политической, военно-политической, экономической, военно-экономической, научно-технической, контрразведывательной, активных и специальных операций и т. д.

В Советском Союзе перед началом Великой Отечественной войны разведывательной деятельностью занимались минимум 4 ведомства:

– Наркомат обороны (НКО);

- Наркомат военно-морского флота (НК ВМФ);
  - Наркомат внутренних дел (НКВД), с февраля 1941 г. – Наркомат государственной безопасности (НКГБ);
  - Коминтерн.
- Перед распадом СССР внешнюю разведку вели:
- Комитет государственной безопасности (КГБ) в лице Первого главного управления (ПГУ) и разведки пограничных войск;
  - Министерство обороны, представленное Главным разведывательным управлением Генерального штаба ВС СССР.

Вообще нельзя говорить о военных аспектах в деятельности служб разведки в отрыве от аспектов политических. Разведка всегда была и остается помощницей, инструментом политики и подчиняется ее требованиям и законам. Очень часто, в чем мы с вами имеем возможность убедиться, в жертву политическим интересам приносились интересы собственно разведки. Но в то же время она своей деятельностью может оказать существенное влияние на политическую ситуацию в мире (например, переворот в Испании в 30-х гг. и приход к власти генерала Франко – дело рук адмирала Канариса, который возглавлял немецкий абвер, и т. д.).

Задачи разведок обеих структур имели определенное взаимное перекрытие (дублирование), но приоритеты у каждой были свои. Военная разведка (ВР) больше внимания уделяла делам милитарным (чисто военным, военно-политическим, военно-экономическим, военно-техническим и военно-научным). Кроме того, во главе угла в ней стояли задачи организационные (то есть вербовочные) и по оборудованию возможных театров военных действий в агентурном отношении (то есть заблаговременное проведение комплекса подготовительных мероприятий для материально-технического обеспечения действий агентуры и руководства ею в особый период: подбор и подробное описание мест тайников, мест агентурных встреч, площадок для десантирования на территорию противника воздушным путем, участков для перехода государственной границы, участков морского побережья для десантирования с моря, баз укрытия для агентурных единиц, над которыми нависла угроза провала и т. д. и т. п.). Что же она собой представляет?

Советская военно-популярная литература трактовала, что **военная разведка** – это вид боевого обеспечения деятельности вооруженных сил государства, это совокупность мероприятий военного командования всех степеней, проводимых с целью сбора данных о состоянии, действиях и намерениях войск противника, о местности, радиационной, химической обстановке и других сведений, необходимых для всесторонней оценки обстановки и принятия правильного решения.

Современная военная наука более лаконична и под понятием «военная разведка» подразумевает совокупность специальных органов вооруженных сил и их деятельность по обеспечению руководства страны и военного командования информацией, необходимой им для принятия соответствующих решений. В зависимости от масштабов решаемых задач военная разведка подразделяется на стратегическую, оперативную и тактическую. Собственно стратегическая и оперативная разведка имеет два компонента: войсковой и агентурный. Тактическая разведка является войсковой разведкой.

Стратегическая разведка ведется в мирное и военное время. Ее организует высшее командование с целью добывания данных о военно-экономическом потенциале вероятного противника, его планах и намерениях, сведений, необходимых для подготовки страны к обороне, успешного ведения войны и стратегических операций. *Важнейшие задачи стратегической разведки* – изучение вооруженных сил противника (состав, вооружение, расположение, подготовка, состояние военной науки), экономических и моральных возможностей стран – потенциальных противников, подготовка и оборудование театров военных действий и др.

Оперативная разведка организуется командующими и штабами оперативных объединений видов вооруженных сил с целью добывания данных о противнике и театре военных действий, необходимых для успешного ведения операций и наиболее эффективного применения в них подчиненных им родов войск (сил). *Важнейшие задачи оперативной разведки* – вскрытие замыслов и планов противника, состава, расположения и состояния его главной группировки войск (сил) в полосе действий объединений и на флангах, выявление новых средств и способов вооруженной борьбы неприятеля.

Тактическая разведка – организуется командирами и штабами соединений, частей и подразделений в целях правильного планирования и успешного ведения боя. *Основные задачи тактической разведки* – выявление состава, вооружения, боевого духа, характера действий и группировки противостоящих войск (сил) противника, вскрытие его замыслов.

В решении разведывательных задач участвуют все рода войск. Непосредственное руководство деятельностью разведывательных подразделений и планирование разведки осуществляют разведывательные органы Генерального штаба, штабов объединений, соединений и частей. Добытые данные о противнике, местности и т. д. командиры и штабы докладывают в вышестоящий штаб, в пределах разумного сообщают подчиненным командирам, штабам, своим соседям.

В зависимости от решаемых задач, сил, средств и способов, применяемых для добывания разведывательных данных, разведка делится на следующие основные виды:

- войсковая;
- агентурная;
- специальная (ведется силами и средствами спецназа);
- космическая;
- воздушная;
- радиоразведка;
- радиотехническая;
- радиолокационная;
- корабельная;
- артиллерийская;
- радиационная;
- химическая;
- бактериологическая;
- инженерная (ее еще называют саперной).

Агентурная разведка специализируется на работе с агентами. В свою очередь, она подразделяется на стратегическую агентурную разведку (САР) и оперативную агентурную разведку (ОАР). Это деление – прямое следствие сложившихся в военной науке СССР взглядов на подготовку и ведение, прежде всего, наступательных боевых действий его Вооруженными силами.

Считалось, что первая наступательная операция фронта (группы или групп армий) заканчивается на глубине 450–500 км от линии государственной границы СССР (коалиции государств) или она, в зависимости от регионов, распространяется на всю территорию сопредельной страны. Это задача ближайшая. Последующая (стратегическая) задача ограничивается рубежом в 900–1000 и более километров.

Так вот, сферой ответственности ОАР была полоса в 450–500 км от линии госграницы (фронта), которую она делила в 50-километровой зоне с разведкой пограничников (ее еще называли оперативно-тактической разведкой погранвойск), а САР (с учетом перекрытия) – в 400–450 км от нее и далее условно до 1000 км, но фактически она распространялась на все континенты. Оперативная агентурная разведка вела все объекты, подлежащие уничтожению оперативно-тактическими средствами поражения, в том числе и ядерными. В область задач «стратегов» входило ведение разведки всех государств мира с той или иной степенью приори-

тетности, выявление, отслеживание деятельности, топопривязка объектов – целей для нанесения удара как обычными стратегическими средствами, так и средствами трех составляющих стратегических ядерных сил: наземной, морской и воздушной. В любой момент они могли стать людьми, вызвавшими смертоносный огонь на себя во имя обезоруживающего и обезглавливающего ядерного поражения, которое, как считалось, принесет победу Родине в возможной будущей третьей мировой войне.

Таким образом, оба вида военной агентурной разведки обеспечивали выполнение Вооруженными силами следующих задач:

- САР – стратегических и оперативно-стратегических;
- ОАР – оперативно-стратегических, оперативных и оперативно-тактических.

Организационно стратегическая агентурная разведка состояла из центрального аппарата и разведывательных органов: легальных и нелегальных резидентур. В состав резидентур входили кадровые офицеры разведки, выполняющие задачи с легальных позиций «под крышей» дипломатических и других заграничных учреждений СССР или с позиций граждан государств своего пребывания или третьих стран.

Оперативная агентурная разведка включала в себя:

- центральный агентурный аппарат;
- агентурный аппарат разведуправлений приграничных и некоторых внутренних военных округов (каждый округ в угрожаемый период превращался во фронт), групп войск, флотов и флотилий;
- агентурный аппарат разведуправлений отдельных общевойсковых (танковых) армий;
- части агентурной разведки: разведывательные центры (разведцентры) – РЦ и разведывательные пункты (разведпункты) – РП.

Агентурный аппарат и части агентурной разведки именовались в совокупности в документах разведывательными органами и органами оперативной (стратегической) агентурной разведки (сокращенно – разведорганами; органами ОАР и САР соответственно).

Военный округ (группа войск, флот, флотилия) мог иметь в своем составе разведывательный центр, от 1 до 3 разведывательных пунктов оперативной агентурной разведки. Разведывательный центр действовал во всей полосе наступления (обороны) своего фронта и на участках перекрытия соседних фронтов, а разведывательные пункты – на наиболее важных направлениях в интересах одной или двух армий фронта. Эти структурные единицы ОАР взаимодействовали между собой, но подчиненности между ними не было, за исключением лишь некоторых оперативно-технических вопросов.

На флотах и флотилиях формировались морские разведцентры (МРЦ) и разведпункты (МРП). Они добывали данные по морской и береговой составляющим ВМС вероятного противника.

По такому же принципу организационно строилась военная агентурная разведка союзников СССР по Варшавскому договору и государств, получавших помощь в строительстве национальных вооруженных сил от бывшего Союза.

Интересующие сведения как в САР, так и в ОАР добывались через агентов, которые вербовались преимущественно кадровым оперативным составом агентурных органов (оперативными офицерами) и в дальнейшем находились у них на руководстве. Агенты (еще их называли переменным личным составом) могли сводиться в агентурные группы и самостоятельные резидентуры с поддержанием связи строго по вертикали (по линии подчиненности). Их деятельность обеспечивала закордонная (зарубежная) и местная вспомогательная агентура (связники, хозяева конспиративных квартир, адресов, телефонов, передаточных пунктов и т. д.).

Если кто интересовался организацией работы религиозных организаций, находящихся в СССР под запретом, знаком с их пропагандистской и методической литературой, предназначенной для распространения среди своих сторонников, тот уже имеет представление о прин-

циях формирования и деятельности агентурных сетей разведки, теорию которых преподавали в советских специальных учебных заведениях под грифом «Сов. секретно». Ныне с этой темой можно свободно и подробно ознакомиться в Интернете.

Резидентуры, агентурные группы, отдельные агенты в совокупности – это агентурная сеть. Таким образом, оперативный состав и агентурная сеть – основа агентурной разведки.

Труд агента оплачивается, как правило, в зависимости от ценности для разведки тех материалов, которые он предоставляет. Однако в военной разведке были и такие «лица из числа переменного состава», которые, достигнув у себя в стране высокого служебно-общественного положения, из идейных побуждений не только отказывались от оплаты, но и спонсировали проведение некоторых довольно-таки дорогостоящих разведывательных операций.

Следует отметить, что в специальных учебных заведениях всего мира постоянно велись и ведутся исследования с тем, чтобы открыть универсальную формулу для определения размера оплаты работы агентурных источников, стимулирующей мотивацию их сотрудничества с разведкой и закрепления их за спецслужбой. В этом плане заслуживают внимания труды группы американских «сугубо гражданских» экономистов Леонида Гурвича, Эрика Мэскина во главе с Роджером Брюсом Майерсоном (Roger Bruce Myerson), заложивших основы теории оптимальных механизмов. Это трио ученых стало лауреатом Нобелевской премии по экономике в 2007 г. Майерсон и его коллеги были премированы за разработку важнейшей части этой теории – теории оптимальных механизмов функционирования рынка.

Уникальный вклад руководителя проекта в эту теорию основан на открытии фундаментальной связи между необходимым выделением ресурсов и денежными суммами, которые агенты-осведомители должны получать, дабы приходящая от них информация была гарантированно правдивой.

Ощутимый вклад будущий лауреат сделал в механизм теории, когда обнаружил фундаментальную связь стимуляции информированных агентов с истинностью их информации. Этот механизм позволяет выделить ситуации, в которых рынки, используя предоставленную информацию, хорошо работают.

Агентурные сети в советские времена подразделялись на:

- действующие агентурные сети (ДАС) – создавались в разведываемых странах (за рубежом);
- запасные агентурные сети (ЗАС) – создавались на приграничных территориях СССР, которые могли быть оккупированы противником. С началом боевых действий ЗАС превращались в ДАС;
- судовые агентурные сети (САС) – создавались на судах заграничного плавания гражданских ведомств из числа членов их экипажей, находились в ведении военно-морской оперативной агентурной разведки, но использовались как в интересах ОАР, так и в интересах САР.

Существовал и резерв агентурной разведки для наращивания усилий ДАС в угрожаемый период и с началом боевых действий (с наступлением часа «Х», как принято говорить в популярной литературе).

Некоторые агентурные единицы ЗАС и САР заблаговременно готовились для организации партизанского движения в тылу врага.

Лица, сотрудничавшие с разведкой без официального документального оформления своих отношений с ней, по усмотрению ее руководства могли к агентуре не причисляться. Это была каста доверенных лиц, начиная от президентов, кончая руководителями министерств и ведомств стран разведывательных устремлений СССР.

Оперативные офицеры получали свое денежное содержание как военнослужащие плюс процентную надбавку за опасность своей деятельности, размер которой перед распадом Союза стал учитываться и при назначении пенсии. В отличие от общепринятой мировой практики, в

СССР стимуляция труда оперов в зависимости от ценности материалов, которые доставляли их подопечные, не производилась.

Деятельность оперативного состава обеспечивали военнослужащие частей агентурной разведки. Те из них, кто непосредственно принимал участие в работе с агентурой (специалисты узкой направленности), тоже получали соответствующие денежные надбавки.

Теперь мы с вами, дорогие читатели, знаем, что в разведывательном процессе, осуществляющемся любой военной агентурной разведкой, задействованы государство, начиная от высшего военно-политического руководства страны и дальше вниз по линии подчиненности, – заказчик и потребитель информации, разведывательные органы с их оперативным персоналом – организаторы работы по целенаправленному сбору интересующих державу сведений, непосредственные исполнители – «добытчики» заказанного.

Я не ставил своей целью дать моральную и этическую оценку тем или иным действиям спецслужб в разные периоды отечественной истории. Но хотел бы отметить, что каждый разведчик, независимо от того, по какую сторону баррикад он находился в тот или иной отрезок времени, выполнял долг перед своей страной, на верность которой он присягал. Это, конечно, не относится к лицам, виновным в геноциде и в преступлениях против человечества.

После распада Союза правонаследницей военной спецслужбы и ее агентуры стала Россия. Другим молодым независимым государствам досталось лишь то, что они успели национализировать на своей территории. Во многих из них агентурным направлением разведслужбы пришли «рулить» люди весьма далекие от нее – литературного представления о профессии разведчика. Они умудрились даже распространить опасную повседневность личного состава агентурной разведки на обычную рутинную реальность, которая присуща всем военнослужащим армии и флота, добившись выплаты им вознаграждения за деятельность им не присущую. В отдельных странах так называемые «агентурные надбавки» стали выплачивать чуть ли не всем: начиная от солдата, служившего в подразделении, которое называется разведывательным, кончая тыловым генералом, что сумел пробиться в штаб управления, содержащего в своем наименовании намек на его связь с разведкой. А в военно-министерских верхах даже начали разрабатывать документы об их распространении на президента, как Верховного главнокомандующего, министра обороны и чуть ли не весь генералитет. Естественно, что в таких условиях опер, независимо от того, действующий он или отставной, утонул в общей массе великой армии РАЗВЕДЧИКОВ, о нем забыли, а сама разведслужба стала пожирать столько средств, что ни один бюджет оборонных ведомств не выдержит такого напряжения.

Многие обладатели хлипких осколков некогда мощного ГРУ не смогли по-хозяйски их не только сохранить, но и рационально использовать неожиданно свалившееся на голову наследство по назначению. Нынешнее стало слабой тенью прежнего, превратившегося во второстепенные аморфные структуры, ожидающие в течение уже более чем 20 лет решения своих судеб, нередко напоминающих затянувшийся по времени процесс «сравнивания с землей». В результате многочисленных «реформирований» и «оптимизаций» практически полностью уничтожается агентурный аппарат. В некоторых случаях это повлекло за собой ликвидацию оперативной агентурной разведки – хранительницы жизни солдата – и ее составляющей – судовой агентурной разведки, что в конечном итоге «оградило» соответствующих командующих от сведений, необходимых им для принятия взвешенных решений. Завалена вербовочная и информационно-аналитическая работа, в результате чего потерял свою квалификацию оперативный состав. Ведь простую истину, что нелетающий летчик – угроза для авиации, а опер, забывший вкус охоты на источников информации, становится обузой для системы, ее балластом, никто еще не оспорил. Во многих случаях к руководству агентурными подразделениями стали пробиваться команды «специалистов» профильных родов войск и сил, а прагматически и быстро сменившие цветовую ориентацию особо рьяные бывшие замполиты – проповедники марксизма-ленинизма и коммунистической морали в армейской и флотской среде (как и пер-

вые красные политические комиссары) начали стремиться во что бы то ни стало возглавить национальные агентурные органы всех уровней, создав таким образом свою вертикаль уютных мест под солнцем. И не беда, по их мнению, что нет ни соответствующего образования, ни опыта. Зато есть горячие сердца, да и не боги ведь горшки обжигают! Главное – занять место повыше и стать господином как по положению, так и по содержанию. В этих условиях из верхов опытные кадры под благовидными предложениями увольняются или оттесняются на периферию.

Болезни, присущие всем социальным этажам новорожденных младогосударств (коррупция, организованная преступность, социальная апатия, непрерывно увеличивающаяся пропасть между богатыми и бедными...), проникли и в закрытый орден спецслужб, в том числе и в военную агентурную разведку. Оперативный состав стал страдать новой хворью – размышлением мотивации и убеждений, без которых невозможна работа разведчика. Если ранее в системе верховодила совесть, а каждый мог гарантированно доверить свою жизнь сослуживцу (даже не другу!), то ныне во многих случаях «идти в разведку не с кем». С каждым годом военные спецслужбы все больше и больше становятся структурами, обслуживающими и защищающими коммерческие интересы вполне конкретных фирм и концернов. Людям все труднее понять и объяснить самим себе, что же они защищают: свою страну или интересы далеких от их чаяний финансовых и политических групп?

В некоторых случаях разведчиков стали принуждать к обеспечению внутривнутриполитической борьбы. Если раньше протектором от втягивания их в политику служили неполитические должности начальника Генштаба и министра обороны, то в некоторых новых самостоятельных государствах начальников национальных военных разведорганов **напрямую подчинили гражданским политикам**, возглавившим оборонные ведомства. Отсюда и соблазн привлекать военную агентурную разведку к выполнению задач ей несвойственных.

В целом распад СССР довольно-таки больно задел своей разрухой сотрудников разведки, особенно военной агентурной. На просторах постсоветского пространства это четко уловили предприимчивые «бомжи», ряды которых довольно-таки быстро пополнили невостребованные интеллектуалы из числа интеллигенции или ИТР – инженерно-технических работников. То и дело в людных местах стали появляться стыдливо опустившие глаза и протягивающие руку или шляпу граждане, относительно прилично одетые, в галстуках, к которым крепились таблички с крупными надписями «Разведчик-нелегал, потерял все. Родине не нужен», «Разведчик. Родину не продал», «Заслуженный разведчик» или просто «Разведчик». И что интересно, эти люди четко отражали ситуацию, сложившуюся в разведывательных службах разваливающейся на кусочки страны.

Примечательно, что процесс крушения Советского Союза сопровождался периодическим появлением в прессе восторженных материалов о разведке и разведчиках. Обществу настойчиво навязывался культ сытого, не обремененного материальными нуждами, благородного и героического «бойца невидимого фронта». Мамаши-одиночки все чаще своей «безотцовщине», особенно мальчишкам, объясняли, что их папы не летчики, путешественники или полярники (как обычно), пребывающие в длительных командировках, а разведчики, десятками лет находящиеся на задании. Популярность такой версии была невероятной, так как все остальные виртуальные отцы должны хоть изредка, по логике вещей, возвращаться домой, а выполнение важной задачи так просто не прервешь. Легенду мамы часто подпитывали подарками от папы-нелегала в виде буденовок или еще чего-нибудь героического. А находит дама свою судьбу-половинку, ребенку объясняет логично, что отец успешно выполнил ответственное для страны задание и возвратился домой. И не беда, что тот работает таксистом или играет в филармоническом оркестре, ведь в спецслужбах тоже сокращение... Но для мальчишки это не важно. Он с гордостью делится со своими друзьями небылицами, как правило придуманными самим, из легендарного прошлого своего папы...

Но реалии в действительности были так далеки от лирики! Попытки отставных оперативников удержаться на плаву, отстаивать свои законные интересы нередко наталкивались на глухую стену непонимания, в том числе и со стороны их вчерашних коллег по учебе, службе. Некогда совершенно секретные дела после увольнения офицеров агентурной разведки в запас в военкоматах по месту жительства тут же рассекречивались, а запасников на особый период приписывали к частям на должности довольно-таки далекие от содержания во все времена остродефицитных военно-учетных специальностей (ВУС), которыми они обладали. Так заслуженным операм была уготована судьба стать специалистами вещевых, продовольственных служб будущих (пока что на бумаге) соединений. Новоявленным разведывательным ведомствам независимых государств, как правило, не хватало ни сил, ни средств, чтобы помнить о квартирно-финансовых проблемах тех, на горбах которых они созданы.

Но тем не менее обращения в суды тут же с завидной оперативностью нейтрализовались циничной изворотливостью некоторых высокопоставленных вождей-нуворишей в погонах и без них: личные дела «правдоискателей» снова секретились, что, в условиях отсутствия у судей и адвокатов допусков для работы с документами соответствующих категорий, позволяло военным чиновникам навязывать судопроизводству искаженную информацию и в последующем принятие им решений, не соответствующих действительности и не в пользу физических лиц.

Поняв, что в одиночку отстаивать справедливость и свои права довольно-таки тяжело, офицеры разведки стали объединяться в общественные организации. В этом процессе были и издержки. Если на местах, в регионах такие объединения граждан еще что-то и отстаивали, то организации, приближенные к столичным апартаментам национальных разведслужб, на практике в большинстве своем «прикармливались», получали статусы международных, обменивались и, случается, обмениваются до сих пор с бывшими соратниками из ближнего зарубежья здравницами, значками и одами в адрес друг друга, все дальше и дальше отдаляясь от повседневных проблем (надо сказать честно, что они к ним и не приближались!) тех, кому «выпало счастье» служить и доживать свой век на периферии, и теряя связь с ними. С некоторыми уже навсегда, а точнее – навечно. В мировой практике существует испытанное временем правило, гласящее, что бывших разведчиков не бывает, а специалисты этой сферы человеческой деятельности при любых режимах востребованы и успешно используются во благо мира, безопасности и процветания государств, служению которым они безвозвратно отдали лучшие годы своей жизни. Применительно к постсоветскому пространству, оно «работает» не везде. «Бывшие» существуют. Их такими, во вред национальным интересам и в угоду каким-то тактическим соображениям, помогли сделать близорукие советники отдельных политических руководителей. Ведь кадры разведчиков молодых независимых государств не слепые. Где гарантия того, что в перспективе с ними не поступят так же? В таких условиях маниловщиной чистой воды выглядят рассуждения некоторых высокопоставленных руководителей о высокой мотивации труда людей невидимого фронта, о преемственности поколений, изучении опыта предшественников и необходимости кадровой оптимизации, с целью создания и внедрения (по образцу передовых стран мира) такой экономически обоснованной базовой структуры агентурного органа, штат которого, с одной стороны, обеспечивал бы не только эффективное и быстрое становление оперативного состава новой генерации военных разведчиков, но и активное использование на поприще военной агентурной разведки «старой гвардии», служил бы заслоном от проникновения в него людей случайных, пользующихся покровительством власть имущих – с другой.

Агентурная составляющая разведки – очень дорогое «удовольствие» для любой страны. Если государство отождествляет организаторов с непосредственными исполнителями, а такое – увы! – тоже встречается, то его затраты на разведку будут очень высокими за счет ассигнований на обучение персонала как служащих (военнослужащих) спецслужбы, с последующим самостоятельным исполнением ими работы, не требующей такой фундаментальной под-

готовки, которая необходима для оперативных сотрудников. Это все равно что «штамповать» генералов, чтобы те шли в бой в качестве рядовых бойцов. В художественной литературе о разведке в подавляющем большинстве непосредственными исполнителями заданий командования являются, как правило, капитаны-полковники.

Согласно международному праву, непосредственные исполнители делятся на разведчиков и лазутчиков (агентов). К разведчикам относятся те, кто выполняет разведывательные задачи своего командования на занятой противником территории в военной форме одежды, со знаками различия, государственной принадлежности, с оружием и документами, удостоверяющими их личность и принадлежность к разведке (к этой категории лиц с большой натяжкой и степенью условности можно причислить бойцов армейского спецназа, воздушно-десантных частей и тактической войсковой разведки). На разведчиков, в случае их пленения, распространяются положения международных конвенций по обращению с военнопленными.

К лазутчикам относятся все другие лица, тоже выполняющие разведзадания, но в военной форме военнослужащих противника, его союзников или третьей стороны, в гражданской одежде и скрывающие свою принадлежность к разведке, то есть все те, кого разведчиками, согласно вышеизложенному, признать нельзя. На лазутчиков (агентов) не распространяются положения международных договоренностей о защите прав военнопленных.

В СССР к концу 80-х гг. прошлого столетия в системе военной агентурной разведки к разведчикам причисляли кадровых офицеров, в том числе и нелегалов, а к агентам – весь переменный состав службы, включая и офицеров.

Ныне, например, российская военная наука под понятием **РАЗВЕДЧИК** определяет, что это:

- 1) гражданин РФ, привлеченный к сотрудничеству с разведкой и давший добровольное согласие на выполнение ее задач в мирное и военное время;
- 2) кадровый сотрудник разведки.

Она трактует, что **АГЕНТ** – это иностранец, тайно и осознанно выполняющий задания разведки с использованием агентурных способов и методов на основе согласованных условий сотрудничества, поддерживающий агентурную связь с руководителем и соблюдающий требуемые меры безопасности.

Разведчиков и агентов, других граждан государства, ставших на путь сотрудничества с зарубежными разведками, иностранцев, работающих против «великого и могучего», в СССР называли шпионами. Это понятие интернационально и под ним во всех странах подразумевали то же самое, что и в Союзе. К шпионам везде относятся однозначно – это преступники, предавшие свое государство, независимо от причин, подтолкнувших их к такому шагу. Такими они и останутся в истории разных народов, в какие бы одежды они себя ни рядили и какими бы самыми благородными побуждениями ни объясняли свои поступки. Однако в то же время нередко гражданин, предавший свою Родину, становится национальным героем и великим разведчиком чужого отечества. Так уж сложилось в мире...

Разведка – работа одна из самых неблагодарных. В ней приходится дорого платить за ошибки, которые почти всегда заканчиваются провалом. Последний приносит тайному ее сотруднику славу, за которой нередко следует расстрел или эшафот...

Все негативное, сказанное о шпионах выше, вовсе не означает, что они – отпетые мерзавцы, бесталанные и опустившиеся до состояния твари люди, не умеющие или не желающие зарабатывать праведным путем на хлеб свой насущный. Скорее напротив: жить многие годы двойной жизнью, постоянно ходить по острию ножа, носить личину лояльного гражданина и добропорядочного семьянина, аккуратно исполнять указания одного начальства и тут же тайно бежать с докладом к другому – дело непростое, требующее не только крепкого физического здоровья, но и незаурядных актерских способностей, дара перевоплощения, в котором виртуозный обман венчает все усилия игрока.

Бесспорно, агентурная разведка менее гуманна и в какой-то степени аморальна, но для получения ценной, документальной и достоверной информации государству без нее не обойтись. Она имеет свои специфические формы и методы, отличные от действий войсковой разведки с ее маскхалатами и автоматами. Очень часто работа одного человека с рюмкой водки в руке в логове врага и конечно же не в военной форме страны, которой он служит, приносит больше пользы для нее, чем усилия десятков тысяч бойцов с винтовками наперевес. По этому поводу очень метко еще в юности высказался одному из своих школьных друзей в прошлом сотрудник советской разведки, а ныне президент России В.В. Путин: «Я собираюсь стать шпионом – это *они*, а не армии выигрывают войны. Солдаты – это всего лишь слуги, они – мясо, а не мозги».

Истоки

Военная разведка – продукт эволюции человека, следствие его социализации и организации в сообщество, способное создать вооруженную составляющую социума. Определенные формы и методы ее ведения тоже складывались в ходе исторического опыта борьбы за существование.

Когда первобытный человек еще находился на уровне развития животного, то использовал особые, устоявшиеся в виде инстинкта ритуалы устрашения соперника при разрешении конфликтных ситуаций. Индивидуум, почувствовавший себя в этом «спектакле» более слабым, уступал место сильному. Последний же, не прибегая к убийству, полностью удовлетворялся этим: у животных одного вида редко встречается каннибализм.

Одной из черт, помимо алчности, жестокости и коварности, отличающих человека от других животных, является не инстинктивная, а очень высокая осознанная агрессивность. При опасности вторые спасаются, но они никогда не будут спасать себя за счет убийства себе подобных. Люди же – единственные живые существа, характерной особенностью которых с момента их появления была врожденная готовность убивать друг друга из-за территории, пищи, женщины, чтобы доказать свое физическое или расовое превосходство, в ритуальных целях (например, у древних евреев существовал обряд вкушения крови убитого иноплеменного ребенка). И очень часто, дабы доказать соплеменникам полноту уничтожения противника и невозможность его воскрешения из мертвых, победители съедали побежденных, показывая тем самым еще и рациональность расходования белковой пищи, источником которой являются повергнутые особи, им подобные. А в Африке, например, вплоть до середины XX века в дождевых лесах Габона местные высокорослые мужчины из народности банту охотились на пигмеев с экзотическими целями. Великаны относились к ним как к своему стаду, которое содержали исключительно для забоя с последующим приготовлением мясных деликатесов. Поедание маленьких жителей леса «скотоводы» не считали каннибализмом. Банту были уверены, что принадлежат к высшей расе, о чем убедительно свидетельствовал их рост.

Это потом, в процессе эволюции, люди стали рассматривать плененных мужчин в качестве исполнителей рабского труда, обеспечивающего безбедное существование победителям, женщин – в качестве средства воспроизводства войска, девочек – в качестве потенциальных рожениц, а мальчиков – как подрастающее поколение воинов. То есть прогресс человечества уничтожил каннибализм, и до наших дней с тех древнейших времен он сохранился лишь у некоторых примитивных племен.

Но агрессивность сохранилась. Ее проявление – войны, а средство – вооруженные силы, боевое обеспечение которых осуществляет военная разведка. В ходе исторического опыта человек разумный пришел к прагматичному выводу, что война ради войны бессмысленна и что любая агрессия должна иметь конкретный вектор направленности, обеспечивающий максимальную вероятность удовлетворения потребностей нападающего. С целью достижения этого для обслуживания войска начали применять особый вид мыслительно-интеллектуальной деятельности – военную разведку, в том числе и агентурную. Одновременно с появлением средств вооруженной борьбы и их применением в ходе первых организованных вооруженных столкновений глубокой древности зародилось военное искусство. В период рабовладельческого общества полководцы и военные теоретики Египта, Персии, Китая, Индии, Греции и Рима ставили и разрешали некоторые вопросы, связанные с ведением военных действий в конкретных физико-географических условиях, с организацией, подготовкой и воспитанием войск, а также анализировали и обобщали опыт боев и походов.

Издавна существует аксиома: «Хочешь мира – готовься к войне». Нередко о ней забывали, и тогда происходили события, связанные с уменьшением жизненного пространства «сла-

баков», трехдневными бесчинствами победителей, вследствие чего терялось нажитое добро, насильовались на глазах не способных к сопротивлению стариков женщины, а подростки пополняли поредевшие ряды армии пришельцев. Полководцы того времени считали надругательство над слабым полом благородной миссией их войска, традиционной общепринятой формой принудительной коррекции победителями генофонда (выражаясь нынешней терминологией) побежденных в сторону его улучшения, для повышения способности поставленных на колени защищать свои интересы в будущем. Мужчины поверженного войска или же погибали, или становились калеками, или пленными. При этом они подвергались изысканному моральному унижению: «Не сумели защитить свое, созерцайте насилие над любимыми, кормите чужаков, восполняйте утраченное». Им «выпадала честь» восполнять награбленное, воспитывать родившихся вследствие бесчинств младенцев (как правило, на поверженных территориях через 9 месяцев всегда происходил всплеск рождаемости) и делать выводы: то ли они останутся на коленях, не оказывая сопротивления насилию, то ли изгонят врага со своей земли, делая все для недопущения повторения в будущем уже пережитого ими унижительного прошлого.

Разведка – одна из старейших профессий на земле. Подтверждение этому можно найти в Ветхом Завете, шумерском эпосе о Гильгамеше. Разведчики, безусловно, появились раньше современных государств. Так, правитель Египта Иосиф обвинил в шпионаже своих братьев, которые пришли в родную страну и не узнали в первом министре фараона своего родича. А когда евреи покинули египетские земли и начали блуждать в Синайской пустыне, Моисей послал от каждого из 12 колен Израилевых по одному человеку разведать Землю обетованную.

Процесс добывания, сбора, анализа и доклада соответствующему руководителю (главе государства, военачальнику) данных «о соседних землях, государствах, их вооруженных силах, населении, экономике...» и т. д. уже в древности назывался разведкой.

Считается, что как самостоятельный вид государственной и военной деятельности разведка возникла в первые века существования самобытной китайской цивилизации. К использованию лазутчиков и агентуры прибегали государи и полководцы царств Древнего Китая в эпоху Чжоу (XII – III вв. до н. э.). В IV столетии до н. э. видный китайский деятель Шан Ян создал концепцию тотального шпионажа внутри страны.

Постоянные войны породили целую профессиональную группу – шуйке и цеши. Первые, странствующие дипломаты, предлагали свои услуги по ведению переговоров и нередко сами ставили правителей для обеспечения «фронта работ» себе и цеши – мастерам разведки, подрывных акций, переворотов и иных тайных «искусств».

Считается, что впервые в мире письменно основы военного шпионажа изложил китаец – известный полководец и военный теоретик Сунь-цзы в своей книге «Искусство войны». В ней описаны практика организации разведывательной деятельности в Китае за 400 лет до н. э., принципы использования секретной агентуры в интересах военной разведки, в которой нуждались непрерывно «воюющие царства» (иногда их число доходило до семидесяти). Ему удалось упорядочить стратагемное китайское искусство – свод канонических правил-алгоритмов по применению хитрости, годящийся практически для всех сфер человеческой деятельности, лежащий в основе китайского стиля мышления и национальной психологии наряду с конфуцианством, легизмом и даосской мудростью.

В то время существовало пять разновидностей агентов:

- туземные;
- внутренние;
- двойные;
- невозвратимые;
- живые.

Туземные и внутренние агенты – это агенты, внедренные на объекты за рубежом или на своей территории соответственно (вспомните агентов ДАС и ЗАС!!!).

Двойной агент – перевербованный агент противника, согласившийся работать на сторону, его разоблачившую и сохранившую ему жизнь.

Невозвратимый агент – агент, через которого противнику поставлялась дезинформация. Вероятность его разоблачения и казни считалась очень высокой.

Живые агенты – агенты из числа своих подданных, засылаемые для разведывательной работы в стан врага на определенное время для выполнения какой-то одной конкретной задачи. Как правило, это были агенты-маршрутники, передвигающиеся по определенному маршруту и ведущие разведку наблюдением, осведомлением, изредка – подслушиванием. Часто они пускали тревожные слухи, травили ядами источники воды и продовольствие, занимались поджогами. Степень выживаемости среди них была значительно выше, чем у невозвратимых агентов.

Кроме того, Сунь-цзы в своем трактате изложил основы контрразведки, дезинформации, психологической войны, безопасности и живучести агентуры, воздействия на нее за прегрешения: «наказание должно применяться незамедлительно». Он считал, что **успех в разведке зависит от искусства находить друзей в стане врагов**. При этом древнегреческие и древнеримские упования на богов или духов в этом деле им решительно отменялись.

После утверждения в Китае императорской формы правления (III в. до н. э.) разведка в течение двух тысячелетий являлась одним из важнейших инструментов политики Китайского государства, осуществлявшего территориальную экспансию по всем направлениям. Она не только поставляла информацию в интересах военных походов и дипломатических комбинаций, но и выявляла смутьянов внутри страны, охватив китайское общество сетью тотальной слежки.

Правители древнего и средневекового Китая по примеру первого императора Цинь Шихуанди предпочитали лично руководить разведкой и решать важные задачи с помощью доверенных, преданных лиц, преимущественно связанных с ними кровным родством. Интересующие их сведения поставлял разветвленный бюрократический аппарат, добровольные информаторы из числа «ученого сословия» (шэньши) и руководители органов сельского самоуправления (в их руках находилась система взаимной слежки крестьянских дворов – «баоцзя»).

Кроме того, свою разведывательную работу проводили многочисленные тайные общества и секты, готовившие антиправительственные восстания и перевороты. Они действовали в строгом соответствии с концепцией Цинь Шихуанди, провозглашенной правителем в 221 г. до н. э. Согласно ее положениям «варвар, живущий как китаец, – китаец, а китаец, живущий как варвар, – варвар».

Мысли, высказанные Сунь-цзы в отношении «использования соглядца», до сих пор высоко ценятся разведчиками всего мира. Описанное им стратагемное искусство войны, политики и дипломатии заложило фундамент деятельности спецслужб Китая, сохранившийся и поныне, а его распространение способствовало применению китайского опыта в деятельности аналогичных структур других государств.

С библейских пор существует традиция вознаграждения лиц, сотрудничающих с разведкой. В Библии есть эпизод, когда Иисус Навин послал двух человек в Иерихон, чтобы они там тайно все высмотрели. Те поселились в доме блудницы Рааб (чем не хозяйка конспиративной квартиры в современной терминологии?!). Рааб скрыла шпионов у себя дома, а после выполнения ими задания вывела их из города. Результат разведки: израильтяне овладели Иерихоном, «истребив всех жителей, кроме блудницы и ее семьи». Это была плата за сотрудничество.

С момента образования Киевской Руси разведка была делом государственным и велась на двух уровнях – внешнеполитическими и военными ведомствами. Для сбора разведывательных сведений привлекались русские подданные: послы и сотрудники посольств, парламентареры, ведущие переговоры с противником.

К работе в разведке во все времена старались привлечь людей незаурядных способностей и одаренных. Уверен, что многие из вас, дорогие читатели, знакомы с такими произведениями Даниеля Дефо, как «Робинзон Крузо», «Молль Флендерс», «Дневник чумного города», но наверняка единицы знают, что их автор – великолепный специалист по разведке XVII – XVIII вв., организатор крупной разведывательной сети и первый шеф английской разведки. Об этом мир узнал спустя много лет после его смерти. Принадлежность писателя к разведке была тайной за семью печатями.

Хотя Великобритания не была единственной страной мира, в которой отдельные писатели были по совместительству «рыцарями плаща и кинжала» (на этой ниве усердно трудились и француз Бомарше, и бельгиец Сименон, и русский Тургенев), в ней раньше других сложилась традиция использовать авторов художественных произведений для тайного информирования правительства. Чтобы предотвратить новые революционные потрясения, вроде тех, что случились в Англии в XVII в., правящие круги этой страны старались получить надежные сведения о подспудных течениях в обществе, могущих дестабилизировать существовавший строй. Известно, что граф Оксфорд, влиятельный вельможа при дворе королевы Анны (1702–1714), писал: «Было бы крайне полезно иметь на стороне правительства скромного писателя хотя бы даже для точного изложения истины». Справедливо рассудив, что острую наблюдательность писателя, его нешаблонный ум, способность найти емкие слова и яркие образы для изложения наблюдений и выводов можно использовать для получения своевременной и содержательной информации, глубоких и оригинальных суждений, граф привлек для конфиденциального информирования властей Даниеля Дефо и Джонатана Свифта. А вскоре создатель «Робинзона Крузо» организовал общенациональную систему слежки за настроениями в обществе, их анализа и принятия соответствующих ответных мер.

С расширением британских владений Лондон стал принимать меры, чтобы получить высококачественную информацию о том, что творилось на всей планете. Писатели использовались не только для сбора информации и ее аналитической обработки, но и для организации тайных операций, которые были возможны благодаря связям мастеров слова в различных общественных кругах многих стран земного шара, а также доверию к ним. Кто мог заподозрить в прославленном авторе популярных романов кадрового разведчика?

Украина в истории разведки

Корни советской военной разведки и ее агентурной составляющей уходят в глубь веков и тесно переплетаются с историей преимущественно нынешних белорусского, российского и украинского народов. В XVI в. в России появились первые органы центрального управления, организующие и ведущие разведку.

Историю отечественной разведки специалисты ведут от Посольского приказа, созданного царем Иваном IV в 1549 г., когда еще не делалось различий между дипломатией и разведкой. Возглавляли ведомство представители духовенства. С именем Ивана Грозного связаны и начавшиеся в государстве репрессии против разведчиков: в 1570 г. жестоко казнили посольского дьяка Ивана Висковатого, заподозренного в измене и заговоре против трона, – одного из первых специалистов в сфере приобретения «агентов влияния».

В XVII в. необходимые сведения традиционно добывают члены российских постоянных комиссий за границей, гонцы, купцы, духовенство, жители приграничных районов, крупные и мелкие воинские отряды, отдельные военнослужащие. Активно использовались для ведения разведки и иностранцы, в том числе и проживающие на территории Русского государства: торговые люди, священники, сотрудники зарубежных представительств, перебежчики и военнопленные.

Агентурная разведка, как таковая, неотделима от исторического прошлого украинцев, россиян и белорусов. Чтобы лучше понять логику событий тех далеких дней и увязать ее с последующим ходом истории, условия, в которых зарождалась разведслужба, необходимо глубоко осознать модель военной организации государственных субъектов Восточной, Южной Европы, развитие ситуации в России и Белой Руси XV – XVIII вв.

Географическим центром этого процесса объективно стала постоянно раздираемая междоусобицей и никогда не прекращающимися внутренними противоречиями Украина. В ней устоялись определенные ежегодные циклы кровавого противостояния. Весной делили «межу» (межа – граница землепользования). Выжившие в этой схватке до конца мая обрабатывали и засевали-засаживали землю. В июне – июле с оружием в руках отстаивали перед польской шляхтой свои права, в августе-сентябре убирали урожай, в октябре – ноябре защищали свое добро от чрезмерных казенных податей и набегов готовящихся к зиме кочевников. В ноябре – марте зализывали полученные в боях раны. С апреля по ноябрь земля украинская щедро покрывалась телами погибших, которых даже не успевали хоронить. На помощь приходили санитары лесов и полей волки, расплодившиеся в условиях обилия пищи в несметных количествах. Поэтому Украину и миловал Бог от всякого рода эпидемий. Привыкшие к человечине, волки зимой становились грозой сел и хуторов. Редко кто в зимнее время, особенно морозной ночью, решался без охраны отправиться в дорогу: велик риск стать кормом для «сероманцев». Лукавят нынешние знатоки истории, что об Украине ничего не знали на Западе. Ведали!!! И о казаках, и о четвероногих злодеях! Во французских и в немецких семьях в течение более трех столетий вплоть до конца XIX в. непослушных маленьких детей традиционно пугали отправкой в заснеженные украинские степи на съедение местным голодным волкам, если малыши не будут вести себя прилично...

В XV в. в польском обществе утвердились общепризнанные устоявшиеся названия земель как самой Польши, так и ее восточных ближних и дальних соседей. Так, исконно польские территории, населенные этническими поляками, именовались Великопольскими. Значительная часть ее южных владений, населенных преимущественно украинцами, нарекли малопольскими (примечательно, что ныне в Польше есть Малопольское воеводство с центром в г. Кракове). Малопольские земли граничили с Малороссией, которая простиралась вдоль левого и правого берегов Днепра и плавно переходила в Великороссию. Населяли Малороссию пре-

имущественно этнические украинцы, разбавленные евреями, армянами, русскими. Западные ее границы были не постоянными, нередко они проходили по Днепру, а то и по Левобережью. Позже поляки в противовес «прижившемуся» России названию «Малороссия» первыми стали употреблять термин «Украина».

На самой верхней ступеньке военной иерархии того времени находились короли (князья, господари и т. п.). Непосредственно руководили армиями в Литве, Чехии, Речи Посполитой, на Украине и в Молдавском княжестве (начиная с Чехии в 1420 г.) гетманы. Кстати, после административной реформы 2000 г., разделившей нынешнюю Чешскую Республику на края, гетманом называют главу края. Если крупное государственное образование включало несколько порабощенных им государств, то гетманы подразделялись, как правило, на великих (то есть правителей стран-вассалов), великих полевых (то есть командующих профессиональными и мобилизационными армиями государств-сателлитов), полевых (т. е. командующих артиллерией и наемниками регулярных войск) и просто гетманов (то есть лиц, представляющих своего короля и осуществляющих на определенной территории государственное и военное правление от его имени). Гетманам подчинялись полки, которые дислоцировались гарнизонами и возглавлялись полковниками. Структура полков зависела от их национальной принадлежности. На Украине они состояли из кошей (аналогичны пехотному батальону) во главе с кошевыми атаманами, те, в свою очередь, – из куреней (рот) под командованием куренных атаманов. Курени имели несколько чот (взводов). Личный состав украинских территориальных полков назывался казаками. Это были реестровые казаки, то есть вошедшие в реестр.

Реестр – официальный список казаков (или штат в нынешнем понимании), находящихся на коронном содержании, обычно не превышал 10 тысяч человек, что существенно меньше многих магнатских армий. Любая попытка расширить реестр, в чем был заинтересован король, наткнулась на запретительный крик какого-нибудь шляхтича: «Не дозволяю!» (по тогдашнему закону сейм принимал решения только при единогласии всех участников заседания). Магнаты не хотели усиления короны.

Так уж сложилось исторически, что именно за Днепровскими порогами начиная с XVI в. стихийно образовалось поселение лиц мужского пола (казаков), которое в простонародье называлось «Сечь» (Запорожская Сечь, Войско Запорожское Низовое) – военный и административный центр запорожского казачества, просуществовавший до середины XVIII в. Во главе Сечи находились выборные атаманы: сечевой, кошевые и куренные.

Украинские казаки (изначально) – иррегулярные пограничные войска Польского государства, дислоцированные гарнизонами на территории нынешней Украины с наибольшей их концентрацией в районе Запорожской Сечи. От него они получали некоторые льготы в занятии обычным земледелием и скотоводством, а также необходимое вооружение и снаряжение. За это они расплачивались защитой приграничья от эпизодических налетов соседних кочевников (с большими силами противника воюет регулярная армия). Однако Запорожское сечевое войско было слабо управляемым с Варшавы. Поэтому король начал проводить политику частичного его включения в реестр.

Сечевые казаки традиционно были резервом для пополнения реестрового казачьего войска на случай войны. Однако взять на довольствие всю сечевую братию возможности казны не позволяли, да и не было смысла ставить их под ружье. В то же время сечевое казачество постоянно расширялось за счет лиц, сбегавших «свет за очи» в поисках лучшей судьбы. Сечевых атаманов вскоре стали тоже величать гетманами. Ни реестровые, ни сечевые гетманы жалованье из польской казны не получали. Первые существовали за счет своих имений и военных походов, вторые довольствовались лишь тем, что добудут в боях. Польский король в конечном итоге вынужден был официально признать сечевого гетмана равным с другими (им назначаемыми) гетманами.

Первое на территории запорожской вольницы подразделение реестровых казаков (для охраны южных и восточных государственных границ, а также сдерживания сечевых казаков от действий, противоречащих интересам Польского государства) численностью в 300 человек было сформировано 5 июня 1572 г. по приказу Польского короля Сигизмунда II Августа коронным гетманом Юрием Язловицким. Это формирование возглавил старший воинский начальник и судья (в последующем гетман) шляхтич Ян Бадовский, и состояло оно преимущественно из этнических украинцев, проживавших в свободных поселениях за Днепровскими порогами. Воинское подразделение получило два официальных наименования «Низовое войско» и «Запорожское войско». Необходимо отметить, что польское правительство признавало казаками лишь личный состав этого войска, то есть военнослужащих, внесенных в реестр.

Реестровые казаки получили право иметь собственные военную, административную и судовую системы. Отличие реестровых казаков от сечевых еще и в том, что первые, находясь на содержании у польского короля, освобождались от всех налогов и повинностей, имели земельные наделы и семьи, могли заниматься промыслами и торговлей, вторые – не получали королевского жалованья, не имели собственности, семей, а на жизнь себе «зарабатывали» военными походами.

Реестровое войско на казацком совете (казацкой раде) имело право самостоятельно избирать себе гетмана и казацкую старшину. Оно получило несколько артиллерийских пушек, военные клейноды (булаву – символ должности, печать с гербом, хоругвь) и литавры. Гетман стал именоваться «Гетман Его Королевской Милости Войска Запорожского». Во владение реестровым казакам король передал г. Трахтемиров, в котором размещались арсенал и госпиталь для содержания и лечения больных, раненых и пожилых казаков. Запорожцы имели и свои дипломатические представительства: при польском короле и в Крымском ханстве.

Особенностью Войска Запорожского было то, что оно включало в себя как реестровое, так и сечевое казачество. Нередко рядом стоящие курени (казармы) находились в разном подчинении: реестровом и сечевом. Часто сечевые казаки за пропитание служили реестровым за прислугу и работников в надежде, что в будущем их возьмут на штат. Тяжелое положение крепостных крестьян-украинцев в сочетании с бедностью, нехваткой средств к существованию основной массы сечевых казаков нередко приводило к восстаниям. Бунтовщики выбирали себе гетмана. Часто, выйдя из подчинения королю, на стороне восставших сечевиков воевали и казаки реестровые, и гетман его королевского величества Войска Запорожского. После подавления казацко-крестьянских восстаний 1637–1638 гг. гетманские титулы реестровых казаков в Польше были упразднены. Гетманов имели лишь запорожские сечевые казаки, при которых находилось представительство польского короля.

Дворяне исконно польских земель, украинских воеводств Польши и Великого княжества Литовского назывались шляхтичами. Шляхтичей с украинскими корнями называли русинами, а местность, где они компактно проживали, – Россией, с ударением на первом слоге. Примечательно, что и ныне коренные жители Закарпатской Украины нарекают этим словом с ударением на первом слоге просторы восточнее Карпат. Шляхта представляла собой открытое сословие воюющих господ, в массе своей – малоземельную «неаристократическую» знать, во время войны превращающуюся в дворянское ополчение. Тем не менее даже бедные шляхтичи дистанцировали себя от «быдла» (в переводе с польского означает крупный рогатый скот) – работников физического труда, имеющих «пся крев», то есть собачью кровь. Истинный шляхтич предпочел бы умереть с голода, но не опозорить себя работой, требующей физических усилий. Отличались гонором, то есть обостренным чувством собственного достоинства и демонстративной храбростью. При доминирующем католицизме шляхта была весьма веротерпима: к сословию принадлежали как католики, так и православные. Основными занятиями большинства шляхты в мирное время были охота, полонез (бальные танцы) и прочие галантные увеселения. Шляхтичи являлись основой польской феодальной власти. За свою службу королю они

получали в свое неограниченное пользование феодал – землю и зависимых крестьян, которых тогда называли «душами».

Казацкое начальство в большинстве своем было выходцами из шляхты (шляхетного рода). В разное время предводителями сечевого казачества были в чем-то обиженные жизнью шляхтичи как этнические и полонизированные (потомки от смешанных украинско-польских браков) украинцы, так и поляки по национальности: Богдан Зиновий Хмельницкий, Криштоф Косинский, Недашковские, Дмитро Байда Вишневецкий, Юрась Хмельниченко, Тимуш Хмельницкий, Иван Выговский, Петро Конашевич Сагайдачный, Иван Мазепа и др. Однако, являясь сердцевиной украинской национальной элиты, национальное дворянство не играло значительной роли в народном сознании украинцев.

Нельзя сказать, что в то время войска обходились без применения агентурных методов добывания сведений о противнике или введения его в заблуждение. Отдельные элементы из всего комплекса агентурных мероприятий использовались, и довольно-таки успешно. Однако особо преуспели на этом поприще сечевые казаки, условия жизнедеятельности которых при-нуждали их к применению агентуры в стане противника для целенаправленных налетов на источники продовольствия, места концентрации сельскохозяйственных животных, склады вооружения с наименьшими потерями в личном составе, коннице, гужевых транспортных устройствах и плавсредствах...

Система разведки запорожских казаков уходит своими корнями в XVI в. Ее создание «стимулировали» татары, время от времени и, как всегда, неожиданно для казацкой вольницы того времени совершавшие опустошительные набеги на Сечь. В более поздний период исторического развития каждый гетман имел свой штаб, структура которого была унифицированной. В его состав входили:

– **генеральный обозный** – второй чин после гетмана; в случае отсутствия, смерти, низложения гетмана исполнял его обязанности. Ведал артиллерией, снабжением войска, транспортом, продовольствием и вооружением. Утверждал места для стоянки армии лагерем, руководил строительством укреплений вокруг него и, по обычаю, становился его комендантом. Обеспечивал защиту войска от смуты в его рядах и проникновения в него враждебных элементов, организовывал скрытое наблюдение за иностранцами, возглавлял личную охрану гетмана, то есть *был главным руководителем военной контрразведки* в нынешнем понимании этого слова;

– **генеральный писарь** – исполнял функции близкие к обязанностям нынешнего начальника Генерального штаба, возглавлял генеральную войсковую канцелярию, архивное дело, исполняя обязанности государственного секретаря, ведал всей документацией, готовил указы и приказы, занимался организацией почтовой связи. Был первым советником гетмана, участвовал в переговорах на высшем уровне, принимал послов иностранных государств и войск. Занимался вопросами *стратегической агентурной разведки*: формирование посольств, дезинформация и психологическое воздействие на противника, подготовка толмачей (переводчиков) и организация их работы;

– **генеральный стражник и стражник** – отвечали за охрану и безопасность войска на марше, во время ведения боевых действий, на подступах к лагерю, *за разведку, в том числе и агентурную*;

– **старший и младший генеральные есаулы** – составляли казацкие реестры, рассматривали апелляции, поступавшие от полковых и сотенных судов, жалобы и предложения казацкой старшины. Следили за соблюдением законности, обычаев и казацких традиций. Проводили учения и смотры казацких войск, поддерживали порядок на Генеральном военном совете (общем собрании старшины казацкого войска и наиболее авторитетных представителей-лицей от рядовых казаков, составляющих казацкое товарищество). Во время боевых действий

командовали наемными силами, могли возглавить группу парламентаров для переговоров с противником;

- **старший и младший генеральный подскарбен (казначей)** – руководили всеми финансами и организацией сбора налогов. Должность учреждена в 1729 г. До этого вопросами финансирования ведал аппарат генерального писаря;

- **генеральный хорунжий** – аналог нынешнего офицера Генерального штаба, ведающего организацией службы войск, соблюдением правопорядка и дознанием в войсках. Вел следствие в делах, связанных с преступлениями в старшинской среде. В особых случаях возглавлял личную охрану гетмана (при недоверии гетмана своему генеральному обозному), исполнял обязанности личного порученца гетмана;

- **генеральный бунчужный** – отвечал за хранение бунчука, по поручению гетмана инспектировал отдельные казацкие полки, проверял жалобы;

- **генеральный шпитальный** – заведовал медслужбой;

- **генеральный судья и подведомственный ему генеральный суд** – толковали писанные и неписанные казацкие обычаи и законы, вершили суд над преступниками, рассматривали апелляции и прошения о помиловании, контролировали работу всех нижестоящих судов, организовывали выборы судей: все вершители правосудия были выборными.

Гетман и руководство его штаба составляли **генеральную старшину**.

Из военных походов на Сечь целенаправленно привозились 15–20-летние юноши-пленники. Это были уже частично сформировавшиеся личности, в совершенстве знавшие быт, обычаи и нравы своей нации, ее язык и культуру. Под кураторством стражников каждый пленник изучался индивидуально на соответствие определенным критериям. При положительных результатах этой работы невольники распределялись по сечевым школам (запорожские учебные заведения разделялись на сечевые, монастырские и церковно-приходские), где их обрабатывали в православную веру, учили черкасскому языку: украинский язык центральной части Украины). В дальнейшем их готовили к ведению разведки агентурными методами. Обучением занимались лица, имеющие опыт специальной работы.

Казацкая агентура охраняла казацкое войско на дальних подступах к нему, вела маршрутную разведку, сеяла панику в стане врага еще до подхода наступающих казацких сил, дезориентировала противника, способствовала деморализации его личного состава, выявляла места складирования продовольствия, вооружения и боеприпасов, других материальных средств, вскрывала систему их охраны и обороны, готовила наиболее безопасные маршруты выхода к ним подразделений захвата и целесообразные пути вывоза добытого. В отдельных случаях проводились специальные операции по ликвидации авторитетных, но не склоняющихся к сотрудничеству с запорожцами представителей гражданского населения противника и членов их семей, а также лиц, перешедших на сторону неприятеля.

Особое внимание уделялось сохранению жизни действующей агентуры. На период проведения казацких операций ей указывались безопасные места для укрытия, чтобы она не попала в зону боевых действий. Результаты ее работы щедро вознаграждались из казацкой казны. Агенты, утратившие свое имущество в ходе боевых действий, получали компенсационные выплаты.

Для ведения разведки агентурными методами создавались агентурные группы во главе с наиболее опытным разведчиком-агентурщиком. Ему выделялась в подчинение молодежь: маршрутники, связники, агенты-наблюдатели. Группа за 1–2 недели выходила в район предстоящего казацкого рейда с задачей сбора всех необходимых сведений наблюдением, осведомлением и подслушиванием. Ей назначалось время и место встречи с представителем командования. После передачи необходимых данных, как правило, подразделение выделяло из своего состава двух проводников для основных сил казаков, вело разведку запланированных путей их отхода с захваченной добычей.

Основателем стратегической агентурной разведки Запорожской Сечи по праву считается ополченный украинец Иван Выговский, начинавший службу личным писарем гетмана Богдана Хмельницкого. Именно польские корни будущего гетмана Войска Запорожского стали решающим фактором подписания им в 1658 г. Гадячского договора, согласно которому часть украинских земель вошли в состав Речи Посполитой в качестве третьего суверена на равных условиях с Польской короной и Великим княжеством Литовским. Выговский является и первым казацким послом в Трансильванию: во время осады Львова войсками Хмельницкого в 1648 г. он был направлен гетманом для переговоров к трансильванскому князю Дьердю Ракоци. Со временем посланник стал генеральным писарем. За короткое время Выговский создал мощную и высокоэффективную канцелярию. Это учреждение было по сути министерством иностранных дел, внутренних дел, Генеральным штабом с органом стратегической агентурной разведки. Сюда поступала военно-политическая информация о положении на исконно украинских землях, собственно в Польше, в прилегающих к ней государствах. Здесь принимались и отсюда отправлялись многочисленные посольства.

Например, в начале 1649 г. для сбора разведывательной информации по указанию Выговского полковник Максим Нестеренко послал в Польшу из Переяслава несколько десятков разведчиков-агентов. Чуть позже непосредственное руководство такими операциями переходит к генеральному писарю.

Наиболее ценными агентами Выговский руководил лично. Одним из них являлся татарский толмач (переводчик) великого визиря Сефер Кази-аги. Агент во время сепаратных польско-крымских переговоров под Каменец-Подольским в декабре 1653 г. передал генеральному писарю их содержание. Агентами Выговского были серб Николай Маркевич (в конце 1653 г. отправлен для работы в Турцию), грек Теодозий Томкевич – львовский купец и мещанин (в 1658 г. посредник на переговорах между казаками с одной стороны и правительствами Речи Посполитой и Швеции – с другой). Агентурные источники, работающие на запорожцев, имелись, кроме того, в Литве, Чехии, Моравии, Силезии, Австрии и других странах. Казацкая агентурная сеть была настолько развитой, что польские вельможи – современники Петра Дорошенка не раз жаловались на утечку в Запорожье информации о замыслах короля.

В 1683 г. во время осады турками Вены отличился украинец Юрий Кульчицкий, который дважды пересекал вражеский стан и форсировал Дунай с тем, чтобы передать австрийским войскам разведывательные сведения и известие о спешащей помощи. Мужественный разведчик в награду получил 300 трофейных мешков с кофе. Это позволило ему открыть одно из первых в Европе кафе. А Вену до наших дней украшает памятник знаменитому украинцу.

Влияние ведомства генерального писаря усилиями Выговского было на деле поднято на второй уровень после гетмана, и не случайно западные источники называют с этого момента генеральных писарей канцлерами. Однако такая реальность нередко приводила к конфликтам с генеральным обозным – официальным вторым чином после гетмана и его аппаратом управления, что напоминало «перетягивание одеяла власти». Первое лицо в казацкой иерархии старалось не вмешиваться в такие разборки, что не способствовало высокой организованности и согласованности в действиях как наверху, так и в его зеркальном отражении – внизу.

К исполнению дипломатических миссий привлекались и иностранцы: грек Иван Мануйлов, серб Василий Данилов. Но наиболее важные поручения Выговский доверял лишь своим близким: отцу, братьям, а также преданным слугам и лицам из числа челяди.

Общий пакет заданий для разведки формировался коллегиально на раде Запорожского войска. Затем он конкретизировался генеральным писарем (для стратегической разведки) и на сходке кошевых атаманов (для оперативной агентурной разведки). После сходки задания по линии ОАР распределялись аппаратом стражников.

В планировании стратегической разведки непосредственное участие принимали писарь, толмач, есаул, лицо, ведающее казной. Оперативная разведка планировалась аппаратом кошевых атаманов, они же осуществляли руководство ее деятельностью.

Активность казацкой разведки и ее численность зависела от военно-политической обстановки. Например, в начале 50-х гг. XVIII в. разведкой в Запорожье занимались 773 человека, с обострением российско-турецких отношений в конце 60-х гг. – 1274 человека.

Однако, уважаемые читатели, вернусь в своем повествовании немного назад.

Преобладающей характеристикой польской политической элиты во все времена было чванливое высокомерие в отношении украинцев и белорусов. Польский пан русских боялся, а украинцев и белорусов презирал. Что может быть приятнее для польского гонора, чем возможность выказать свою спесь и презрение к тем, кто, будучи слабее, не мог оказать сопротивление? В польских печатных изданиях и в наше время можно наткнуться на определение русских как *barbarow* (варваров), а белорусов и украинцев как *bydlo* (быдло). Польская геополитическая мысль еще с XVII в. целенаправленно обосновывает идею об исконности для Польши западноукраинских и белорусских земель (кстати, вопреки желанию населяющих их жителей).

Безнаказанно топтать и порабощать украинцев и белорусов Польше всегда мешала «варварская» Россия. Поэтому-то и стремились поляки отгородиться от «варваров» украинскими и белорусскими землями, населенными *chlōpami* (холопами). Вполне естественно, что большинство белорусов и украинцев польскими холопами себя не считали, потому и не желали томиться под польским сапогом, стремились найти себе защиту в лице своего ближайшего соседа – России. (Особенно глубокие раны на несколько столетий вперед нанесло украинскому общественному сознанию пренебрежительное отношение поляков к так называемому «малопольскому», то есть украинскому, населению. Не зря в наше время важнейшим общественно-этическим проектом, призванным нормализовать отношения на уровнях общественного сознания, является программа примирения в исторической плоскости двух соседних народов – поляков и украинцев, которая базируется на расширении прямых связей общин приграничных регионов Украины и Польши.)

Вместе с Россией

18 января 1654 г. по григорианскому календарю в Переяславе казачий совет решил просить Россию присоединить к себе мятежную юго-западную окраину тогдашней польско-литовской унии ради ее защиты от очередного поражения, грозившего уже давно назревшему предстоящему очередному восстанию доведенных до отчаяния казаков...

Польша 40–50-х гг. XVII в. вследствие гипертрофированной дворянской демократии не имела значительного государственного бюджета из-за фактического раздробления страны на сеймики – удельные княжества со всей полнотой власти на своей территории. Чтобы издать новый закон, внести изменения в налогообложение или создать земское ополчение, король обязан был обратиться за разрешением к шляхетским сеймикам. Шляхта воспринимала короля как равного себе «пани-братья» и периодически пользовалась своим правом на рокош (официально предусмотренное законодательством восстание против короля). Большинство магнатов (в основном поляки и ополяченные, то есть связанные тесными узами кровного родства с поляками, украинцы) располагали собственными войсками, в том числе и казачьими формированиями, но на службе короне не было не только крупных регулярных сил, но даже заметных реестровых казачьих ресурсов. Особенностью польских вооруженных сил того периода истории было то, что они состояли из регулярного войска (комплектовалось преимущественно этническими поляками), части дислоцировались на исконно польских землях. Также в польское войско входили регулярные реестровые казачьи части (комплектовались исключительно этническими украинцами), казаки дислоцировались на территориях, заселенных украинцами. То есть существовал территориальный принцип комплектования армии по национальному признаку.

Меж тем обстановка в южных степях требовала значительных воинских сил. Крымские татары систематически грабили сопредельные земли, зачастую доходя не только до Киева, находившегося тогда под властью поляков, но и до Тулы (правда, нападения на земли России были на руку Польше). Угнанные в плен молодые крестьяне (особенно украинские девушки) были ходовым товаром на средиземноморском рынке рабов. Это обстоятельство способствовало тому, что далеко не бедная казацкая старшина, имевшая в своей собственности от пяти и более деревень с крепостными, нанимая татарскую конницу для разборок с польской и российской армиями, а нередко и со своими соседями, расплачивалась с нею теми же юными рабами и прекрасными соотечественницами. На мясо крепостные крестьяне вынуждены были растить только свиней, запрещенных мусульманам (и, во избежание угона, раскармливали животных до веса, не позволяющего самостоятельно передвигаться: с тех пор украинцы вынужденно полюбили сало). Немалое число боеспособных крестьян убегало в казаки, а точнее и правдивее, к реестровым казакам, находящимся в Сечи на содержании у польской казны и которые их благодушно принимали в качестве работников на своих подворьях за кусок хлеба и кров над головой. Бесплатная рабсила составляла никем не учтенную массу вне реестрового войска, желавшую попасть в реестр «как все». Стремительному «оказачиванию» этнических украинцев способствовали польское крепостное право, на ступень более обременительное, чем в России, а также религиозная рознь между богатой католической верхушкой польской национальности и бедными православными украинскими низами, усиливавшая и без того высочайшую степень гнета. По Петроковскому статуту 1496 г. уйти из помещичьей деревни имел право только один крестьянин в год, только одного сына крестьянская семья была вправе отдавать на обучение; бежавшего крестьянина закон разрешал помещику преследовать, задерживать и возвращать назад. Сеймы в Быдгоще (1520) и в Торуне (1521) установили барщину (дармовой принудительный труд на хозяина) в размере одного дня в течение недели с каждого лана земли, а Варшавская конфедерация 1573 г. вручила в руки помещика даже жизнь крепостных.

Лан – это поземельная мера в Польше, Литве и на подведомственных им территориях в XIV – XVIII вв. Один лан включал в себя около 16,8 га и состоял из 30 моргов. Лан являлся основной мерой феодальных повинностей, на Украине с 1557 г. назывался волокой. (К началу XVIII в. барщина в Польше значительно возросла и составляла в год: на королевских землях 24 дня, в церковных имениях – 32 дня, в дворянских поместьях – 96 дней с одного лана. В последующем была введена градация крестьян. «Полные крестьяне» должны были работать у пана еженедельно по 5 дней с тягловой силой – лошадью или волом. Если рабочего скота не было, то за каждые пропущенные сутки конной барщины нужно было выставить дополнительно по два пеших рабочих. Кроме того, на эту категорию крестьян возлагались экстренные работы во время жатвы – «толока» и охрана барских поместий. «Половинные крестьяне» работали у помещика вдвое меньше первых, «загородники» пять дней в неделю назначались на тяжелые работы, а «коморники» трудились на барина один день в неделю. В Краковском и Сандомирском воеводствах, кроме барщины, были узаконены экстренные и дармовые работы, принудительный найм на труд в поле.)

В России же лишь при царе Алексее Михайловиче Соборным уложением 1649 г. крестьянин бессрочно прикреплялся к земле и ее владельцу; в случае побега – объявлялся в бессрочный розыск. Однако помещик не имел права посягать на жизнь крепостных и лишать их земельного участка. Допускалась передача крестьянина от одного владельца к другому, но при условии выделения ему на новом месте земли, инвентаря, домашнего и рабочего скота.

Результат деятельности польской правящей верхушки – скопление за Днепровскими порогами силы, многократно превосходящей казенный реестр. Нуждаясь в провианте и боеприпасах для участия в походах наравне с реестровыми казаками, она постоянно требовала от Польского государства постановки на казенное довольствие. Этот процесс сопровождался периодическими восстаниями под лозунгами включения в реестр. В ответ корона вынуждена была объявлять всеобщую мобилизацию, чтобы отбиться от своих непрошенных защитников, ставших непосильной обузой для государства.

В 1646 г. произошли события, ставшие, поворотным пунктом в истории населения нынешних украинских территорий, входивших тогда в состав Польши. Они связаны с личностью Богдана Хмельницкого (27.12.1595–27.07.1657), обедневшего шляхтича – этнического украинца. До этого тот потерял своего отца-шляхтича (погиб в битве турок с поляками под Цецорой в 1620 г.), попал в плен и провел два года в турецкой неволе (1620–1622). В 1622 г. он возвращается на хутор Суботов (поместье с домом, мельницами, нивами, четырьмя ставками с рыбой...), записывается в реестровые казаки, женится, занимается расширением своих владений и восстановлением былого богатства рода. Возродив прежнее имущественное положение семьи, проявлял осторожность в отношениях с властью, старался не конфликтовать с ней, отказался от участия в казацких восстаниях 1625 и 1638 гг. Благодаря добрым взаимоотношениям с правительством в 1638 г. получил должность писаря войска Запорожского. Но это не помешало ему в последующем получить опыт наемной службы в нескольких европейских армиях, успеть повоевать при этом под Дюнкерком под началом легендарного д'Артаньяна, приумножить за счет военных трофеев личное имущественное положение и в 50-летнем возрасте стать сотником Чигиринского казацкого полка. В 1646 г. получает новое назначение в состав украинского казацкого посольства при польском короле Владиславе IV.

Воспользовавшись отсутствием Хмельницкого в Суботове, в 1646 г. овдовевший польский шляхтич Даниель (Данило) Чаплинский, исполняя судебное решение в пользу Чигиринского старосты Александра Конецпольского, которое не признавал новый казацкий посол, совершил с сотоварищами при поддержке местных магнатов наезд на имение своего соседа, где в тот момент находились его больная жена, дети и прислуга. Дело в том, что на Суботов Хмельницкий не имел юридических прав, так как он располагал лишь решением короля, не утвержденным сеймом. Потеряв после судебной тяжбы свои права на хутор, Богдан получил за

него денежную компенсацию – 130 злотых – как возвращение вложенных в хозяйство средств, однако освободить имение отказался. Во время набега Чаплинский увез с собой по взаимному согласию любовницу Хмельницкого – рано осиротевшую служанку, имевшую польские корни. Эта не обиженная красотой роковая женщина в украинско-польской истории носила то же имя, что и Елена Прекрасная, из-за которой разгорелась Троянская война. Только произносили его на варшавский лад – Гелена. Именно из-за нее встали друг на друга два уже немолодых шляхтича – Чигиринский подстароста Чаплинский и Чигиринский сотник Хмельницкий. А вслед за ними вскоре поднялась и вся Украина.

Хмельницкий обратился в коронный суд с иском к Чаплинскому за нарушение правил взаимоотношений между шляхтичами: по существующим в Польше обычаям те могли мериться силами лишь при личном присутствии глав противоборствующих семейств. Однако клан обидчика оказался финансово более щедрым к судьям, и те отказали в иске.

В конце концов оба шляхтича предстали перед сенаторами. Хмельницкий называл Елену своей женой, несмотря на то что законная супруга была при смерти, но еще жива. Однако законодатели стали на сторону вдовца Чаплинского.

Обиженное самолюбие привело Хмельницкого к королю. Однако тщетно. Тот реального влияния на положение дел в государстве не имел. В мирное время корона не располагала ни особыми правами, ни заметной силой: король мог добиться своих целей лишь путем интриг, сглаживая кланы магнатов между собой и играя на возникающих при этом противоречиях.

Король решил, используя Хмельницкого, добиться своих далеко идущих целей и предложил тому стать инициатором восстания доведенных до убожества и отчаяния внеереетровых казаков, возглавить бунт и довести ситуацию до накала, дающего право главе государства объявить посполитое решение о всеобщей мобилизации. В отсутствие в стране в этот период большинства влиятельных шляхтичей король надеялся провести через сейм нужные ему решения, а также многое установить прямым королевским указом со ссылкой на чрезвычайные обстоятельства. Взамен Хмельницкий получал реальные возможности карьерного роста (возглавить армию реестрового казачества, численность которой король обещал довести до 50 тысяч человек, чем значительно поднял бы свой гетманский авторитет, укрепил бы личное имущественное могущество) и расправы над обидчиком.

В декабре 1647 г. Б. Хмельницкий вместе со старшим сыном и группой сторонников прибывает на Запорожскую Сечь. За короткий период времени он получает поддержку реестрового и внеереетрового казачества, изгоняет из запорожского войска представителей короля, добивается избрания гетманом и заключает союз с крымским ханом против Польши. Подняв предусмотренное польской конституцией вооруженное восстание против короля (рокош), Хмельницкий стремился придать ему видимость некой законности: он постоянно напоминал, что взбунтовал казаков с согласия самого короля Владислава IV, старался вписаться в существующую польскую политическую систему (до самого сражения под Берестечком казаки даже воевали под жалованным королем традиционным знаменем Речи Посполитой – белым орлом на красном полотнище).

6 мая 1648 г. казацко-татарские силы одержали победу над поляками под Желтыми Водами. Во время боя на сторону Хмельницкого перешли реестровые казаки других гарнизонов, посланные королем для борьбы с восставшими. В этом бою гетман использовал агентурные методы обеспечения боевых действий: один из «казаков-перебежчиков» сообщил польскому командованию о полном разгроме запорожцами их авангарда и якобы многократном превосходстве сил Хмельницкого. Те, поверив ему, начали отступать.

Казалось бы, тайный план обоих сановников начал успешно выполняться малой кровью, без пролития которой нельзя было обойтись ни при каких условиях. Однако, провозгласив накануне всеобщую мобилизацию, 20 мая неожиданно от инсульта умирает король Владислав IV. Законопослушный Хмельницкий отправляет послов в Варшаву на избирательный сейм с

требованием отдать престол брату умершего Владислава – Яну Казимиру. Однако, несмотря на это, преемник польского престола не признал договоренностей, достигнутых с его предшественником, повел настоящую войну против гетмана, к которому присоединилось доведенное до отчаяния крепостным гнетом крестьянство.

Казаки, столкнувшись с превосходящими силами регулярной армии, вначале довольно-таки успешно вели боевые действия, вынудив государство пойти на перемирие и увеличить в 1649 г. реестр до 40 тысяч человек. Кроме того, через православного магната Адама Киселя начали вестись переговоры о предоставлении автономии землям украинского реестрового казачества. Такое положение вещей не устраивало влиятельную польскую шляхту и короля, которые, собравшись с силами, нанесли казацким формированиям несколько поражений. Изгнанная ранее польская шляхта начала возвращаться на Украину. Большинство крестьян и не вошедших в реестр казаков снова попали под гнет крепачества. Во избежание закабаления тысячи людей убегали на граничащую с Московией территорию нынешней Харьковской области, где их благосклонно принимали, разрешали организовывать казаческий уклад жизни. Эти земли с тех пор стали называть Слободской Украиной. Король готовился к походу на запорожцев. Над Хмельницким же и его сторонниками нависла угроза полного разгрома. Начался поиск более надежных, чем крымские татары, союзников. Гетман понимал, что без поддержки извне ему грозит поражение: голые факты свидетельствуют, что во всех кампаниях Хмельницкого запорожцы только тогда побеждали поляков, когда им помогала орда...

Сначала взоры были обращены к турецкому султану. Он был достаточно могущественным, чтобы взять под свою опеку украинскую часть польской территории, и одновременно находился на приличном расстоянии, чтобы вмешиваться в ведение дел на новых землях. В результате в первом полугодии 1651 г. после обмена посольствами Оттоманская Порта формально приняла в свои вассалы гетмана и войско запорожское на тех же условиях верховенства, которые имели Крым, Молдавия и Валахия. Однако из-за жесткого неприятия простыми украинцами «бусурманов» в качестве своих правителей и внутренних изменений в заморской части империи это соглашение так и осталось нереализованным.

Летом 1651 г. войско запорожское проиграло битву с польскими войсками под Берестечком, стоившую казакам 30 тысяч убитых. Хмельницкому удалось заключить с королем Белоцерковский мир. В соответствии с документом, подконтрольная гетману территория ужималась до пределов Киевского воеводства, казачий реестр урезался вдвое – до 20 тысяч человек, а на остальные украинские земли возвращалась шляхта. Однако сейм Белоцерковский мир не ратифицировал – парламентариям показалось, что украинскому правителю досталось слишком много.

Начались переговоры Хмельницкого с Россией. Во всех предыдущих восстаниях украинские гетманы не раз обращались к ней за помощью, но скорее в порядке шантажа поляков, уповая на достаточное государственное финансирование многочисленных российских казачьих формирований и возможность перехода на службу к соседям, если их требования не будут удовлетворены Речью Посполитой. Московские правители понимали это и всерьез подобные прошения не воспринимали. На этот раз Хмельницкий повел дело основательно. Он учел, что Россия, сама еще не оправившаяся от бедствий Смутного времени, не заинтересована была в конфликте с Польшей. Челобитными послов тут не ограничилось: едва ли не все личные трофеи, добытые гетманом в боях, ушли на подкуп влиятельных русских чиновников.

Двадцатидвухлетний российский царь Алексей Михайлович, прозванный в народе Тишайшим за свой простодушный характер, медлил. Он хотел знать больше, кто такой этот Богдан. По одним сведениям, он был православным, русского роду-племени шляхтич, служивший в польской пограничной страже, по другим – будто отец гетмана Украины Берко – мясник из Хмельника, что в Подолии, он сам был пленником крымских татар, тайно обративших его в «бусурманскую веру» и заславших на Украину, что он не против того, чтобы принять покрови-

тельство оттоманского султана. Не имея уверенности в поддержке стремления Хмельницкого воссоединиться с Россией со стороны казацкой Рады, царь боялся подвоха, ошибки.

Для устранения «незнания великого» московский правитель послал на Украину лицо особо доверенное, друга детства Артамона Матвеева. Миссия последнего выходила далеко за рамки дипломатической практики того времени. К концу 1653 г. Россия уже не возражала официально против появления у нее новых, гораздо буйнее донских казаков, подданных. Уже через день после решения Рады от 8–9 января 1654 г. (18 января по новому стилю) Артамон Матвеев, принимавший участие в ее заседании, отправился с докладом к царю. Объективная информация, собранная его посольством, стала основой для принятия окончательного решения самодержцем. В «Очерках истории российской разведки» сказано, что Матвеев вывел Богдана на чистую воду: отцом гетмана Украины действительно был еврей-мясник, а сам Хмельницкий начинал самостоятельную жизнь с того, что содержал кабак, хотя выдавал себя за дворянина. Самодержец благосклонно воспринял информацию, в марте того же года созвал Земский собор, который решил, что ради «православной веры и святой церкви Божьей государю следует принять их под свою высокую руку». Гетманы были признаны царским правительством главной властью на Украине, а Хмельницкий, в свою очередь, пошел на признание протектората московского царя над Гетманщиной – автономным казацким государственным образованием, именуемым в России Малороссией, просуществовавшим де-факто с постоянно меняющимися границами с 1649 по 1764 г. После Переяслава Хмельницкий получил титул, который использовал при подписи всех документов: «Гетман Его Царского Величества Войска Запорожского».

Многие историки считают, что факт добровольного перехода большей части заселенных этническими украинцами территорий под юрисдикцию Москвы кардинально изменил в целом и характер национально-освободительного движения украинского народа. С этого момента у Малороссии исчезли предпосылки для борьбы за полную независимость.

Потеря Польшей значительной территории и переход ее под юрисдикцию России поляки считали для себя пощечиной. Ее обиженная национальная элита в своих трудах начала обосновывать необходимость возврата российского юга под польское владычество. Понимая, что ввиду мощи России этот край потерян для Польши, предпринимается попытка сделать так, чтобы он был утрачен и «обидчицей». А для этого нет лучшего средства, чем культивирование розни между Южной и Северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности. Таким образом поляки становятся отцами доктрины украинского национализма. Впервые в литературе они стали насаждать употребление слов «Украина» (выведено из географического положения Малой Руси) и «украинцы», а чуть позже термин «украинец» благодаря их усилиям наполняется расовым содержанием. Поляков не устраивала ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Поэтому ими вводится в употребление слово «Русь», не распространяющееся на «москалей».

В итоге в этом процессе постепенно выработалась вся сумма воззрений на русских и украинцев, которая в XIX в. была систематизирована, получила наукообразную форму и берется на вооружение галичанами как руководство к действию, как евангелие украинского национального движения...

Таким образом под заинтересованным влиянием поляков формируется национальное самосознание населения Украинской Руси, оказавшегося оторванным от своей исторической родины и находящегося под властью малороссийских соседей, которое свято хранило свое духовное, языковое и культурное единство с ней, стремилось к единению со своими братьями и сестрами. В приграничных с Малороссией государствах в местах компактного проживания украинцев зарождаются национально-освободительные движения, носящие эгоцентричный характер, предусматривающие последовательное решение в перспективе триединых задач: получение автономии в рамках своего государства, приобретение независимости, объединение

под своим началом всех исторических украинских земель, в том числе и инертной Малой России, но Большой Украины, удовлетворенной автономным статусом в составе Российской империи. По логике лидеров украинских националистов близкого зарубежья того времени, Большая Украина (то есть Малороссия) потеряла свое объединяющее начало, теперь центром, вокруг которого сплотится вся украинская элита, должна стать диаспора (причем каждая из них стремилась возглавить этот процесс «одноосібно»). В конечном итоге неуступчивость «братьев по крови», их претензии на единоличное гетманство так и не привели к ожидаемым результатам: забегая на много лет вперед, мы знаем, что украинские земли помогла объединить та же Россия – лидер будущего Советского государства, управляемого диктатором Сталиным. Однако это не привело к миру на земле украинской. И в независимой Украине также (уже традиционно) продолжают те же дискуссии о главенстве целого и частного, претендующего на свою исключительность и ведущую роль в функционировании единого государственного организма, причем уже национального и независимого и угрожающего раздробленностью всей стране...

Как царь и предполагал, поляки начали воевать с Россией. После смерти Богдана Хмельницкого (27.07.1657) его наделенные властью и не обиженные богатством преемники стали переходить на сторону Речи Посполитой, однако они не были поддержаны всем казачеством.

В 1658 г. в Гадяче между гетманом Войска Запорожского Иваном Выговским и представителями Речи Посполитой был подписан Гадячский договор. Согласно статьям этого документа Великое княжество Русское в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств, находясь в союзе с Россией, одновременно становилось третьим сувереном Речи Посполитой на равных условиях с Польской короной и Великим княжеством Литовским. В 1659 г. Гадячский договор был ратифицирован сеймом Речи Посполитой.

Такое состояние было закреплено разделением образования между Россией и Польшей по условиям Андрусовского перемирия 1667 г. В итоге Украина раскололась по Днепру, и в каждой ее части вплоть до 1704 г. управлял свой гетман. В 1669 г. гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко перешел в подданство турецкого султана, получив за это наследственную власть. После вторжения турок на Украину поляки заключили с султаном Бучачский мир, по которому они отказывались от Правобережья. При этом незыблемость власти Дорошенко поляками гарантировалась. Однако для страховки в 1674 г. он отправил посланником в Крымское ханство и Турцию своего верного друга – ротмистра надворной хоругви (начальник гетманской гвардии) Ивана Мазепу. (Делегация везла султану несколько десятков левобережных казаков в качестве невольников-заложников. По дороге в Константинополь возле речки Ингул миссия была перехвачена кошевым Иваном Сирко. Схватившие Мазепу запорожские казаки переправили его левобережному гетману Самойловичу. После чисто символического наказания посланника Самойлович поручил пленному воспитание своих детей, присвоил ему звание войскового товарища, а через несколько лет – в 1682 г. – пожаловал его чином генерального есаула, командовавшего сердюками – наемными полками, которые служили лишь за жалованье, не привлекались к сезонным хозяйственным работам и представляли собой самое боеспособное войско.)

Украинское население правого берега Днепра расценило происходящее как гетманское предательство и массово бежало на левую сторону. В 1674 г. левобережный гетман – российский подданный Иван Самойлович вместе с проукраински настроенным польским воеводой Ромодановским тайно переправился через Днепр. В том же году объединенная казацкая Рада провозгласила первого гетманом обоих берегов Днепра, тем самым фактически устранив от власти Дорошенко. На стороне Петра Дорошенко выступили турки и татары. Объединить Украину не удалось, а правобережная ее часть временно опустела и потеряла свое стратегическое значение. В 1676 г. правобережная часть Гетманщины была упразднена польской властью, в 1684 г. – восстановлена (в Гетманщине реестровых казаков стали называть городовыми

казаками). Такое разделение украинской территории подтверждено «Вечным миром» между Россией и Польшей 1686 г.

25 июля 1687 г. на раде под Коломаком при содействии князя Голицына гетманскую булаву на Левобережье принял Иван Мазепа. (По поручению Самойловича Мазепа с 1679 г. ежегодно посещал Москву. Ему удалось завоевать благосклонность царевны Софьи и ее фаворита Голицына. По утверждению историка Н.И. Костомарова, представитель Украины участвовал в интригах последнего против Самойловича, что в конечном итоге привело к его свержению. В Государственном архиве России сохранилась записка нового гетмана, свидетельствующая, что за содействие в получении должности тот дал князю Голицыну взятку: 11 тысяч рублей червонцами и ефимками, более трех пудов серебряной посуды, драгоценных вещей на 5 тысяч рублей и трех турецких коней с убором.)

В 1699 г. Гетманщина на Правобережье упразднена Польшей окончательно. Она сохранилась только в пределах Левобережной Украины, входившей в состав Российского государства на правах автономии, включавшей тогда нынешние украинские, российские и белорусские земли (хотя в 1704–1714 гг. левобережные гетманы Мазепа и Скоропадский контролировали также Правобережную Украину) и имевшей самостоятельную денежно-финансовую систему. С 1722 по 1750 годы Гетманщина на Левобережье ликвидировалась-восстанавливалась дважды и окончательно была упразднена Екатериной II в 1764 г. в целях унификации малороссийских земель в составе империи, но прежде всего из экономических соображений.

Без тайных дел – никуда!

Однако описанное выше – единичные и редкие случаи использования разведывательных методов в подготовке стратегически важных для Российского государства решений. В те годы информация о событиях за рубежом отсутствовала, а если и поступала в Москву, то с большим опозданием. Посольский приказ выпускал рукописный бюллетень «Куранты» тиражом в 20 экземпляров. Источником для издания служили немецкие, польские, голландские газеты, другие послания из-за границы.

Глубокое осознание необходимости создания системы своих объективных источников информации за рубежом пришло к царю Алексею Михайловичу. Этому способствовали провалы посольских миссий стольника Чемоданова в Италии и царского посланника Потемкина в Испании.

Так, Чемоданов вез верительные грамоты герцогу Франциску, а оказалось, что Италия имела уже третьего преемника герцога. Потемкин же с аналогичной миссией в Испании с изумлением узнал, что король Филипп IV умер еще за два года до его прибытия. (Указанные исторические события, а также положительный результат миссии Матвеева на Украине подтолкнули царя к основанию в 1654 г. приказа тайных дел с его филиалом при гетмане Богдане Хмельницком – Малороссийским приказом тайных дел, имевшим центральное подчинение. С этой даты и начинается история разведслужбы Российской империи, в которой первоначально сосредотачивается управление всей разведкой (руководителями Приказа традиционно назначались дьяки: Д.М. Башмаков, Ф.М. Ртищев, Д.Л. Полянский и Ф. Михайлов). В Москве понимали: Речь Посполитая, столько лет державшая украинский народ в вассалах, просто так не откажется от своих притязаний на его территории, вошедшие в состав России. Существовала острая необходимость иметь полное представление о планах и устремлениях этого западного соседа.

Первым положительным для России итогом работы дипломатии и разведки стал уже упоминавшийся мною Андрусовский договор 1667 г., по которому империя возвратила себе территории, ранее ей принадлежавшие (Смоленск, Черниговское воеводство, Сиверские земли), получила 13 лет перемирия с Польшей и право управлять Киевом, надолго вбила клин раздора между Польшей и Крымским ханством.

На Приказ тайных дел были возложены функции нескольких нынешних спецслужб: разведывательной, контрразведывательной и охраны первых лиц государства. В интересах частных лиц их формы и методы применялись на практике давно, однако, в интересах Отечества, его войска государственной безопасности, выражаясь современным языком, начали использоваться лишь по воле царя Алексея Михайловича. **С его именем связано и рождение научно-технической разведки (промышленный шпионаж).** Это он впервые поставил задачу послу в Англии привезти «семян всяких» для питомника в Измайлове. А нынешние методы научного шпионажа вообще не имеют тенденции к старению: знаменитый разведчик граф Николай Игнатьев начал свою карьеру с того, что украл в Лондоне новейший образец патрона, выставленный в Британском музее.

Одна из важнейших задач приказа – обслуживание царской семьи. Начальник спецслужбы в чине дьяка лично сопровождал государя на охоту и богомолье. Он имел при дворе необыкновенное влияние – даже указы за царя подписывал.

Преображенским приказом в 1686 г. в России создается тайная полиция, просуществовавшая в первоначальном виде до 1729 г. Кроме исполнения собственно полицейских функций **она занималась и разведкой.** Руководили ею отец и сын князя Ромодановские: Федор Юрьевич (1686–1729) и Иван Федорович (1717–1729).

Элементы разведки ввел в деятельность своего ведомства руководитель Коллегии иностранных дел во время царствования Екатерины граф Никита Панин. Он поучал своих питомцев и учеников: «Сотрудник иностранной коллегии должен уметь вербовать открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц и второстепенных чиновников, писать лаконично и четко свои зашифрованные и открытые донесения на Родину не по заранее установленной форме, а исходя из соображений целесообразности».

Что касается методов вербовочной работы, то один из самых первых российских разведчиков – выдающийся допетровский государственный деятель воевода Афанасий Ордин-Нащокин открыл универсальный способ – побольше золота!

Практичный Петр I не жалел для своих разведчиков денег на подкуп иностранных дипломатов. В то время агенты рублями не брали, а поскольку долларов еще не было, то выручали шкурки горностая и соболя. Этот процесс называли «дачными делами», от глагола «давать».

Царь придавал большое значение разведывательному обеспечению вооруженных сил империи. Благодаря его усилиям был создан **государственный разведывательный ресурс** сил и средств, сосредоточенный в руках императора. Кроме армейских и флотских средств разведки, в него входили Приказ тайных дел с его филиалами центрального подчинения, дипломатический корпус и духовенство, добывающие сведения агентурным путем.

С 1688 г. российскому царю от агентуры Преображенского приказа стали поступать сведения о намерениях левобережного гетмана – российского подданного Ивана Мазепы принять польское подданство и передать все Левобережье под власть короны, которые он якобы изложил в своем негласном послании к польскому королю. Однако самодержец доносам не верил, а доносчиков наказывал. С 1701 г. деятельность гетмана была взята под особый контроль приказа. В 1703 г. царю стало известно содержание одного из писем польского короля Станислава Лещинского, где тот выразил готовность Польши принять предложения Мазепы. Сведения были расценены как подлог.

В 1704 г. И. Мазепа, воспользовавшись восстанием против Речи Посполитой и вторжением в Польшу шведских войск, занял Правобережье, тем самым объединил Украину. Однако ему не удалось добиться единства мнений в стране, раздираемой центробежными противоречиями, выразителями которых была казацкая старшина: одни благоволили Москве, другие склонялись к турецкой протекции, третьи хотели побратимства с татарами, сам же гетман тесно увязывал судьбу своей родины с союзом с Польшей и Швецией.

В 1705 г. в Замостье, где стоял с войском гетман, прибывает с секретными предложениями посланец от польского короля Станислава Лещинского. Чтобы отвернуть от себя подозрения российского царя, о которых догадывался Мазепа, он отправил королевского курьера в оковах в Киев к воеводе Дмитрию Голицыну, а письмо переслал Петру I. Вскоре связь с Речью Посполитой была восстановлена через королевского тайного агента княгиню Дольскую, с которой украинский гетман встретился на крестинах дочери краковского воеводы князя Вишневецкого. Между представительницей короля и Мазепой поддерживалась переписка. При этом использовалась «цифирь» – шифр – один из компонентов тайной агентурной связи.

В 1707 г. появился итоговый документ польско-шведских переговоров при участии в них представителей украинского гетмана – договор о возврате Украины под власть Польши при сохранении Мазепашиного гетманства. В январе 1708 г. сведения о нем легли на стол Петра I. Царь счел их ложными, а лиц причастных к составлению донесения приказал казнить. Во время одной из последующих аудиенций с царем гетман клялся ему в верности: «Я подножка Петра» (тогда это выражение, в отличие от нынешнего его значения, означало беззаветную преданность).

Двадцать один год Мазепа был при власти, девятнадцать из них с Петром I. Император считал его своим ближайшим другом, соратником и советником: вторым в Московском цар-

стве он был награжден голубой андреевской лентой, в то время как сам царь получил такую награду четвертым. Иван Степанович стал одним из богатейших людей того времени: владел 19 654 дворами в Украине и 4117 дворами на юге России (всего около 120 тысяч душ, из них 20 тысяч в близлежащих российских уездах), роскошной библиотекой, фантастической коллекцией оружия; за счет собственных средств построил 26 соборов, церквей и колоколен, в том числе и за пределами Украины. Первый капитал он сколотил на спекуляции украинским самогоном в российской столице. Не ущемлял он и казацкую старшину: всячески содействовал росту ее влияния в обществе, укреплению ее экономической базы и социального положения. В годы правления гетмана 75% плодородных земель на Украине были скуплены военным начальством и монастырями, рядовые казаки арендовали земельные участки фонда «свободных военных» имений. Старшине разрешалось заниматься промышленным предпринимательством, в качестве бесплатной рабочей силы использовать подчиненных казаков. При И. Мазепе прежде избираемые на свои должности полковники стали наследственными хозяевами своих полков. Процесс концентрации старшинских поместий сопровождался сосредоточением политической власти в руках высшей старшины, которая объединялась в «бунчуковые и знатные военные товарищества», освобожденные от всяких местных (полковых или сотенных) обязанностей. Судились они только Генеральным судом. Таким образом, Иван Мазепа создал верхушку казачества, своим положением обязанную только ему и находящуюся в его юрисдикции. Во время его правления резко ухудшился (в сравнении с сельским населением Польши времен Б. Хмельницкого) статус крестьянства. Увеличились денежные и натуральные повинности в «свободных военных» поместьях и гетманских и старшинских угодьях. Обычный односуточный размер барщины повысился до двух, а нередко и до трех дней в неделю.

В конце октября 1708 г. Мазепа вместе с гетманской казной (оставив тем самым без денежного довольствия 27 тысяч реестровых казаков, отказавшихся следовать вместе с ним) открыто перешел на сторону шведов, пообещав Карлу XII 50 тысяч казацкого войска, продовольствие и удобную зимовку. Однако в ставку короля Мазепе удалось привести около 10 тысяч человек: до 3 тысяч казаков (из 30 тысяч общей численности левобережного казачества), подчинявшихся ему непосредственно, и 7 тысяч запорожцев под началом кошевого атамана Константина Гордиенко, выступивших под лозунгом, «чтобы в Малороссии не было старшины и чтобы весь народ был вольными казаками, как в Сечи».

Избранный 6 ноября 1708 г. гетманом Иван Скоропадский остался верным союзником России.

12 ноября 1708 г. митрополит Киевский, Галицкий и Малая России Иоасаф (Кроковский, украинец польского происхождения, родом из Львова) в Троицком соборе Глухова в присутствии Петра I и в сослужении других украинских архиереев совершил литургию и молебен, после чего «предал вечному проклятию Мазепу и его приверженцев». В тот же день в Успенском соборе Москвы в присутствии царевича Алексея Петровича украинец по национальности и Местоблюститель Московского Патриаршего престола Митрополит Рязанский и Муромский Стефан (Яворский) в сослужении собора архиереев предал Мазепу анафеме.

Мазепа почти сразу же осознал ошибочность своего поступка. В конце ноября 1708 г., менее чем через месяц после своего перехода, он послал к Петру I миргородского полковника – будущего гетмана Д. Апостола с предложением при его (Мазепином) содействии пленить шведских короля и генералов с последующей их передачей России. Но царь больше тому не доверял.

27 марта 1709 г. в Великих Будищах гетманом Иваном Мазепой, королем Швеции Карлом XII и кошевым атаманом Войска Запорожского Константином Гордиенко был заключен Союзный договор о совместной борьбе против московского царя Петра I. Согласно подписанному документу, Украина провозглашалась «на вечные времена свободной от всякого чужого посягательства», Запорожье присоединялось к шведско-украинскому союзу, шведский король

давал обязательство не заключать мира с Россией без выполнения союзных обязательств. Помимо этого Мазепа согласился стать данником польского короля (то есть безвозмездным пользователем земли) с получением гетманства в Белой Руси и титула князя Витебского и Полоцкого воеводств.

27 июня (8 июля) 1709 г. в сражении под Полтавой шведы были наголову разбиты войсками Петра I. Османская империя отказалась выдать беглого гетмана русским властям. Агентуре Преображенского приказа, унаследовавшего функции прежнего Приказа тайных дел, ставится задача разыскать, пленить и живым доставить Мазепу к царю для награждения «Орденом Иуды», специально отлитым в его честь. Церемония не состоялась: 22 сентября (2 октября по новому стилю) 1709 г. в г. Бендеры 70-летний гетман скончался (похоронен в церкви Святого Юрия в Галаце; его преемником стал писарь Пилип Орлик), а в России на всех без исключения украинцев начались гонения как на изменников.

11 мая 1709 г., с помощью реестрового казацкого полковника – агента Преображенского приказа Игната Галагана, который знал систему оборонительных укреплений Сечи, крепость по приказу Петра I за участие запорожцев в войне на стороне шведов была взята, сожжена и полностью разрушена. Она возродилась лишь в 1735 г. при императрице Анне Иоанновне (с этого времени реестровых казаков стали именовать «выборными казаками»).

Чтобы хоть как-то остудить гнев великороссов, 11 марта 1710 г. Петр издал особый манифест, запрещавший под угрозой жестоких наказаний и смертной казни за важные обиды называть и «верных подданных малороссийского народа», храбро сражавшихся со шведами на стороне России, изменниками из-за Мазепы.

В этот же год преемник Мазепы гетман в изгнании Пилип Орлик создает первую украинскую конституцию, которую он намеревался ввести в случае получения реальной власти на Украине. (24 июня 2011 г. творцу этого документа в г. Киеве в сквере на пересечении улиц Липской и Пилипа Орлика напротив Кловского дворца, где находится Верховный суд Украины, открыт памятник.)

В своей «Истории Петра Великого» французский просветитель и философ Вольтер написал о Полтавской битве, что это единственное во всей истории сражение, следствием которого было не разрушение, а счастье человечества, ибо оно позволило Петру идти дальше по пути преобразований.

При этом не забыл царь и сведений агентуры, добытых ею на территории, временно занятой шведами. Тогда агентурные источники сообщали о массовой заготовке медперсоналом шведских госпиталей определенных видов растений, произрастающих на Полтавщине. Как выяснилось, впоследствии из этого сырья изготавливались медпрепараты, доселе не применяемые в России. В ходе послевоенного обустройства страны Петр I распорядился создать в Лубнах одну из первых на территории России аптек, изготавливающих лечебные средства на основе местных целебных растений. (В советские времена в 13 км от города в с. Березоточа существовал известный на весь Союз уникальный Научно-исследовательский институт лекарственных растений. Тогда львиная доля всех фитопрепаратов СССР изготавливалась на его производственной базе. В настоящее время институт преобразован в исследовательскую станцию лекарственных растений.)

2 (13) сентября 1762 г. в Москве состоялась коронация императрицы Екатерины II. Царица взошла на престол в период упадка России. Военное ведомство было погружено в долги, морское едва держалось в крайнем небрежении. Финансовая система находилась на грани краха. Армия и флот не получали жалованья в течение трех месяцев подряд. Императрица основной упор сделала на решении двух задач: заставить страну (ее она называла «Вселенной») соблюдать законы и сделать государство грозным в самом себе, внушающим уважение соседям.

На Украине в это время гетманская власть ослабела; в течение некоторых периодов гетманы не назначались. Окончательно такая форма правления в России была отменена Екатериной II в 1764 г. Причины: экономические, плюс казацкая вольница не хотела вписываться в законные ограничения, а традиционный образ жизни казаков был постоянным источником конфликтов с российскими властями.

Тогда украинскими считались лишь земли по левую сторону Днепра. С подписанием российской императрицей манифеста «Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии» последний оплот казачества в Украине прекратил свое существование. После поглощения империей Крыма (8.04.1783), 27 марта 1793 г. указом Екатерины II к Украине отошли территории Правобережья, а 2 сентября 1794 г. уже была основана Одесса...

В Речи Посполитой гетманские титулы просуществовали до 1795 г. и были отменены при ее третьем разделе.

Агентурная работа в интересах армии

Проявляя заботу о военной мощи Российского государства, царь Петр во время своего первого путешествия в Европу в 1698 г. нанял для работы в России свыше тысячи человек, подавляющее большинство которых составляли офицеры. Именно они принесли в органы военного управления передовые взгляды на ведение боевых действий, на военную разведку как вид их боевого обеспечения. Таким образом, если вдуматься, впервые в мировой истории была организована широкая утечка умов из развитых стран в Российское государство. Иностранцам были созданы все условия для нормальной и плодотворной работы, прежде всего военно-научной и военно-педагогической. Что касается разведки, то переселенцы в течение двух десятилетий выполняли приоритетную задачу по привлечению наиболее талантливых военных из числа своих бывших соотечественников для службы в России. Хотя эта работа велась довольно-таки сумбурно, но она через двадцать лет обеспечила потребности государства в военных кадрах за счет своего внутреннего, так сказать, «продукта».

В воинском уставе 1716 г. Петр I впервые подводит законодательную и правовую базу под разведывательную работу. Однако та, как и прежде, велась децентрализованно и бессистемно.

Заложив основы военной мощи государства, в 1717 г., во время своего второго крупного официального визита на Запад, Петр пригласил около пятидесяти человек, но не офицеров, как прежде, а архитекторов, скульпторов, ювелиров, ученых, инженеров, промышленников. В последующие годы процесс «привлечения мозгов» продолжается, и в этом активно помогают стране военные разведчики.

22 октября 1721 г., после окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира, канцлер граф Головкин на торжественном заседании Сената от имени сенаторов обратился к Петру I с просьбой принять титул «Отца Отечества, Петра Великого и Императора Всероссийского». Царь принял лишь звание императора, что и дало России, несмотря на отсутствие колоний, имперский статус (термин «империя» возник в Древнем Риме и восходит к латинскому слову *imperiū* – «высшая власть»; современное понимание слова «империя» предполагает наличие имперской метрополии и колоний).

Этим актом закреплялось новое европейское положение России. Страна стала единственной империей в мире, которая развивалась, жила не под знаменем захвата отдаленных колоний и уничтожения более слабых этносов. Еще античные авторы не раз отмечали, что славяне не обращают пленников в рабов, а включают их в свою общину, но только в том случае, если сами невольники делают такой выбор.

Со временем Россия за счет смежных территорий постепенно, почти бескровно расширилась до одной шестой части планеты и создала на просторах от Балтики до верхнего течения Юкона на Североамериканском континенте и от Кавказа до Арктики сообщество народов, самой историей и географией непосредственно связанных с Россией. В последующем вооруженные силы Российской империи не раз бывали в результате военных баталий в Европе, но всегда оставляли ее территорию, не пытаясь «присвоить» чужие, не входящие в российское геополитическое пространство земли.

Необходимо сказать, что принятие царем титула императора всероссийского шокировало Европу: ломался план создания Европейского союза во имя вечного европейского мира, согласно которому России отводилась роль шведской колонии. Этот документ был разработан за два года до рождения Петра, в 1670 г., великим немецким математиком и философом Лейбницем. Его суть заключалась в том, что каждая великая европейская держава должна была получить свою зону экспансии вне Европы. Ссориться друг с другом впредь не разрешалось, как не рекомендовалось и нарушать «эксплуатационные нормы». По Лейбницу весь мир делился на шесть эксплуатационных участков:

- Англии и Дании выделялась Северная Америка;
- Франции – Африка и Египет;
- Испании – Южная Америка;
- Голландии – Восточная Индия;
- Швеции – Польша и Россия.

Сразу выступила с признанием новой империи только Пруссия. Даже любимая Петром Голландия колебалась год – до 1722-го. Дания признала за российскими самодержцами право именоваться императорами в 1723 г. Побежденная Швеция – в 1733-м. «Германская» империя австрийских Габсбургов – в 1747-м. Франция – в 1757 г. Испания – в 1759-м.

Рекорд озлобленности поставила Польша. Она признала новый статус России лишь в 1764 г. – через 43 года после принятия титула Петром!

Исходя из сложившихся политических реалий, на основе концепции существования и расширения Российской империи и формировались взгляды российских военных на ведение разведки. Однако теоретический процесс протекал довольно-таки медленно и вяло.

Поражение русских войск в военных баталиях с Францией в 1805–1807 гг., закрепленное Тильзитским мирным договором 25 июня 1807 г., стало решающим толчком к организации постоянно действующего центрального органа военной разведки.

Император Александр I вынашивал планы реванша. Такие же планы строил и Наполеон. В 1810 г. Военное министерство России возглавил М. Барклай-де-Толли. Царь, перед лицом предстоящей войны с французами, обратил внимание нового министра на своевременное получение информации о политических и военных планах Наполеона.

В январе 1810 г. по инициативе Барклая-де-Толли при Военном министерстве формируется **Экспедиция секретных дел**, переименованная в 1812 г. в **Особенную канцелярию квартирмейстерской части Главного штаба Военного министерства**. На новое структурное подразделение были возложены следующие задачи:

- ведение стратегической разведки (сбор стратегически важных секретных сведений за рубежом);
- ведение оперативно-тактической разведки (сбор данных о войсках противника на границах России);
- ведение контрразведки (выявление и нейтрализация агентуры противника).

В 1810 г. из заграничной командировки во Францию (1807–1810) возвратился генерал-адъютант князь П.М. Волконский. В своем докладе министру он подробно изложил организацию французского Генерального штаба. Находясь под впечатлением услышанного, Барклай-де-Толли поставил перед Александром I вопрос о создании мощного штатного органа стратегической военной разведки, который бы занимался организацией добывания интересующей информации за границей.

С этой целью министр предложил направить в российские посольства за рубежом **специальных военных агентов** для тайного выполнения разведывательных задач под прикрытием дипломатических миссий на должностях адъютантов при послах-генералах, гражданских чиновников и служащих Министерства иностранных дел. С согласия царя для выполнения секретных поручений в зарубежные командировки были отправлены следующие офицеры:

- полковник А.И. Чернышев (Париж);
- полковник Ф.В. Тейль фон Сераскерен (Вена);
- полковник Р.Е. Ренни (Берлин);
- поручик М.Ф. Орлов (Берлин);
- майор В.А. Прендель (Дрезден);
- поручик П.Х. Граббе (Мюнхен);
- поручик П.И. Брозин (Кассель, в дальнейшем – Мадрид).

Таким образом, первые заграничные подразделения стратегической агентурной разведки были созданы на территориях Германии (4), Франции (1), Испании (1). Каждому командированному офицеру ставились разведывательные задачи, давались рекомендации-инструкции по способам их выполнения. При этом большое значение придавалось соблюдению мер конспирации. Следует также отметить, что до Отечественной войны 1812 г. военные агенты организационно подчинялись министру иностранных дел России.

Особо отличился на поприще разведки полковник А.И. Чернышев. За короткий срок ему удалось создать во Франции сеть информаторов в правительственной и военной сферах и получать от них, часто за большое вознаграждение, интересующие Россию сведения.

Одним из таких источников являлся сотрудник военного министерства М. Мишель, входивший в группу лиц, которые раз в две недели составляли лично для Наполеона в единственном экземпляре сводку о численности и дислокации французских вооруженных сил. Копию этой сводки Мишель передавал Чернышеву, а тот отправлял ее в Петербург.

Деятельность Чернышева в Париже закончилась в 1811 г. Во время пребывания того по служебным делам в столице России французская полиция произвела негласный обыск его парижских апартаментов, в результате которого она обнаружила записку М. Мишеля. В итоге российского подданного обвинили в шпионаже, а информатора приговорили к смертной казни.

На связи у Чернышева находился еще один ценный агент. Это был князь и герцог Беневентский Шарль Морис Талейран-Перигор – королевский епископ при казненном на гильотине Людовике XVI, эмигрант при Конвенте, бывший министром иностранных дел Директории, Наполеона, а в последующем и Людовика XVIII, герцог Дино...

Этот ловкий и умный пройдоха, мастер паркетной дипломатии и любитель пожить (он скончался 84 лет от роду) был убежден, что обществом правит социальный принцип, который в его интерпретации звучал так: «В мире есть те, кто стрижет, и те, кого стригут». Исходя из сказанного, сам Талейран в повседневности стремился делать все, чтобы быть в числе стригущих и не попасть в число остригаемых. Имел физический недостаток («лошадиная стопа»), из-за чего страдал хромотой. Гомосексуалист. По свидетельству доктора психиатрии Ланге-Эйхбаума, имел сильное, не удовлетворенное взаимностью гомосексуальное влечение к Наполеону...

В сентябре 1808 г. во время Эрфуртского свидания Александра I и французского императора Талейран по личной инициативе предложил свои информационные услуги русскому самодержцу.

Первоначально Александр недоверчиво отнесся к словам чужеземного министра, но после конфиденциальной встречи с ним его подозрения рассеялись. В последующем Чернышев удачно сыграл на стремлении вельможи «быть стригущим», дав возможность Парикмахеру (остроумно подобранный разведчиком псевдоним агента) вдоволь насладиться стрижкой денежной массы за услуги, предоставляемые тем Российской империи. За огромное по тем временам вознаграждение Талейран систематически информировал Россию о состоянии французской армии, консультировал ее о путях укрепления российской финансовой системы. Несмотря на конспиративность переписки этих двух высоких должностных лиц потенциальных государств-противников, к концу 1808 г. у Наполеона появились подозрения относительно предательства своего министра. 28 января 1809 г. император весьма резко и откровенно высказал ряд обвинений в его адрес, но они так и остались словами: для осуждения нужны конкретные доказательства, а их не было – лишь предположения да догадки. Гроза прошла стороной.

В декабре 1810 г. агент сообщил Александру I месяц и год спланированного Наполеоном наступления на Российское государство – апрель 1812 г. Плодотворное сотрудничество с ним продолжалось до самого начала войны.

Несмотря на относительную доступность информации о программах и о тенденциях в области вооружения за рубежом, в деятельности разведки военного ведомства в конце

XVIII – начале XIX в. практически отсутствовало военно-техническое направление. Некоторые вопросы, связанные с обороной империи, решались (но с низкой эффективностью) в структуре разведки МИД. Уровень взаимодействия по разведывательным вопросам различных ведомств в государстве не обеспечивал потребностей вооруженных сил.

Под пристальным вниманием Баркляя-де-Толли находилась и оперативная агентурная разведка, которую вели своими силами командующие полевыми армиями и командиры корпусов. В 1811 г. царем было утверждено «Учреждение для управления Большой действующей армией». 27 января 1812 г. по представлению министра царь подписывает три секретных приложения к документу, касающиеся организации разведки и контрразведки в войсках:

- «Образование высшей воинской полиции»;
- «Инструкция директору высшей воинской полиции»;
- «Инструкция Начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией».

В указанных приложениях отражены взгляды высшего военного руководства того времени на организацию и ведение разведки и контрразведки в армейской среде накануне и во время боевых действий.

Агентурные источники, как это определено в документах, подразделялись на две группы: **лазутчики (вспомогательная агентура в нынешнем понимании)** и **агенты**. Лазутчики разветвлялись на тех, кто получает постоянное жалованье, и лазутчиков второго рода. К лазутчикам с постоянным жалованьем предъявлялись такие требования, как опытность, расторопность и хитрость. Это были российские подданные. Основное их предназначение:

- встречи с источниками информации за рубежом, получение от них интересующих сведений, постановка задач и доставка добытого в распоряжение своих войск;
- вербовка лазутчиков второго рода;
- вербовка связников («разносчиков переписки»).

К лазутчикам второго рода относились иностранцы: как граждане страны-противника, так и подданные нейтральных государств, принадлежащие к низшим сословиям (обывателям), дезертиры. Их задача – сбор сведений по агентурно-оперативной обстановке и попутно – о деятельности войск в местах их проживания (пребывания). Денежное вознаграждение они получали в зависимости от ценности предоставленной ими информации.

Агенты «специализировались» на добывании сведений о вооруженных силах и об оперативном оборудовании территорий. Они делились на три группы:

- действующие на территории союзников России;
- действующие на территории противника;
- действующие на территории нейтральных государств.

Агенты на территории союзников были представлены как гражданами дружественного государства (из числа гражданских лиц и военнослужащих), так и российскими подданными (военнослужащими).

Агенты, работающие в нейтральных странах, вербовались из числа граждан этих государств, имеющих возможности по выезду на территорию противника, или имеющие полезные для разведки знакомства и связи на неприятельской земле. Как правило, это были бургомистры, инспектора таможен и т. д. При необходимости на период поездок в интересах разведки они снабжались деньгами и документами прикрытия.

Агенты, работающие на территории противника, могли быть представлены лазутчиками, отправленными на легализацию в разведываемой стране, монахами, проститутками, врачами, а также различного рода писарями и чиновниками учреждений неприятеля.

Руководящими документами по разведке допускалось применение метода «принудительного шпионажа». Суть его состоит в том, что в условиях дефицита времени или сложившейся тяжелой боевой обстановки в случае нежелания лиц, обладающих определенными агентурными возможностями, идти на сотрудничество с разведкой, вокруг них искусственно созда-

ются условия, когда они не могут отказаться от навязанного им вербовочного предложения. При этом могут обещаться высокие награды, солидное денежное вознаграждение или материальные блага, которые в реальности будут намного скуднее. Не исключался и шантаж, и взятие в заложники родных или близких.

Например, этот метод широко применялся для приобретения агентуры в конце 1811 – начале 1812 г. для ведения разведки на территории Варшавского княжества, население которого на фоне враждебности ко всему российскому подозрительно относилось ко всем незнакомцам, особенно иностранцам.

Также предусматривалось использование агентуры из числа лазутчиков для агентурного обеспечения действий войсковой разведки – «вооруженного шпионства». Как правило, ей придавались хорошо знающие местные условия проводники.

Необходимо отметить, что вражеская разведка тоже не дремала: в период с 1810 по 1812 г. военной контрразведкой (воинской полицией) на территории Российской империи задержано и обезврежено 39 военных и гражданских лиц, работающих на иностранные спецслужбы. В отличие от российской разведки зарубежные специалисты разведывательного дела дефицита в финансировании не ощущали.

В начале 1812 г. главнокомандующий русской армией М.Б. Барклай-де-Толли запросил у начальника своей разведки (тогда он назывался экспедитором 1-го стола Экспедиции секретных дел Военного министерства) подполковника Петра Андреевича Чуйкевича соображения по поводу ведения назревающей войны с Наполеоном. Тот, основываясь на разведданных, добытых в Париже, 2 апреля 1812 г. такую записку подготовил. В ее выводах он написал:

«§8.

Род войны, который должно вести против Наполеона.

Оборонительная война есть мера необходимости для России. Главнейшее правило в войне такого рода состоит: предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает.

Наполеон, имея все способы к начатию и продолжению наступательной войны, ищет Генеральных баталий; нам должно избегать Генеральных сражений до базиса наших продовольствий. Он часто предпринимает дела свои и движения наудачу и не жалеет людей; нам должно щадить их для важных случаев, соображать свои действия с осторожностью и останавливаться на верном.

Обыкновенный образ нынешней войны Наполеону известен совершенно и стоил всем народам весьма дорого.

Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык, и успехи свои основывать на свойственной ему нетерпеливости от продолжающейся войны, которая вовлечет его в ошибки, коими должно без упущения времени воспользоваться, и тогда оборонительную войну переменить в наступательную.

Уклонение от Генеральных сражений; партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, не допуская до фуражировки, и решительность в продолжение войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные, и союзникам их нестерпимы.

Быть может, что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большое пространство земли; но дав одно Генеральное сражение со свежими и превосходными силами против его утомленных и уменьшающихся по мере вступления внутрь наших владений, можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомительное, на что мы имеем перед ним важное преимущество в числе и доброте нашей конницы...

Из всего вышесказанного выводятся следующие правила:

1-е. Уклоняться до удобного случая с главною силою от Генерального сражения.

2-е. Не упускать случая, коль скоро Наполеон отделит где-либо часть своих войск, сосредоточить против них превосходнейшее число своих и истребить сию часть прежде, нежели он подаст ей помощь.

3-е. Безпрестанно развлекать внимание неприятеля, посылать сильныя партии иррегулярных войск беспокоить его денно и нощно, в чем мы имеем неоспоримое и важное преимущество.

4-е. Иметь несколько отдельных летучих отрядов и легких войск по одной или по две тысячи человек, которые должны поручены быть в команду отважнейшим офицерам из регулярных войск. Дело их есть прорывать безпрестанно неприятельскую операционную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля истреблением того, что будет им по силе и возможности».

М.Б. Барклай-де-Толли и сменивший его М.И. Кутузов именно такую войну с Наполеоном и провели, даже отдав ему на время Москву.

Во время боевых действий широко применялись и такие методы ведения разведки, как опрос пленных, перехват корреспонденции противника, захват документов. Для сбора сведений наблюдением использовались парламентареры. Значительную часть информации добывала разведка партизанских отрядов и ее агентура.

После окончания Отечественной войны в 1815 г. русская армия была переведена на штаты мирного времени: Военное министерство стало составной частью Главного штаба (ГлШ). Что касается военной разведки, то Особенная канцелярия при Военном министерстве была распущена: ее функции переданы в первое отделение Управления генерал-квартирмейстера ГлШ. Указанное отделение по своей сути являлось органом обработки информации, поступающей преимущественно из Министерства иностранных дел. В то же время ему удалось командировать в посольства нескольких своих офицеров: в Париж – полковника М.П. Бутурлина, в Баварию – поручика Вильбоа. Под прикрытием дипломатических миссий несколько офицеров работали в Хиве и Бухаре.

Фактически с 1815 г. берет свое начало период развала существующей стройной системы агентурной разведки, который продолжался 48 лет – до 1863 г. К этому приложился и отличившийся в войне с Наполеоном А. Чернышев, с 1827 по 1852 г. занимавший должности, непосредственно влияющие на состояние всех видов боевого обеспечения войск.

Первыми руководителями военной разведки и контрразведки империи были: с 29 сентября 1810 г. – флигель-адъютант полковник А.В. Воейков, с 19 марта 1812 г. – полковник А.А. Закревский, с 10 января 1813 г. – полковник П.А. Чуйкевич.

В 1832 г. – очередная реорганизация: теперь уже Генеральный штаб вошел в состав Военного министерства на правах департамента. Департамент организационно включал в себя три отделения. Второе отделение (военно-учетное) выполняло разведывательные функции, которые по-прежнему заключались в обработке информации, поступающей из Министерства иностранных дел.

10 июля 1856 г. Александр II утвердил первую инструкцию о работе военных агентов. Объектами пристального внимания агентурной разведки определены:

- организация, дислокация, боевой и численный состав сухопутных и морских сил;
- мобилизационные возможности государств, пути их реализации, планы всестороннего обеспечения войск и флота;
- передислокация войск и ее цели;
- состояние крепостных сооружений, ведущиеся фортификационные работы на побережье и в других местах;
- лагерные сборы и маневры войск;
- моральное состояние войск, настроения в среде офицерства и генералитета;

- уровень и состояние всех ветвей системы военного управления: артиллерийского, инженерного, комплектования (комиссариатского) и тылового;
- реорганизация войск, новые виды вооружений, формы одежды, изменения в уставах и наставлениях;
- развитие военной мысли, военной науки;
- карты-планы местности;
- система подготовки военных кадров, состояние военно-учебных заведений, методы преподавания военных наук, морально-психологическое состояние в курсантской среде;
- организация Генерального штаба или структуры ему аналогичной, качественный уровень его офицерского состава (списочный состав, уровень подготовки и способностей каждого офицера, перспективы служебного роста);
- передвижение войск железнодорожным транспортом: способы, численность, временные нормативы;
- военное управление, деловодство, временные показатели передачи приказаний, пути их сокращения.

Агентам предписывалось скрывать свою связь с разведкой, строго соблюдать меры бдительности и конспирации.

О принадлежности того или иного сотрудника дипломатической миссии к военной разведке знали лишь ее руководитель и заместитель руководителя. Офицер в полном объеме выполнял обязанности, предписанные ему штатным расписанием дипломатического органа и параллельно скрыто выполнял поставленные ему задачи, от степени исполнения которых зависели перспективы его дальнейшего служебного роста в армии. Агенту запрещалось без ведома начальника миссии предпринимать что-либо особенное, выходящее за рамки повседневной деятельности ее сотрудников. Офицеру рекомендовалось в точности выполнять его указания, советоваться с ним по общим вопросам.

Агент имел определенные подотчетные ему денежные суммы для оплаты работы источников информации. В случае необходимости экстренного увеличения расходов он мог истребовать недостающие финансовые средства у начальника дипломатического представительства. Добытые офицером сведения по политическим вопросам прежде докладывались «крышевому» руководителю, а затем отправлялись в Центр. Специфическая военная информация сразу же конвертировалась к пересылке в Военное министерство.

Сотрудники военной разведки того времени подразделялись на следующие категории:

а) генералы и офицеры управленческого звена:

- генерал-квартирмейстеры генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба Военного министерства;
- офицеры генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба Военного министерства;
- генерал-квартирмейстеры штабов военных округов;
- офицеры генерал-квартирмейстерских частей штабов военных округов;

б) генералы и офицеры, непосредственно занимающиеся вопросами организации и ведения стратегической агентурной разведки и оперативной агентурной разведки за границей:

- гласные военные агенты за рубежом;
- агенты-ходоки (офицеры Генштаба, отправляемые с секретной миссией за рубеж в мирное время);

в) переменный состав агентурной разведки (агентура):

- негласные военные агенты за рубежом;
- конфидененты;
- агенты-ходоки (лазутчики, засылаемые в тыл противника накануне войны и с началом боевых действий).

По состоянию на конец 1856 г. за границей работали следующие офицеры:

- флигель-адъютант полковник Альбединский П.П. – в Париже;
- флигель-адъютант полковник Игнатьев Н.П. – в Лондоне;
- полковник барон фон Торнау Ф.Ф. – в Вене;
- штабс-капитан Франкини – в Константинополе;
- генерал-майор граф Штакельберг – в Турине (до этого находился в Вене);
- полковник Гасфорт В.Г. – в Неаполе.

В первой половине 1863 г. Военное министерство пережило очередную реорганизацию. Департамент Генерального штаба (по сути дела, Генеральный штаб в нынешнем понимании) стал Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) Военного министерства. Теперь разведкой занимались:

- 2-е азиатское отделение – «Азиатская часть»;
- 7-е военно-учетное отделение (бывшее 3-е) – начальник полковник Ф.А. Фельдман.

В этот период увеличилась общая численность военных агентов, находящихся за границей. Среди прочих офицеров за рубежом работали:

- флигель-адъютант полковник Витгенштейн – в Париже;
- генерал-майор барон фон Торнау Ф.Ф. – в Вене;
- генерал-адъютант граф Адленберг 3-й Н.В. – в Берлине;
- генерал-майор Гасфорт – во Флоренции (ранее был в Неаполе);
- полковник Новицкий – в Лондоне;
- полковник Франкини – в Константинополе.

В сентябре 1863 г. император Александр II в качестве эксперимента на два года утвердил Положение и Штаты Главного управления Генерального штаба. Новая структура включала в себя среди прочих подразделений:

- 2-е разведывательное отделение (азиатское);
- 3-е разведывательное отделение (военно-учетное).

Разведывательные отделения подчинялись вице-директору разведывательной части ГШ.

Азиатское отделение в составе 8 человек выполняло те же задачи, но сфера его интересов ограничивалась странами Азии, непосредственно примыкающими к российским рубежам.

Военно-учетное отделение в составе 14 человек занималось:

- сбором военной и военно-технической информации об иностранных государствах;
- руководством военными агентами за границей;
- руководством военно-учеными экспедициями, направляемыми для сбора сведений в приграничные районы России и прилегающие к ним страны.

Двухгодичный эксперимент себя оправдал.

31 декабря 1865 г. путем слияния Инспекторского департамента с Главным управлением Генерального штаба образован Главный штаб Военного министерства. В январе 1866 г. Главный штаб перешел на новые штаты. Для руководства ученой и топографической деятельностью создается Совещательный комитет, который поглотил бывшее 3-е военно-учетное отделение.

30 марта 1867 г. Совещательный комитет преобразован в Военно-ученый комитет Главного штаба. В нем на базе 3-го отделения создается **канцелярия, ставшая** вплоть до 1903 г. **центральным органом российской военной разведки**. Первым руководителем канцелярии Военно-учетного комитета стал генерал-адъютант Н. Обручев (с 1880 г. – управляющий Военно-учетным комитетом) – протеже военного министра Милютина. Азиатская часть так и осталась самостоятельным подразделением ГлШ. В 1869 г. она была переименована в Азиатское делопроизводство со штатом 2 человека: заведующий (полковник А.П. Проценко) и его заместитель.

В дальнейшем канцелярию возглавляли:

- генерал Фельдман Ф.А. (с 1881 по 1896 г.);

- генерал Соллогуб В.У. (с 1896 по 1900 г.);
- генерал Целебровский В.П. (с 1900 по 1903 г.).

С положительной стороны проявила себя оперативная агентурная разведка в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. До начала боевых действий руководство ОАР в Турции и на Балканах осуществлял полковник ГШ П.Д. Паренсов – офицер «по особым поручениям», признанный специалист разведывательного дела. Однако в декабре 1876 г. он по приказу главнокомандующего группировкой российских войск Бессарабии лично убыл под соответствующим легализационным прикрытием в Бухарест для организации сбора сведений о турках. Ему в помощь был выделен полковник Н.Д. Артамонов. На территории Румынии и Болгарии офицерам удалось создать эффективную резидентуру, состоящую из граждан разных национальностей, сотрудничающих с российской разведкой на идейной основе, многие из которых отказывались от денежного вознаграждения за свои услуги. Под контролем агентуры находились:

- перемещение судов по Дунаю;
- минные заграждения на Дунае;
- передвижение и численность турецких войск в Болгарии;
- фортификационные сооружения;
- продовольственные запасы;
- прибытие подкрепления из Египта.

Однако Русско-турецкая война вскрыла и ряд существенных недостатков в организации российской военной разведки, что послужило причиной очередной реорганизации ее центрального аппарата. В декабре 1879 г. утверждается новый штат канцелярии Военно-ученого комитета, в составе 15 человек:

- управляющий делами;
- пять старших делопроизводителей;
- девять младших делопроизводителей.

В 1886 г. численность Азиатского делопроизводства возросла с 2 до 5 человек.

В 1892 г., после принятия в России специального закона об охоте, военная разведка начала в своих интересах на договорной основе бесплатно использовать частные охотничьи угодья.

В 1895 г. Азиатское делопроизводство реорганизовано в три делопроизводства: первые два отвечали за работу ОАР азиатских военных округов, а третье занималось стратегической агентурной разведкой (САР) в азиатских государствах.

В июле 1900 г. началась очередная реорганизация военной разведки. В Главном штабе учреждается генерал-квартирмейстерская часть, состоящая из двух отделений: оперативного и статистического. Статистическое отделение по сути выполняло функции Азиатского делопроизводства по ведению разведки в Китае, Корее, Японии и других азиатских странах.

В декабре 1900 г. в генерал-квартирмейстерскую часть передается и канцелярия Военно-ученого комитета.

В апреле 1903 г. объявлены новые штаты Главного штаба. Согласно им, ведение разведки теперь возлагалось на 7-е отделение (военная статистика иностранных государств) 1-го (Военно-статистического) отдела Управления 2-го генерал-квартирмейстера ГлШ в составе 17 человек:

- начальник (генерал Целебровский В.П. – бывший заведующий канцелярией Военно-ученого комитета ГлШ);
- восемь столоначальников;
- восемь помощников столоначальников.

Неофициально отделение было поделено на части. Добывающая часть получила название «Особое делопроизводство» и состояла из двух офицеров, занимающихся проблемами САР.

Остальной личный состав руководил разведкой военных округов (ОАР) и занимался информационной работой.

Разведка против Австро-Венгрии велась как соответствующими структурами ГлШ, так и разведотделениями штабов Варшавского и Киевского военных округов.

В 1904 г. в России был принят План военной реформы, рассчитанный на 1905–1912 гг. В рамках этого документа в 1905 г. Главный штаб Военного министерства получил название «Главное управление Генерального штаба» (ГУГШ), был выделен из Военного министерства в самостоятельный орган во главе с независимым от военного министра начальником (с правом, как и министр, личного доклада императору). Рабочим органом начальника Генштаба (он же начальник ГУГШ) являлось управление генерал-квартирмейстера.

До 1905 г. военной разведкой руководил генерал В.П. Целебровский. Его сменил генерал Н.С. Ермолов, занимавший эту должность до 1906 г.

Однако к войне с Японией Россия и ее военная разведка оказались не готовы. Оба государства понимали, что вооруженное противостояние между ними неизбежно из-за Маньчжурии, поэтому целенаправленно наращивали свою мощь для решающего сражения. В силу объективных причин этот процесс протекал довольно-таки вяло как с японской, так и с российской стороны.

Япония интересовалась Маньчжурией, потому что она находилась вблизи от их островов. Это обстоятельство имело главное значение для достижения далеко идущих целей – установления господства над всей территорией Китая.

Несмотря на постепенное проникновение русских в Маньчжурию, японцы, опасаясь корзней «русского медведя», старались достичь максимального перевеса в силах и средствах над потенциальным противником, медлили, наращивали усилия своей военной разведки, насаждали агентуру в европейской части России, приобретали важную информацию, стараясь тем самым заранее предугадать тот момент, когда будет целесообразно и выгодно развязать конфликт. Помимо агентуры патриотических обществ, агенты разведки сухопутной армии и военно-морских сил Страны восходящего солнца имелись во всех стратегических пунктах Российской империи.

Следует отметить, что приготовления России к войне проводились в совсем иных условиях, чем та подготовка, которой занималась Япония. Русские были отдалены от своей базы многими тысячами километров. Это вынуждало их усиливать Сибирь с таким расчетом, чтобы в случае войны она не зависела от европейской части страны. Для быстрой переброски вооружения и солдат строились Транссибирская железная дорога, осуществлялась прокладка железнодорожных путей к югу от реки Амур. Обе магистрали, проходившие по открытой, мало или совсем незаселенной местности, были особенно уязвимы и могли стать одним из первых объектов атаки со стороны потенциального противника. Поэтому вдоль них одновременно строились укрепления, воздвигались форты. Вместе с тем реконструировались и улучшались укрепления на российской военно-морской базе в Порт-Артуре и в таких важных центрах, как Владивосток и Хабаровск. Строились склады для боеприпасов и оружия, новые электростанции.

Однако все эти усилия сводились на нет из-за недооценки значения военной разведки в период подготовки к войне. Пренебрежение к противнику, отсутствие желания знать, что творится в его стане, в конечном итоге привело к трагическим для империи последствиям.

Под впечатлением поражения России в войне с Японией (1905–1906) осенью 1906 г. в ГУГШ поступили докладные записки нескольких офицеров разведывательного отделения с конкретными предложениями по перестройке деятельности разведорганов. По их мнению, САР и ОАР следовало заниматься на базе штабов приграничных военных округов под руководством ГУГШ и с непосредственным его участием. При этом Главное управление должно создавать агентурную сеть в важнейших центрах вероятного противника, а штабы округов – в приграничных районах прилегающих государств. Кроме того, «люди снизу» считали, что

для выявления сил потенциального неприятеля целесообразно чаще организовывать командировки офицеров Генерального штаба с целью рекогносцировки путей сообщения и укрепленных районов в приграничной полосе.

В результате в апреле 1906 г. утверждается новая структура ГУГШ. Ею впервые официально закрепляется разделение добывающей и обрабатывающей функций разведки. Разведкой занимались части 1, 2 и 3-го обер-квартирмейстеров Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ. Добывание информации теперь возлагалось на 5-е (разведывательное) делопроизводство части 1-го обер-квартирмейстера в составе трех человек:

- делопроизводитель (полковник Адабаш М.А. – до 1908 г.; с марта 1908 г. до 1913 г. – полковник Монкевиц Н.А.);

- два помощника делопроизводителя (молодые офицеры Энкель О.К. и Рябиков П.Ф.; один из них отвечал за восточное, другой – за западное направление разведки).

Обработкой информации занимались:

- а) в части 2-го обер-квартирмейстера: 2, 3, 4, 5 и 6-е делопроизводства;

- б) в части 3-го обер-квартирмейстера: 1, 2 и 4-е делопроизводства.

На должности в обрабатывающие делопроизводства назначались бывшие сотрудники 7-го отделения.

В 1908 г. ГУГШ было возвращено в состав Военного министерства, а начальник Генерального штаба (он же начальник ГУГШ) подчинен военному министру.

С 1908 г. военная агентурная разведка стала собирать сведения о различных системах рукопашного боя. Особо активно эта работа проводилась в Сиаме, Вьетнаме, Китае (Харбин). Все изыскания в данной сфере сводились к максимальной эффективности и минимальности срока подготовки агента (бойца)-рукопашника. После 1917 г. почти 100% сведений по данной проблематике были утеряны.

11 сентября 1910 г. – снова реорганизация ГУГШ. 5-е (разведывательное) делопроизводство части 1-го обер-квартирмейстера Управления генерал-квартирмейстера преобразуется в Особое делопроизводство (разведки и контрразведки) Отдела генерал-квартирмейстера с непосредственным подчинением генерал-квартирмейстеру, в составе 5 человек:

- помощник 1-го оберквартирмейстера – делопроизводитель (полковник Монкевиц Н.А.: октябрь 1910–1913 г.; полковник Энкель О.К.: 1913–1914 гг.; полковник Раша Н.К.: 1914–1916 гг.) – руководил Особым делопроизводством и обрабатывающими делопроизводствами части 1-го обер-квартирмейстера (специализация – западные страны),

- три помощника делопроизводителя,

- журналист (начальник журнальной части, ведающей секретной перепиской).

Факт непосредственного подчинения Особого делопроизводства генерал-квартирмейстеру свидетельствовал о повышении статуса разведслужбы и усилении роли разведки.

Обрабатывающие (военно-статистические) делопроизводства теперь возлагались на:

- а) части 1-го обер-квартирмейстера, занимающиеся западным направлением:

- 4-е делопроизводство – Германией,

- 5-е делопроизводство – Австро-Венгрией,

- 6-е делопроизводство – Балканскими государствами,

- 7-е делопроизводство – Скандинавскими странами,

- 8-е делопроизводство – прочими странами Западной Европы;

- б) части 2-го обер-квартирмейстера, занимающиеся восточным направлением:

- 1-е делопроизводство – Туркестанским,

- 2-е делопроизводство – Турецко-Персидским,

- 4-е делопроизводство – Дальневосточным.

Особое делопроизводство ГШ до 1912 г. работало в тесном взаимодействии с внештатным Секретным бюро (с 1912 г. – Центральное бюро) Иностранной части МГШ, являющимся

штатным подразделением части агентурной разведки (Разведывательный центр ГШ), подчиненной Генеральному штабу. Личный состав бюро комплектовался морскими офицерами. В начале 1914 г. подразделение в связи с формированием на флоте Особого делопроизводства (ОД) МГШ – первого самостоятельного морского органа агентурной разведки – было выведено из структуры ГШ.

С 1906 по 1914 г. сменились пять начальников ГУГШ:

- Палицын Ф.Ф. (1906–1908);
- Сухомлинов В.А. (1908–1909);
- Гернгросс Е.А. (1910)
- Жилинский Я.Г. (1911–1914);
- Якушкевич Н.Н. (с 1914).

Накануне Первой мировой войны Генеральный штаб состоял из 5 отделов:

- отдел генерал-квартирмейстера;
- отдел по устройству и службе войск;
- мобилизационный отдел;
- отдел военных сообщений;
- военно-топографический отдел.

Сбором материалов, имеющих военное значение, в предвоенный период занимались также царские дипломатические представительства. Однако эта работа была плохо скоординированной из-за распрей, процветавших между Военным министерством и Министерством иностранных дел Российской империи. Кроме того, Генеральный штаб в то время основной упор в сфере разведки делал на агентуру, не уделяя должного внимания радиоперехвату и дешифровке.

Летом 1914 г. противоречивые и соперничающие между собой интересы могущественных мировых держав – Германии, Великобритании, Австро-Венгрии и России – достигли своего апогея. К этому времени европейские страны составили сложную сеть военных союзов. Россия подписала договоры о военном сотрудничестве и поддержке с Великобританией и Францией. Германия, в свою очередь, заключила союз с Австро-Венгрией и Италией.

В июне 1914 г. в Сараеве убили кронпринца Австро-Венгерской империи Франца-Фердинанда, что и послужило формальным поводом для начала военных действий сначала со стороны Австро-Венгрии, предъявившей Сербии жесткий ультиматум, а за ней и Германии, поддержавшей свою союзницу по военному блоку.

В конце июля (после объявления Австро-Венгрией войны Сербии) Россия, защищая свои интересы на Балканах, начала всеобщую мобилизацию, на что Германия отреагировала жестким ультиматумом. Принимать подобного рода условия Николай II посчитал недостойным, и Германия объявила войну России. Российское общественное мнение встретило эту новость воинствующим ура-патриотическим подъемом, а предстоящая бойня провозглашалась не иначе как освободительной миссией. Такова предыстория начавшейся в августе 1914 г. Первой мировой войны.

3 августа Германия объявила войну и Франции, ввела свои войска на территорию нейтральной Бельгии, что привело к вступлению в водоворот сражений Великобритании. А через несколько дней примеру англичан последовала и Япония. Таким образом война из европейской переросла в мировую.

Европейские державы не один год готовились к мировому сражению. Передел сфер влияния в колониях и на Балканском полуострове после ослабления некогда могущественной Османской империи, с одной стороны, и в связи с интенсивным развитием и ростом мощи объединенной Германии – с другой был неизбежен. Это понимали лидеры всех ведущих мировых государств Европы, каждое из которых мечтало упрочить свое положение и расширить границы своей протекции. Но при этом ни точной, ни примерной даты начала вооруженного

конфликта не было известно ни одной разведке, а следовательно, и ни одному Генеральному штабу будущих стран – участниц военного противостояния. Начало Первой мировой войны летом 1914 г. для союзников и потенциальных противников оказалось неприятной неожиданностью. Новое вооруженное противостояние оказалось схваткой на выживание, к которой ни одна из воюющих сторон не была готова ни морально, ни материально.

Тем не менее на первом этапе схватки оба военных блока рассчитывали на быстрое и победоносное разрешение вооруженного конфликта.

Генеральный штаб Германии, выработавший оперативный план Шлиффена, надеялся на повторение удачного похода 1870 г., согласно которому молниеносный марш-бросок немецких войск должен был завершиться оккупацией Парижа с последующим падением всей Франции. Сразу же после разгрома своего юго-западного соседа немцы планировали быструю переброску всей армии на восточное направление для войны с Россией. Таким образом они избегали войны на два фронта. Высший германский генералитет не допускал и мысли, что страна не успеет справиться с одним противником, прежде чем вечно нерасторопная Россия успеет мобилизовать свою армию.

Второй военный союз (Антанта) рассчитывал в считанные месяцы покончить с крепнущей Германией и слабеющей Австро-Венгрией – двумя крупными и крайне «неудобными» державами.

Однако первые месяцы войны продемонстрировали, что силы обеих группировок были примерно равны и ни одна из противоборствующих сторон не могла быстро и безоговорочно победить. Сначала военная удача была на стороне Антанты: Англия и Россия вступили в войну раньше, чем рассчитывал противник, и провели ряд успешных боевых операций. Совместные усилия союзников вынудили Германию воевать на два фронта, что спасло Францию от разгрома. Но для перелома хода войны и нанесения существенного поражения объединенным силам Германии и Австро-Венгрии не хватило ни сил, ни вооружения, ни финансов. Уже к концу 1914 г. стало понятно, что конфликт принимает затяжной окопный характер, а победа достанется той стороне, чьи людские и производственные ресурсы выдержат не один месяц военных действий.

Россия оказалась не готова к продолжительной войне немного больше, чем все остальные. В стране не были завершены начатые политические и хозяйственные реформы, имелись сложности в сельском хозяйстве, промышленность не была перестроена на производство военной техники и товаров для фронта. В результате в первые месяцы войны в русской армии существовала острая нехватка военной техники и боеприпасов. Между тем фронт по законам затяжной войны требовал все нового и нового «пушечного мяса» – свежих людских ресурсов. В связи с этим количество дееспособного мужского населения страны, занятого в промышленности и сельском хозяйстве, стало резко сокращаться, что привело к негативным последствиям в отечественной экономике и стало одной из причин резкого снижения уровня жизни в России. Ура-патриотизм общества стал меняться. Война потеряла в глазах народа свой казавшийся поначалу праведным характер.

Для руководства боевыми действиями в России создается Ставка Верховного главнокомандующего со штабом Верховного главнокомандующего.

Война стала серьезным испытанием для всей системы военной разведки Российской империи. Главными ее задачами в этот период были:

- вскрытие военных планов противника;
- выявление группировок его войск;
- определение направлений главного и вспомогательных ударов неприятеля.

Штабс-капитан В.М. Цейтлин в своей книге «Разведывательная работа штабов» (Смоленск, 1923) вспоминал о состоянии дел в разведке на оперативно-тактическом уровне:

«Разведка всегда у нас была в загоне. Во время войны 1914–1918 гг. при штабах корпусов не было разведывательных отделений, несмотря на то что в корпус почти всегда входили 3 дивизии, а иногда четыре-пять. Заведовал разведкой обыкновенно один из обер-офицеров для поручений, не имея ни помощников, ни какого-либо штата работников, да и кроме того исполняя еще другие обязанности в штабе. Поэтому все зависело от комкора и наштакора; придают они значение разведке – можно как-нибудь наладить дело, а нет – ничего не поделаешь!

В дивизиях было еще того хуже: разведкой должен был бы ведать старший адъютант Генштаба (в то время все штабы являлись филиалами Генштаба на местах; на штабные должности назначались лишь лица, окончившие Академию Генерального штаба, или если их военное образование приравнивалось к академическому; у таких офицеров вместе с должностью обязательно употреблялись слова «Генштаба» или «Генерального штаба». – В.С.), но он настолько бывал обыкновенно перегружен работой (особенно при отсутствии наштадива), что отдавал это дело кому-либо другому. Определенного, ответственного за свое дело заведующего разведкой – не было; часто этим занимались дежурные офицеры. В результате – стереотипная фраза в донесениях: «Разведка новых сведений о противнике не дала».

В 1914 г. наступление российских войск обеспечивали 113 отдельных агентурных источников, в том числе:

– **в интересах 1-й армии** – 53 агента, из них 15 человек были завербованы до начала боевых действий с местонахождением в Кенигсберге (3 человека), Тильзите, Гумбинене, Эйдкунене, Инстербурге, Данциге, Штеттине, Алленштейне; вербовка троих агентов осуществлена в Шнейдемюле, Гольдапе и Кибартах уже в ходе начального периода боевых действий, а еще 23 – к августу 1915 г.; для наращивания усилий агентурной сети по мере продвижения войск в тыл противника в течение года заброшено дополнительно 12 человек;

– **в интересах 2-й армии** (командующий генерал Самсонов) – 60 агентов.

На содержание агентурной сети и наращивание усилий агентурной разведки в ходе боевых действий генерал-квартирмейстеру 1-й армии было выделено на 1914 г. 30 тысяч рублей.

Однако, по сложившейся порочной традиции, агентурные сведения, добытые в ходе наступления российских войск, во внимание не брались и расценивались как плод чрезмерного воображения разведчиков. Результат: окружение, а затем и уничтожение 2-й армии.

Новый, 1915 г. принес России первые серьезные поражения. После серии проигранных сражений российская армия отступила далеко на восток, оставив объединенным силам противника большую часть Польши, Литву, часть белорусских и украинских территорий, а ее потери составили более двух миллионов человек. Внутриэкономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться, значительное число мелких и средних предприятий, не связанных с выпуском товаров для потребностей фронта, были вынуждены закрыться. Запертые границы, невозможность ввоза иностранного сырья для производства продукции, падение спроса на европейском рынке и внутри страны – все это неблагоприятно сказалось на развитии торговых отношений и стало причиной банкротства целого ряда промышленных предприятий.

Развитие этих негативных тенденций не могло не вызвать обеспокоенности крупного и среднего капитала, представители которого были крайне заинтересованы в скорейшем выходе России из войны. Падение общего уровня жизни, перебои с поставками продовольствия и транспортным обеспечением привели к усилению антивоенных настроений среди большей части населения. Рост социальной напряженности в обществе способствовал усилению политической активности ведущих партий страны, преследующих свои интересы. Все политические силы России распределились по трем крупным лагерям, находившимся в состоянии открытого противостояния.

Промонархический лагерь правительства стремился в первую очередь победить в войне, откладывая решение внутренних проблем России, в том числе проведение социальных и политических реформ, на послевоенное время.

Политический лагерь, сформированный либеральной оппозицией (партии кадетов и октябристов), поддерживал военные устремления России, но мечтал о демократических свободах и полновесном парламенте при ограниченной монархии.

Третий политический (левый) лагерь составляли партия эсеров, социал-демократическая партия, разделившаяся на два крыла – большевиков и меньшевиков. Он призывал к скорейшему прекращению войны и проведению преобразований в стране. На фоне военных лет лишений и ухудшения экономической ситуации этот лагерь своей позицией быстрыми темпами набирал популярность среди народных масс. Например, социал-демократы не видели в войне объявленного «освободительного» содержания. Они считали, что военное положение привело к закрепощению людей внутри страны, потере независимости малыми народами, на неоправданно длительное время ограничило право граждан на свободу передвижения. По их мнению, война носила откровенно империалистический характер и поэтому по сути являлась антинародной.

Либеральной оппозиции удалось составить большинство Государственной думы IV созыва, сформированной 15 августа 1915 г. Ее депутаты вели себя крайне активно и подчас агрессивно по отношению к правительству и оппонентам. Д diametрально противоположные взгляды парламентского большинства и левой оппозиции на характер войны и ее завершение привели к открытой конфронтации.

Кроме того, так как парламент не имел рычагов влияния на назначаемое императором правительство, а соответственно – и на развитие ситуации в стране, то законодательное большинство стало ратовать за скорейшее проведение в стране политических реформ, результатом которых должно было стать подконтрольное Думе правительство. Преследование этой цели заставляло Государственную думу идти на обострение отношений с правительственным лагерем и требовать отставки любого премьер-министра, не останавливаясь даже перед обвинениями об измене в пользу Германии (в последующем император, вынужденный под давлением оппозиции отправлять в отставку одного премьер-министра за другим, не имел иного выхода, как в будущем распустить оппозиционный парламент).

В обстановке крайней политической нестабильности, отягощенной реальной угрозой голода, любое обострение политической ситуации в стране могло привести к революционным последствиям.

Указанное выше неблагоприятно сказалось на материально-техническом обеспечении и деятельности российской военной агентурной разведки, а установившаяся в 1915 г. между русскими и немецкими войсками сплошная линия фронта значительно урезала ее возможности. Ситуация усугублялась децентрализацией управления разведывательными операциями. В результате отсутствия четкого распределения агентуры по задачам и объектам в Бухаресте, Стокгольме, Копенгагене скопились массы источников информации, иногда состоящие на службе в нескольких штабах и конкурирующие друг с другом. В таких условиях, как бы агент ни конспирировался, он рано или поздно попадет в поле зрения своих соперников, что нередко приводило к нежелательным последствиям.

Штабс-капитан В.М. Цейтлин вспоминает:

«Кончился период маневренной войны, а разведка шла все так же. Долго не было у нас обстоятельных сводок и схем, столь необходимых в позиционной войне, но потом начали доходить сведения о постановке дела на западном, главным образом, в то время, французском фронте, где II бюро (разведывательное) французского Генерального штаба образцово поставило это дело, и разведка начинает улучшаться и у нас. Появляются **центры**, которые объединяют вокруг себя работу разведки. Появились различные схемы, таблицы, боевые расписания, выработалось много любителей и знатоков дела разведки.

В декабре 1915 г. на юго-западном фронте начались неудачные атаки австрийских позиций, а в марте 1916 г. были сделаны попытки наступления и на германском фронте, но тоже неудачно. Разбор обеих операций показал, что в числе прочих причин неудачи произошли оттого, что не была налажена разведывательная служба штабов, не было хороших схем укреплённых позиций противника, описаний их и т. д.».

В непростой обстановке, сложившейся в заграничных дипломатических представительствах России в 1916 г., проходит и деятельность офицеров стратегической военной разведки. В учреждениях процветало наущничество, склоки, стукачество, обычным явлением стало «подсигивание друг друга». Состояние войны, в которой находилась Родина, дипломатов не сплачивало, а разъединяло. Существовало даже правило: «Двум русским людям для частного разговора лучше всего встречаться подальше от соотечественников, где-нибудь на отдалённой нейтральной территории».

В резидентурах падает дисциплина. Чтобы как-то ее сохранить, их руководители практикуют повседневное ношение личным составом военной формы одежды и боевых орденов (обычно в аппаратах военных атташе все пользовались гражданским убранством, а униформу надевали лишь на официальные дипломатические мероприятия). Лица, имеющие доступ к финансовым счетам, стали объектами пристального внимания со стороны всякого рода патриотов Отечества и им сочувствующих сотрудников дипломатических учреждений. Тогда говорили: «Война не только на фронтах и в окопах. Большие деньги – тоже кровь»...

К концу 1916 г. в России сложилась весьма неблагоприятная политическая ситуация: парламент находился в оппозиции к правительству, а наиболее активная часть народа была готова поддержать не либеральное парламентское большинство, а представителей левых партий.

В декабре 1916 г. император подготовил указ о роспуске оппозиционного к правительству парламента. Правда, Николай II так и не проставил на нем даты, что давало третьему за последние два месяца премьер-министру, князю Н.Д. Голицыну, возможность последний раз договориться с парламентариями.

Чтобы дать главе правительства время на урегулирование проблемы, царь перенес начало заседания Думы на середину февраля, надеясь, что политический кризис к тому времени будет преодолен. По вопросу о продолжении войны либералы не расходились во взглядах с монархическим лагерем и ратовали только за полную и окончательную победу над Германией, каких бы сил и жертв это ни стоило стране, но путь к победе им представлялся иным.

В январе 1917 г., пока новое правительство более или менее успешно договаривалось с либералами, в столице и других крупнейших городах России усилилось рабочее движение. Всю страну охватила волна стачек и забастовок, в ходе которых наряду с социальными требованиями все чаще стали звучать и политические, прежде всего ультиматум о выходе империи из войны.

14 февраля 1917 г., после более чем двухмесячного отдыха, начала работу Государственная дума. В условиях сильнейшего социального напряжения парламентарии пошли на компромисс с лагерем монархистов и согласились на формирование доверенного правительства из числа представленных императором кандидатур. Однако упущенное в политической полемике и борьбе за лидерство время привело к полной дискредитации власти в глазах общественности, что способствовало зарождению в обществе сил, способных оказать правящим кругам достойное сопротивление ради достижения собственных целей.

К этому времени в столице началась продовольственная паника: в народе возник слух о скором введении карточной системы. Через несколько часов в Петербурге у всех хлебных лавок выстроились громадные очереди. Народное недовольство, а вместе с ним и общественное напряжение стремительно нарастали.

18 февраля началась очередная забастовка в одном из цехов крупнейшего завода столицы – Путиловского. Рабочие настаивали на значительном увеличении заработной платы. Администрация, готовая пойти на ряд уступок, не сумев договориться о главном – немедленном возобновлении трудовой деятельности, предпочла полностью закрыть цех, оставив бастующих без работы и остановив весь завод на неопределенное время. Предпринятые администрацией предприятия действия привели к тому, что все рабочие, около 36 тысяч человек, оказались на улице без средств к существованию, зато с реальным шансом попасть на фронт в связи со снятием с них брони на призыв в армию.

19 февраля все уволенные вышли на улицы, организовывая стихийные митинги и демонстрации. В числе лозунгов первыми звучали требования о хлебе и мире. Парламент предприятия безуспешную попытку вмешаться в урегулирование конфликта.

20 февраля к бастующим присоединились еще несколько заводов и ситуация окончательно вышла из-под контроля. Всю столицу заполнили митингующие рабочие, численность которых составила около 90 тысяч человек.

Общегородская стачка парализовала привычную жизнь в столице. Недовольство и агрессия толп рабочих, оставшихся без доходов, переросли в погромы магазинов и складов материальных ценностей, открытые уличные бои с правоохранительными органами. Радикальные политические силы стремительно раздували костер вакханалии. На стихийно организованных митингах все чаще стали звучать призывы к свержению самодержавия.

В этих условиях император покидает столицу и уезжает в ставку. Правительство, не обладавшее достаточной полнотой власти для принятия силовых решений против демонстрантов, осталось с проблемой один на один. Вдогонку оно посылает царю телеграмму соответствующего содержания. Тот отдал распоряжение подавить выступления силой. События стали развиваться по нарастающей. Большая часть солдат столичного гарнизона отказалась стрелять в демонстрантов, предпочитая примкнуть к восставшим рабочим.

Пока правительство осмысливало ситуацию, 27 февраля Таврический дворец, в котором проходило заседание Государственной думы, оказался заполненным вооруженной толпой. Напуганные политики предпочли примкнуть к ней.

К 1 марта на сторону митингующих перешел весь Петербургский гарнизон, а разграбленный арсенал позволил вооружить винтовками всех желающих. Попутно толпа освободила всех арестантов из столичных «Крестов», в числе которых было немало политзаключенных, которым удалось направить вооруженную стихию на захват важнейших государственных объектов.

В то же время, несмотря на революционную лихорадку страны, в системе военной разведки предпринимаются серьезные шаги по оздоровлению и повышению эффективности ее деятельности в условиях ведения военных действий. В.М. Цейтлин пишет: «Ряд неудач заставил, наконец, прозреть: посыпались всякие наставления по организации разведывательной службы (особенно в начале 1917 г.). Штабы фронтов и армий непрерывно издают всевозможные «Указания...» и «Наставления по организации разведывательной службы штабов». Наконец необходимость подсказала свести всю работу воедино, издать общее обязательное всем наставление, и с этой целью в конце лета 1917 г. в Ставке было собрано совещание представителей разведки фронтов и выработано **«Наставление по разведывательной службе в действующей армии»**, утвержденное наштаверхом (начальник штаба Верховного главнокомандующего) 3 октября 1917 г.

Наставление это, выработанное специалистом своего дела, – сразу укладывало в должные рамки все дело разведывательной службы».

К лету 1917 г. стало ясно, что Огенквар (Отдел генерал-квартирмейстера. – В.С.) слишком громоздок. Поэтому было принято решение о его разделении на две части – отделы 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров. В первом стали заниматься главным образом вопросами оперативного характера, а во втором – разведкой, военной статистикой иностранных госу-

дарств и контрразведкой. Генерал-квартирмейстером, затем 2-м генерал-квартирмейстером был тогда генерал-майор Петр Федорович Рябиков, преподававший ранее в Академии Генерального штаба – АГШ. Его ближайший помощник – 3-й обер-квартирмейстер (то есть начальник разведывательной части, в состав которой входили добывающие и обрабатывающие отделения) полковник А.В. Станиславский.

Согласно обобщающему документу «Разведывательные задачи Военно-статистического отдела» к октябрю 1917 г. структура военной разведки выглядела следующим образом:

«Органы, которыми Главное управление Генерального штаба располагало для выполнения своих разведывательных задач, являлись:

1) полевые управления: Ставка и штабы фронтов;

2) заграничная агентура: военные агенты (так тогда назывались военные атташе. – В. С.) и негласная агентура;

3) штабы Одесского и восточных округов: Туркестанского, Иркутского, Омского, Приамурского и Заамурского.

Работа полевых управлений сводилась главным образом к учету и наблюдению за силами противников, сосредоточенных на нашем фронте. Заграничная агентура, созданная во время войны как Огенкваром, так и военными агентами и полевыми штабами, перешла в июне 1917 г. в исключительное ведение Главного управления Генерального штаба в целях объединения заграничной разведки в руках одного органа и обеспечения планомерного перехода ее на мирное положение без всякого перерыва. Исключение было сделано только:

1) для штаба Кавказского фронта, так как временно было признано по техническим условиям нежелательным принимать в ведение Главного управления Генерального штаба разведывательных организаций в Азиатской Турции, и

2) для штаба Одесского округа, имевшего свою агентуру в Австрии, Германии, Болгарии и Турции; принятие в ведение Главного управления Генерального штаба разведывательных организаций штаба округа было признано несвоевременным ввиду особых условий работы организаций.

Взяв в свое ведение общее руководство заграничной агентурной разведкой (кроме Азиатской Турции и на Ближнем Востоке), Главное управление Генерального штаба сохранило за собой непосредственное направление работы только некоторых, лично подобранных им агентов, ближайшее же заведование всеми остальными сетями оставило в руках военных агентов и нашего военного представителя, стоявшего во главе русского (отделения. – В.С.) межсоюзнического разведывательного бюро в Париже.

Агентурная разведка на Дальнем Востоке, помимо негласной агентуры Главного управления Генерального штаба и наших военных агентов в Японии и Китае, курировала штабы округов: Туркестанского, Иркутского, Омского, Приамурского и Заамурского. В целях упорядочения постановки работы в округах в сентябре 1917 г. в Петрограде было созвано совещание из лиц, ведающих разведкой в штабах этих округов. На этом совещании под руководством представителей Отдела 2-го генерал-квартирмейстера детально были выработаны схемы организаций негласной агентуры для каждого округа в отдельности, были поставлены им задачи и исчислены необходимые на разведку кредиты.

Уделяя главное внимание постановке работы негласной заграничной агентуры, Главное управление Генерального штаба в то же время стремилось в своих мероприятиях к тому, чтобы создать в общей системе военного управления высший центральный разведывательный орган, который имел бы возможность:

1) объединить работу организаций, ведающих разведкой, и руководить идейной стороной этой работы;

2) сосредоточить у себя сведения, поступающие от всех существующих источников и

3) подвергать эти сведения всесторонней оценке и тщательному изучению;

4) давать проверенные и исчерпывающие выводы по всем вопросам военной жизни иностранных государств и по вопросам политико-экономическим, поскольку они имеют отношение к военной мощи этих государств.

Нужно отметить, что Главному управлению Генерального штаба удалось добиться в этом направлении желательных результатов. Что же касается создания агентурной сети, то таковая к октябрю 1917 г. охватывала всю Западную Европу, Финляндию, Ближний, Средний и Дальний Восток, давала ценные сведения и обещала в будущем дать богатый материал».

В то же время реорганизация заграничной военной агентуры не была завершена. Реформа, с одной стороны, преследовала согласование деятельности разведки с общим положением на фронте, с другой – разрешение некоторых вопросов, связанных с **демобилизацией тайной разведки**, чтобы заранее обеспечить ее непрерывность с переходом армии на мирное положение. Ни одной из этих задач отделу выполнить не удалось. Грянула Октябрьская революция.

П.Ф. Рябиков в своих воспоминаниях дал стратегическому уровню российской военной разведки того периода такую оценку: «Надо сознаться, что постановка разведывательного дела в России не носила в достаточной степени государственного характера, не чувствовалось в этой отрасли службы достаточного определенного идейного руководства правительством, а налицо была лишь скромная ведомственная работа, сплошь и рядом преследовавшая свои узкие цели и задачи, иногда противоположные в разных ведомствах».

Классический пример

Классическим образцом успешной операции военной агентурной разведки России перед Первой мировой войной является ее деятельность, связанная с именем полковника австро-венгерской армии Альфреда Редля. Воскресным утром 26 мая 1913 г. все газеты Австро-Венгерской империи поместили на своих страницах сообщение Венского телеграфного агентства, извещающее о его неожиданном самоубийстве: «Высокоталантливый офицер, которому предстояла блестящая карьера, находясь в Вене при исполнении служебных обязанностей, в припадке сумасшествия покончил с собой». Далее сообщалось о предстоящих торжественных похоронах военнослужащего, ставшего жертвой нервного истощения, вызванного продолжительной бессонницей.

Истинной же причиной смерти Альфреда Редля стало раскрытие австро-венгерской контрразведкой факта его шпионажа в пользу России...

А. Редль родился в Лемберге (Львове) в семье аудитора гарнизонного военного суда. В возрасте 15 лет он поступает в кадетский корпус, затем следует блестящее окончание военного училища. Превосходное знание им иностранных языков привлекло к молодому лейтенанту внимание кадровиков Генерального штаба австро-венгерской армии. В результате – служба не в провинциальных частях, а в составе высшего военного органа страны на должности офицера, старшего офицера австрийской разведки, где ему удалось завоевать себе прекрасную репутацию у начальства и сослуживцев.

В то же время представлял собой не очень разборчивого в своих связях гомосексуалиста. Российским спецслужбам удалось выявить у офицера разведываемой страны порочащие его наклонности. В результате глава военной разведки в Варшаве полковник Батюшкин методами шантажа и подкупа склонил того к агентурному сотрудничеству. Обеспечивал агентурную операцию военный агент в Вене Владимир Христофорович Рооп, который тут же и принял Редля к себе на руководство.

В 1900 г. в чине капитана Редля командируют в Россию официально для изучения русского языка, а неофициально – для ознакомления с обстановкой в стране, считавшейся одним из вероятных противников Австро-Венгрии. Сначала в течение нескольких месяцев чужеземец в составе группы иностранцев проходил стажировку в военном училище в Казани. Естественно, что все «друзья» были под негласным наблюдением русской контрразведки: изучались сильные и слабые стороны каждого слушателя, их увлечения, особенности характера, образ жизни и т. д. В 1907 г. на агента была составлена оперативная характеристика следующего содержания:

«Альфред Редль, майор Генштаба, 2-й помощник разведывательного бюро Генерального штаба... Среднего роста, седоватый блондин, с седоватыми короткими усами, несколько выдающимися скулами, улыбающимися вкрадчивыми глазами. Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность слащавая. Речь сладкая, мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, медленные. Любит повеселиться, ведя свободное время беззаботный образ жизни и посещая многочисленные вечеринки...»

К моменту окончания учебы в России агент был передан на руководство военному атташе капитану Александру Алексеевичу Самойло – бывшему старшему адъютанту (штатная категория – полковник) разведотделения штаба Киевского военного округа. Офицер отвечал за сбор разведывательных данных об австро-венгерской армии. Новую для себя должность он принял еще в 1903 г. от В.Х. Роопа, который был отозван из австрийской столицы и назначен командиром одного из полков Киевского военного округа (впоследствии он стал генералом).

Вернувшись в Вену, Редль принял должность помощника начальника разведывательного бюро Генерального штаба – начальника агентурного отдела бюро (Kundschaftsstelle, сокра-

щенно KS). Указанное подразделение занималось контрразведкой. На этой должности он проявил свои высокие организаторские способности. Благодаря применению новых технических средств в сочетании с передовыми приемами работы офицер сделал контрразведку одной из сильнейших спецслужб австро-венгерской армии.

Так, по его указанию комнату для приема посетителей оборудовали только что изобретенным фонографом, что позволяло записывать на граммофонной пластинке с помощью аппаратуры, находящейся в соседней комнате, каждое слово приглашенного для беседы человека. Помимо этого в комнате установили две скрытые фотокамеры, с помощью которых посетителя тайно фотографировали.

Иногда во время беседы вдруг звонил телефон. Но это был ложный звонок. Ведущий беседу сотрудник контрразведки в нужный момент сам «вызывал» себя к аппарату, нажимая ногой на расположенную под столом кнопку электрического звонка. «Разговаривая» по телефону, офицер жестом указывал собеседнику на портсигар, лежащий на столе, приглашая взять сигарету. Крышка портсигара обрабатывалась специальным составом, фиксирующим отпечатки пальцев курильщика.

Если же гость не курил, офицер по телефону «вызывал» себя из помещения, забирая с собой со стола портфель, но при этом в спешке «забывал» находящуюся под ним папку с грифом «Секретно, не подлежит оглашению». Она также была соответствующим образом обработана для сохранения отпечатков пальцев. Редко кто из посетителей удерживался от соблазна ознакомиться с содержанием забытого. Если же и эта хитрость не удавалась, то применялись другие приемы, и так до тех пор, пока не достигался успех.

Редлю принадлежала новая методика ведения допроса, позволяющая достичь желаемого результата без применения физического воздействия (пытки). По его указанию контрразведка стала вести досье на каждого жителя Вены, который хоть раз посетил основные тогда центры шпионажа, такие как Цюрих, Стокгольм, Брюссель. Но главная заслуга тогда уже работавшего на российскую разведку Редля – «добыча» уникальных секретных документов русской армии. Эти успехи были настолько впечатляющими, что его непосредственный начальник, назначенный командиром 8-го пражского корпуса, забрал с собой и своего помощника.

Таким образом, карьера Редля резко пошла вверх и сослуживцы пророчили ему в перспективе должность начальника Генерального штаба. Примечательно, что, отправляясь к новому месту службы, он оставил своему преемнику рукописный сорокастраничный документ под названием «Советы по раскрытию шпионажа». Придерживаясь изложенных в нем рекомендаций, тот в 1908 г. под предлогом необходимости введения строгой цензуры для борьбы с контрабандой создал так называемый «черный кабинет», где осуществлялась перлюстрация почтовой корреспонденции в интересах контрразведки. При этом особое внимание уделялось письмам, поступавшим из приграничных районов Голландии, Франции, Бельгии и России, а также посланным до востребования. Отдел главного венского почтамта, где выдавались такие отправления, был соединен электрическим звонком с полицейским участком, находившимся в соседнем здании. Когда подозрительное, по мнению почтового служащего (осведомителя контрразведки), лицо приходило за письмом, тот нажимал на его кнопку, и через пару минут появлялись два сотрудника наружного наблюдения. Именно работа «черного кабинета» и погубила его изобретателя.

В начале марта 1913 г. в Берлин было возвращено не полученное адресатом письмо, отправленное до востребования в Вену некоему господину Никону Ницетасу. В немецкой столице его вскрыла контрразведка. В письме находились 6000 крон и записка, в которой сообщалось о высылке денег и необходимости впредь писать на указанные тут же адреса в Женеве или Париже. Для немецких контрразведчиков подозрительным в этой истории стало то, что послание отправили из пограничного с Россией городка Эйдкунен, марка на конверте наклеена не общепринятым для местного населения образом, а само письмо, несмотря на столь круп-

ную денежную сумму, в него помещенную, не имело объявленной в таких случаях ценности. Было заподозрено, что оно связано со шпионской деятельностью на территории Австро-Венгрии, и поэтому отправлено снова в Вену. Австрийские контрразведчики поместили его на главпочтамт, а сами стали собирать сведения о его таинственном получателе. Вскоре на почту подошли еще два отправления. В одном из них пересылалась 7000 крон и снова указывался адрес для переписки.

Предпринятые спецслужбами меры по проверке адреса в Швейцарии вывели на отставного французского капитана, сотрудничавшего в 1904–1905 гг. с австрийской разведкой. Вскоре выяснилось, что тот не брезговал деньгами и от России. Переданные швейцарским властям компрометирующие его материалы стали причиной выдворения двойного агента из страны.

В субботу 24 мая 1913 г. сотрудники контрразведки, дежурившие в полицейском участке возле главпочтамта Вены, получили долгожданный сигнал о появлении господина Ницетаса. Однако для незаметного исчезновения получателю корреспонденции понадобилось всего три минуты: преследователям пришлось довольствоваться видом удаляющегося автомобиля. Другого такси или извозчика не оказалось.

Волей случая такси, на котором уехал получатель письма, вскоре снова оказалось возле главпочтамта. При осмотре салона автомобиля был найден замшевый футляр от перочинного ножика последнего пассажира, а опрос водителя привел к месту, где клиент оставил авто. В последующем удалось выяснить и место проживания незнакомца: отель «Кломзер».

В отеле сыщики узнали, что в течение часа в него возвратились четверо посетителей, в том числе и полковник Редль из Праги, проживающий в люксе № 1. Контрразведчики вручили портфель футляр от ножика и, с целью обнаружить владельца потерянной вещи, организовали через него опрос постояльцев. Вскоре выходящий из отеля полковник Редль опознал свою пропажу. Но через минуту он вспомнил, что обронил возвращенное в такси, когда вскрывал конверты. Его подозрения усилились с обнаружением за собой слежки. Пытаясь уничтожить компрометирующие материалы, полковник мелко порвал бумаги, выбросил их на улицу, а сам скрылся. Однако, несмотря на поздний вечер, одному из сыщиков удалось собрать обрывки. Сличение почерка на собранных клочках бумаги, оказавшихся квитанциями о посылке денег и отправке заказных зарубежных писем в Брюссель, Лозанну и Варшаву по адресам, известным контрразведке как штаб-квартиры иностранных разведслужб, с почерком на бланке, в обязательном порядке заполняемом на почтамте при получении заказной корреспонденции, с почерком автора «Советов по раскрытию шпионажа» однозначно указало на его принадлежность полковнику Редлю. Узнав о случившемся, начальник Генерального штаба принял решение дело замять, а виновнику событий предложить смыть позор предательства, покончив жизнь самоубийством.

По его указанию в отель, где остановился Редль, была отправлена группа из четырех офицеров-переговорщиков. В полночь они поднялись в номер полковника. Он уже ждал их, заканчивая писать прощальные письма. Результат непродолжительных переговоров – суицид, совершенный в 1 час 30 минут ночи.

Специальной комиссией была обследована квартира Редля в Праге. Во время обыска изъято большое количество документов, свидетельствующих о длительном сотрудничестве полковника с военной разведкой России. Услуги агента очень хорошо оплачивались. Информация, предоставляемая агентом, была ценной, размер получаемого им денежного вознаграждения соответствовал качеству добытых и переданных разведке сведений. Среди прочих документов, переданных Редлем, имелись и мобилизационные планы австрийского командования для проведения военных операций против России и Сербии.

Редль владел роскошно обставленной квартирой. В ней описали 195 верхних рубашек, 10 военных шинелей на меху, 400 пар лайковых перчаток, 10 пар лакированных ботинок. В вин-

ном погребе обнаружили 160 дюжин бутылок шампанского самых престижных марок. Кроме того, было установлено, что в 1910 г. агент приобрел дорогое поместье, а в период с 1907 по 1913 г. – четыре авто и трех первоклассных рысаков. На деньги, полученные от русских, Редль «баловал» автомобилями не только себя, но своих любовников, а для наиболее любимого партнера – молодого офицера уланского полка – установил даже ежемесячное денежное содержание в 600 крон – сумма внушительная по тем временам.

Провал агента был закономерен: не скрываемые им расходы явно превосходили его доходы, потеря бдительности, притупление чувства опасности – все это составляющие, сопутствующие печальному завершению некогда успешно начавшегося тайного сотрудничества с разведкой. Так, на квартире у Редля хранились многочисленные неудачные снимки с секретных документов, фотоаппарат с отснятой, но непроявленной фотопленкой, на которой зафиксирована информация закрытого характера.

Кстати, вещи покойного были проданы с аукциона. Некий ученик реального училища приобрел себе упомянутый фотоаппарат. Контрразведке в голову не могло прийти, что там находится и пленка с отснятыми секретами. Каково же было удивление сотрудников спецслужбы, когда им принесли и выложили проявленное на стол!

В австрийском Генштабе в системе военной контрразведки работал еще один отдельный российский агент, которому был присвоен оперативный номер № 25. Это позволяло получать информацию из двух не связанных между собою источников, что повышало степень ее достоверности. До 1903 г. агент находился на руководстве у полковника Роопа В.Х., затем продолжил сотрудничество на материально-денежной основе с капитаном Самойло А.А. Полученные от него сведения обеспечивали деятельность штаба Киевского военного округа.

В ноябре 1908 г. генерал-квартирмейстер округа докладывает в ГУГШ: «За последний год от упоминаемого выше венского агента были приобретены следующие документы и сведения: новые данные о мобилизации австрийских укрепленных пунктов, некоторые подробные сведения об устройстве вооруженных сил Австро-Венгрии, сведения о прикомандированном к штабу Варшавского военного округа П. Григорьеве, предложившем в Вену и Берлин свои услуги в качестве шпиона, полное расписание австрийской армии на случай войны с Россией...»

В 1911 г. после более чем 7-летней заграничной командировки Самойло А.А. переводят для дальнейшего прохождения службы в Особое делопроизводство ГУГШ. Однако агент под № 25 так и остался у него на руководстве.

В 1913 г. от источника получены:

- планы боевого развертывания австрийских войск на случай войны с Россией и на Балканах;
- мобпланы укрепленных пунктов;
- инструкция об этапной службе;
- положение об охране железных дорог в особый период;
- штаты соединений и частей на военное время.

Последняя встреча с агентом состоялась в Берне в 1914 г. накануне войны...

Объект особого внимания – Российская империя

Как же обстояли дела с разведкой накануне Первой мировой войны и Октябрьской революции в России в ведущих странах Запада и Востока? Например, английская секретная служба, после своего расцвета во времена Даниеля Дефо, пережила упадок и приобрела более-менее весомые очертания и разветвленную структуру лишь в 1909 г. Являясь на протяжении трех последних столетий крупнейшей колониальной державой, Великобритания создала за это время одну из самых сильных и опытных спецслужб в мире. Примечательно, что в течение более чем трехсотлетней истории этой организации государство очень внимательно следило за соблюдением секретности в ее деятельности. Например, фамилия начальника секретной службы может быть обнародована не ранее чем через 20 лет после того, как он уйдет с этого поста. Всем известное название Интеллидженс сервис на самом деле является обобщающим, а как в действительности называется английская секретная служба, до сих пор доподлинно не известно практически никому.

При этом следует отметить, что до начала Первой мировой войны она оставалась все еще относительно небольшой организацией с профессиональными кадрами, но с бюджетом, не позволяющим иметь за рубежом ни одного резидента на постоянной основе. Из-за нехватки средств вплоть до 1914 г. эта служба использовала случайных агентов, чья деятельность оказалась абсолютно неэффективной.

Однако **во время Первой мировой войны английская разведка** добилась больших успехов и по праву **считалась самой эффективной в мире спецслужбой**. Ее положение значительно улучшилось к 1917 г. А к началу 1918 г. она имела сеть из более 400 бельгийских и французских агентов, регулярно сообщавших о передвижении немецких войск в оккупированной Бельгии и Северной Франции.

Рост антивоенных настроений в России в 1917 г. беспокоил Лондон. Желая по-прежнему гнать на убой русских солдат, английское правительство подготовило заговор, руководить которым должен был известный английский писатель и не менее известный разведчик Уильям Сомерсет Моэм. В автобиографии «Подводя итоги» и рассказах о разведчике Эшендене, в которых он описал собственную деятельность в годы Первой мировой войны, Моэм поведал о своем участии в организации во второй половине 1917 г. заговора с целью осуществления государственного переворота в России. Кроме Моэма в британской разведке подвизались Грэм Грин, Ян Флеминг и немало других видных авторов.

Возможно, что готовность писателей Альбиона превращаться в «штирлицев» объяснялась и романтическим ореолом, которым была всегда окружена разведка в этой стране. До сих пор Великобритания заметно опережает другие страны мира по тиражам «шпионских романов». Сам Моэм объяснял свое согласие сотрудничать с военной разведкой Великобритании так: «Работа привлекала меня благодаря моей любви к романтике и в то же время из-за тяги к абсурдным и смешным ситуациям». Судя по его автобиографии и его рассказам о разведывательной деятельности в России в 1917 г., писатель смог получить в избытке «романтику», а также немало «абсурдных и смешных ситуаций».

Говоря о своей поездке в Россию, которая началась в августе 1917 г. с прибытия во Владивостокский порт, Моэм писал: «Я направлялся как частный агент, которого при необходимости могли дезавуировать. Мои инструкции требовали, чтобы я вступил в контакт с силами, враждебными правительству, и подготовил план, который бы удержал Россию от выхода из войны». До конца жизни Моэм был уверен, что «существовала известная возможность успеха, если бы я был направлен на шесть месяцев раньше». По словам писателя, для реализации задания он имел «неограниченные денежные средства». Моэма сопровождали «четыре преданных чеха, которые должны были действовать в качестве офицеров связи между мною и профессо-

ром Масариком, имевшим под своим командованием что-то около шестидесяти тысяч своих соотечественников в различных частях России».

Руководство чехословацкого корпуса играло значительную роль в планах британской разведки, разработанных задолго до мая 1918 г. и даже до установления советской власти в октябре 1917 г. «Военно-полицейская» миссия, которую должен был выполнить чехословацкий корпус, означала не контроль за соблюдением порядка на улицах российских городов, а осуществление государственного переворота в интересах Великобритании.

Чехословацкий корпус был не единственной организованной силой, участвовавшей в исполнении замыслов Лондона. Моэм упоминает о своих постоянных контактах с вождем эсеровских террористов Борисом Савинковым. Беспощадный убийца произвел на Моэма неизгладимое впечатление – «один из самых поразительных людей, с которым я когда-либо встречался». Очевидно, что вместе с Савинковым в организации заговора участвовали правые эсеры – его единомышленники. Поскольку же Савинков стал в 1917 г. заместителем военного министра Временного правительства и комиссаром Юго-Западного фронта, он сблизился с Алексеевым, когда тот заменил Корнилова после его ареста на посту начальника Генерального штаба. Благодаря Савинкову Моэм смог привлечь к заговору и военных, которые затем возглавили Добровольческую армию.

Вполне возможно, что действия военных и политических организаций, если бы они выступили одновременно и согласованно, под единым командованием, могли бы изменить характер событий или, по меньшей мере, серьезно повлиять на их ход. Одной из причин провала заговора стала быстрая утрата управляемости в России в 1917 г., чему в немалой степени способствовала спесивая самонадеянность главы Временного правительства.

Когда Моэм прибыл из Владивостока в Петроград, обстановка в стране была критической. «Дела в России ухудшались, – писал Моэм. – Керенский, глава Временного правительства, был снедаем тщеславием и увольнял любого министра, который, как ему казалось, представлял угрозу для его положения. Он произносил бесконечные речи. Нехватка продовольствия становилась все более угрожающей, приближалась зима, и не было топлива. Керенский произносил речи. Находящиеся в подполье большевики активизировались, Ленин скрывался в Петрограде, говорили, что Керенский знает, где он находится, но он не осмеливался арестовать его. Он произносил речи».

Англия решила свергнуть тщеславного болтуна и установить в России «твердую власть», необходимую ей для продолжения войны против Германии. В осуществлении этого замысла Моэм был не простым исполнителем, а инициативным организатором и вдохновителем политического заговора. Лаконично характеризуя действия своего разведчика Эшендена – героя новелл, прототипом которых был сам Моэм, он писал: «Составлялись планы. Принимались меры. Эшенден спорил, убеждал, обещал. Он должен был преодолеть колебания одного и бороться с фатализмом другого. Он должен был определить, кто был решительным, а кто самонадеянным, кто был искренним, а кто слабовольным. Ему приходилось сдерживать раздражение во время русского многословия, он должен был быть терпеливым с людьми, которые хотели говорить обо всем, кроме самого дела; он должен был сочувственно выслушивать напыщенные и хвастливые речи. Он должен был остерегаться предательства. Он должен был потакать тщеславию дураков и уклоняться от алчности корыстолюбивых и тщеславных. Время поджимало».

К концу октября 1917 г. Моэм завершил свою работу по созданию мощной подпольной организации. Он отправил зашифрованный план государственного переворота в Лондон. Моэм утверждал, что «план был принят, и ему были обещаны все необходимые средства». Однако предприимчивый разведчик попал в цейтнот.

В значительной степени это было связано с тем, что **правлящие круги России проявляли патологическую неспособность к быстрым действиям даже во имя самосохранения**. Моэм писал: «Бесконечная болтовня там, где требовались действия, колебания, апа-

тия, когда апатия вела к разрушению, высокопарные декларации, неискренность и формальное отношение к делу, которые вызвали у меня отвращение к России и русским». «Отвращение» к власти имущим, перенесенное на страну и народ, помешало Моэму увидеть главные причины внутренней слабости верхов – их глубокий конфликт с народом, их неспособность выражать его интересы и действовать во имя народа.

Активности Моэма, беспощадности террориста и писателя Савинкова, деловой решимости руководителей чехословацкого корпуса и других участников заговора оказалось недостаточно. Им противостояла организованность большевистской партии во главе с В.И. Лениным. По свидетельству Моэма, в конце октября 1917 г. «слухи становились все более зловещими, но еще более устрашающие параметры приобрела реальная активность большевиков. Керенский носился взад и вперед, как перепуганная курица. И вот грянул гром. В ночь 7 ноября 1917 года большевики восстали... Министры Керенского были арестованы».

На другой же день после победы Октябрьской революции писателя предупредили, что большевики разыскивают тайного резидента Великобритании. (Еще 14 сентября 1917 г. И.В. Сталин в статье «Иностранцы и заговор Корнилова» обратил внимание на активное участие британских подданных в заговорщической деятельности на территории России.) Отослав шифрованную телеграмму, вождь заговора срочно покинул Россию. Великобритания направила специальный боевой крейсер, чтобы вывезти своего шпиона из Скандинавии.

Профессиональный разведчик многое скрыл в своих свидетельствах. А потому до сих пор не ясно, какую роль должны были сыграть Савинков и его люди, что надо было делать военным руководителям России, какую миссию обязан был выполнить чехословацкий корпус. Но прежде всего возникают вопросы: почему, если «время поджигало», британский разведчик в сопровождении четырех чехословаков из окружения Масарика прибыл в Петроград не через Северное море и Скандинавию (что заняло бы несколько дней), а решил сначала проехать по Атлантическому океану в США, затем пересечь Американский континент, Тихий океан, российский Дальний Восток, Сибирь, Урал и т. д. (на что ушло более месяца)? Почему, рискуя попасть в цейтнот (и в конечном счете попав в него), Моэм и его спутники избрали столь длинную дорогу в Россию?

Не лучше было положение с развитием разведслужбы и у других друзей России по коалиции.

Что касается Японии, то она являлась лидером по интенсивности и эффективности разведывательной деятельности среди стран Востока. Японский шпионаж берет свое начало около 1860 г. До этого Япония была закрытой страной для иностранцев.

Однако 8 июля 1853 г. в залив Эдо вошла мощная американская эскадра под командованием commodora Пери, передавшего местным властям письмо-ультиматум от тогдашнего президента США Филмора. В нем содержались требования о предоставлении Соединенным Штатам права на торговлю в Японии и портов для снабжения американских кораблей всем необходимым. Для устрашения японцев эскадра пробыла в заливе целую неделю. С тех пор Япония перестала быть закрытой страной. За короткое время американцы, англичане и французы настояли на заключении с ней многочисленных договоров.

Для отстаивания своих интересов японское правительство посылало бесчисленное множество дипломатических, торговых, военных и военно-морских миссий для сбора ценной информации в Европе и Америке. Своих людей Страна восходящего солнца командировала под видом учащихся, и перед ними открывались двери крупных промышленных предприятий, арсеналов Старого и Нового Света. В действительности это были хорошо обученные инженеры, которые добывали промышленные и военно-технические секреты Запада. Шпионажем занимались также различные японские делегации, туристы.

Необходимо отметить, что шпионаж являлся второй натурой японцев: на протяжении поколений в Японии сложилась устойчивая и эффективная система массового шпионажа,

когда сосед контролирует соседа. Со времен сегуната в стране широко использовались сыщики, добровольные и завербованные осведомители. Это обстоятельство развило в японской нации склонность к шпионажу, которая настолько укоренилась, что японцы занимались им всюду, где представлялся удобный случай, особенно в заграничных поездках. Собранные сведения тщательно записывались в дорожные дневники, которые после становились достоянием разведцентров.

Самыми способными из японских шпионов-любителей являлись эмигранты, которые, чтобы добиться доверия, не прочь покритиковать свою страну в присутствии иностранцев, если считали, что таким путем могут получить информацию. На самом же деле число японцев, которые действительно думали плохо о своей родине, было очень мизерным.

Если в разведывательных службах различных стран мира в конце XIX – начале XX в. сложилась порочная традиция отказываться от своего провалившегося агента, японцы никогда не придерживались такой практики: их дипломатические и консульские представители непременно становились на защиту агентов-неудачников, работавших на их государство. Вслед за арестом шпиона неизбежно следовали негодующие протесты и всегда немедленно давалось поручительство, хотя подобные действия равноценны признанию соучастия в деятельности агентуры.

Донесения от агентов передавались в Центральный разведывательный орган в Токио через:

- консульства и посольства (информация из консульств переправлялась курьерами в посольства, из посольств она поступала в Центр по каналам дипломатической почты);
- специальных агентов-курьеров, совершавших поездки под видом людей, занимающихся различного рода инспекциями;
- капитанов японских торговых и пассажирских судов, которым донесения вручались в последние минуты перед отплытием в Японию.

Японский агент имел преимущества перед коллегами большинства других стран Запада: немногим иностранцам удавалось досконально изучить трудный японский язык. Это обстоятельство исключало подслушивание. Сложная письменность давала японскому агенту возможность делать записи, не прибегая к кодам.

Агентурная информация добывалась и использовалась разведывательными органами армии, военно-морского флота и министерства иностранных дел.

Целесообразно также особо отметить деятельность японских патриотических обществ. Это были шовинистические секретные организации, члены которых фанатично верили в божественную миссию Японии – стать правителем мира. Указанные структуры являлись основной движущей силой агрессивности страны и оказывали на японскую внешнюю политику такое же сильное влияние, как и политические деятели. Все они делали особый упор на патриотизм, который основывался на синтоистской идее богоизбранности японцев. Их объединяла одна общая цель: установление японского контроля над Азией, а впоследствии и над всем миром. Они добивались распространения своего образа жизни, культуры, экономики и административного управления на всех тех «несчастных», которые не происходили от прапраправнука богини солнца и его свиты, согласно синтоистским верованиям.

Агентуру патриотических обществ представляли граждане из различных социальных слоев. Каждый агент в них отбирался строго индивидуально, а подавляющее число источников работало с почти невероятной, с точки зрения человека Запада, преданностью и самоотверженностью. Если такой преданности не было, то, независимо от наличия у кандидатов других качеств и положительных сторон, его отвергали. Агентам не обещали никаких наград, да и они не рассчитывали на них сами. Руководители патриотических обществ нередко заявляли, что их организации богаты биографиями «маленьких людей», делающих большие дела.

Члены обществ, отобранные для наиболее важной работы, обучались языкам и подрывной деятельности. Агенты – источники набирались из лавочников, туристов, продавцов литературы, порнографических открыток и медикаментов, инструкторов по спорту, рыбаков, бизнесменов, студентов, изучающих историю и иностранные языки, ученых, священников, археологов и т. д. На азиатских просторах нередко основу агентуры составляли выходцы из подонков общества: хорошо вооруженные головорезы, профессиональные убийцы, шантажисты, всякого рода авантюристы и проходимцы. Хотя эти агенты были тщеславными и наглыми, они в то же время отличались смелостью. Их предназначение – провоцирование уличных скандалов, драк и других инцидентов, нежелательных для той страны, где эти беспорядки происходили. Подобные «перлы» имелись и про запас, чтобы в будущем использовать их в качестве предлога для начала военных действий.

В Японии царили старинные военные традиции, в обществе невозможно было провести ясную линию разграничения между военными и гражданскими лицами. Точно так же не всегда можно было разграничить деятельность и функции патриотических обществ от действий и функций военной разведки. Многие бывшие военнослужащие становились членами указанных организаций, а те, в свою очередь, отдали военной разведке немало своих лучших агентов. В конечном итоге в Японии сложилась система «тотального шпионажа». Японцы позаимствовали ее у немцев, взяв за основу принципы деятельности тайной службы Бисмарка.

Патриотические общества сыграли не последнюю роль в подготовке первого большого успеха Японии в поединке с Россией, развязав против нее в начале XX в. широкомасштабную тайную войну – предшественницу открытого вооруженного противостояния стран и народов.

9 февраля 1904 г. японский флот открыл огонь по русской базе Порт-Артур. Куда бы ни перемещались поля сражений, вместе с японскими войсками меняли места своего пребывания резидентуры разведки и отдельные агенты. Агентура знала обходные пути и не указанные на картах дороги и тропы, форты и склады, психологию местного населения. Сотрудники японской военной разведки носили униформу, служили переводчиками, располагая агентурными данными, выполняли в войсках функции проводников.

К началу войны японским военным командованием создаются специальные группы, которые должны были двигаться впереди войск и собирать необходимую информацию, кадровыми сотрудниками агентурной разведки была разработана эффективная система передачи полученных от агентуры сведений заинтересованным в них штабам.

На всех участках фронта функционировали агентурные разведывательные органы, руководившие шпионской деятельностью в своих секторах, анализирувавшие поступающую информацию, которая докладывалась в Генеральный штаб.

Непосредственно в расположении русских войск имелись руководимые опытными агентами тайные бюро, подчиненные оперативной агентурной разведке (в нынешней терминологии). Эти подразделения насаждали свои источники не только в районах их сосредоточения, но и в их ближайшем тылу.

Каждый засланный в расположение русских агент имел 3–4 курьеров, с которыми он отправлял в соответствующее бюро добытую им информацию. Так как глубина расположения российских войск обычно не превышала 50–60 км, то шпион с помощью трех курьеров был в состоянии выполнить каждое новое задание в течение 3–4 дней и мог обеспечить почти непрерывный поток разведывательной информации.

Курьерами, переносившими разведывательные сведения через русские линии, были китайские лоточники и бедные кули, используемые втемную. Они действительно не понимали, что делают, и знали лишь, что должны добраться до определенных японских офицеров в расположении японских войск, при этом не попасться русским и не потерять клочок рисовой бумаги, на котором были написаны странные знаки. Вот и все. За каждое доставленное доне-

сение они получали весьма значительное вознаграждение, но считали, что риск, который они брали на себя, вполне оправдывается данной суммой.

Японская система разведки того времени обладала необыкновенной гибкостью. Командирам на местах разрешалось проявлять инициативу в добывании сведений, необходимых для осуществления их собственных планов. Низовые руководители нередко создавали свои шпионские группы, чтобы установить, каковы намерения противостоящего русского офицера.

Японцы создавали также независимые друг от друга агентурные группы, состоящие из 3–4 человек и действовавшие с центральной базы. Им поручалась одна конкретная задача, например разведать определенный участок расположения русской армии, осуществить контроль за передвижением войск и т. п.

Эти группы обеспечивались материальными средствами, достаточными для открытия какого-нибудь заведения, куда люди охотно бы шли и где можно было свободно поговорить обо всем. Чаще такую роль выполняла булочная. Российские армейские нормы всегда страдали недостаточностью, а хлеб, основной продукт питания, стоил дешево, и солдаты всех родов войск частенько наведывались в булочную. Подготовленный агент из их разговоров, а также из ответов на свои осторожные вопросы мог почерпнуть очень ценные сведения.

Не следует, однако, думать, что русские не противодействовали активной шпионской деятельности японцев. Войсковые командиры у себя в частях организовывали внештатную контрразведывательную службу, и та оказалась настолько эффективной, что заставила неприятеля разработать новые способы передачи информации и хранения курьерами донесений. Те прятали донесения в косы, в подошвы ботинок или зашивали в швы одежды. Данные способы получили такую известность, что в настоящее время они в агентурной деятельности почти не применяются. Японцы заставляли курьеров наиболее ценную информацию заучивать наизусть с тем, чтобы в последующем они устно докладывали ее офицерам разведки. В связи с этим появилась необходимость в качестве данной категории агентуры использовать более развитых агентов.

Самым удивительным нововведением было отношение японцев к шпионам и шпионажу. Ведь на Западе вплоть до Первой мировой войны так называемые «приличные люди» относились к ним и самому такому специфическому виду их деятельности с презрением. Японцы же с момента зарождения в стране шпионажа включили его в бусидо – строгий кодекс морали и поведения самураев. Они провозгласили, что если тайная деятельность осуществляется в интересах родины, то она является почетным и благородным делом. А смелость и отвага, проявленные агентами на этом поприще, больше всего должны цениться настоящими самураями.

Отношение японцев к шпионажу находилось в полном соответствии с их культом служения родине и идеалам патриотизма. Эти идеалы воодушевляли тех, кто в минуты душевной слабости колебался принять на себя риск, вытекающий из тайной деятельности. Бусидо делал японских шпионов вдвойне опасными.

Примечательно, что этот кодекс распространялся и на врагов Японии. Так, молодой русский солдат, переодетый китайцем, был пойман, уличен в шпионаже и казнен. На японцев произвела сильное впечатление его храбрость и беспредельная преданность своей Родине. После казни они послали в русский штаб письмо, в котором высоко оценили поведение солдата.

Необходимо отметить, что в таком же духе поступали и российские военные. Русский патруль на Китайско-Восточной железной дороге захватил двух японских офицеров, переодетых в маньчжурскую национальную одежду, в момент, когда они пытались взорвать железнодорожное полотно. Военно-полевой суд в Харбине приговорил их к повешению. Однако российский главнокомандующий генерал Куропаткин, узнав, что они офицеры, заменил такой унижительный для офицерства способ казни расстрелом.

Во время Первой мировой войны японцы ввели в тайную деятельность некоторые новшества, с успехом применявшиеся позже. **Они были первыми, кто организовал исполь-**

зование диверсантов в тылу противника. Небольшие группы из двух или трех агентов, хорошо обученных обращению со взрывчатыми веществами, посылались для взрыва участков железных дорог, электростанций и других сооружений военного значения.

В военное время японский шпионаж был эффективным не только на поле боя, но и в других своих проявлениях. Из войны военная разведка Японии вышла умудренной опытом и окрепшей. Мирное время использовалось ею для подготовки к новым сражениям за мировое господство.

В муках рожденная...

Февральская 1917 г. (8–12 марта по новому стилю) революция в России, неграмотной на 70%, 80% населения которой составляло наполовину спившееся крестьянство и где проживал тогда каждый седьмой обитатель планеты (сейчас – каждый 74-й), застала большинство революционеров, принадлежащих к различным политическим течениям, врасплох. За полтора месяца до этих событий сорокашестилетний Ленин, находившийся в эмиграции в Швейцарии, делился пессимистическими откровениями со своими соратниками: «Мы, старики, вряд ли доживем до решающего сражения приближающейся революции». Царская охранка, прогнозируя ход событий в Петрограде (Санкт-Петербург был переименован в Петроград 18 (по новому стилю 31) августа 1914 г.), отмечала, что, если переворот и состоится, он будет носить стихийный характер, подобно голодному бунту. Прежде всего недовольство существующим экономическим положением аккумулировалось в среде многодетных матерей, уставших от бесконечного стояния в огромных очередях и беспокойства за своих больных и полуголодных детей...

А недовольных в России было много: правящий класс вел политику насилия по отношению к собственному народу не год, не десять, а добрых четыреста лет! В стране стало устоявшейся нормой положение, когда имущее меньшинство с вальняжной и необузданной наглостью не признавало прав неимущего большинства.

Маркс называл революции локомотивами истории. Теоретики марксизма образно сравнивали их с понесшими лошадьми, вырвавшимися из-под контроля и несущими человечество вперед с бешеной скоростью. Однако они не считали их оптимальным способом преодоления исторического пространства. По Марксу, революционные преобразования всегда подстегивают объективные предпосылки. Если не ошибаюсь, Сильвен Марешаль по этому поводу предлагал чувствительным людям, проливающим потоки слез над ужасами революции, пролить хотя бы несколько слезинок над ужасами, их породившими. Ведь массы выходят на улицы и идут навстречу опасностям тогда, когда не обеспечиваются или попираются какие-то **ОЧЕНЬ** существенные, абсолютно неотъемлемые их права, и прежде всего – право на жизнь.

Как уже отмечалось мною выше, прелюдией революции в России стала всеобщая забастовка 6 марта (по новому стилю), а искрой, инициировавшей ее пламя, – демонстрация женщин, состоявшаяся 8 марта 1917 г. Народные массы выражали свое недовольство тяжелым экономическим положением страны, продолжением войны. Из представителей национальных окраин империи в Петрограде наиболее активно поддерживали бастующих в их революционных устремлениях украинцы Волыни, лелеявшие мысль о свершении и у себя национальной революции для построения справедливого общества для всех в рамках своего государства. Решающую роль в развитии событий сыграл Петроградский гарнизон. Армия выступила на стороне революции, подняв 12 марта мятеж.

Формально Дума, ссылаясь на указ императора, объявила о собственном роспуске. Но, прекратив свою депутатскую деятельность, ведущие политические партии парламента собрались на неформальное заседание, в ходе которого избрали **Временный комитет**.

По замыслу, новому политическому органу предстояло сформировать **переходное (временное) правительство**, которому полагалось до созыва **Учредительного собрания** выполнять функцию исполнительной власти. По мнению либералов, именно новое Учредительное собрание должно было решить судьбу дальнейшего политического устройства страны.

Одновременно с либералами левые радикалы в том же Таврическом дворце провели собственное заседание и сформировали **Временный исполком Петроградского Совета рабочих депутатов**.

Вечером того же дня прошло первое заседание рабочих депутатов, в ходе которого был образован **первый Совет рабочих депутатов** во главе с председателем – лидером меньшевиков Ч.В. Чхеидзе. В него вошли представители большевиков, меньшевиков, эсеров, рабочих профсоюзов, рабочие, солдаты. Совет рабочих депутатов принял решение Временного комитета сформировать переходное правительство, но своих кандидатов предлагать не стал.

Пока Временный комитет договаривался с генералитетом о признании армией нового правительства, занимался вопросами отречения императора, Совет рабочих депутатов (к тому моменту переименованный в **Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов**) начал формирование **солдатских комитетов**, фактически, таким образом, переподчиняя себе весь столичный гарнизон, то есть лишая будущее **Временное правительство** реальной власти.

В итоге пятнадцатого числа царь Николай II отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила, который предпочел не брать на себя ответственность за судьбу страны без одобрения Учредительного собрания. Поэтому шестнадцатого марта последний, в свою очередь, тоже отказался от короны, положив тем самым конец трехсотлетию правлению династии Романовых.

Таким образом, на начало марта 1917 г. вопрос о дальнейшем политическом устройстве страны оставался открытым. Власть в стране теоретически перешла в руки Временного правительства, состоявшего преимущественно из либералов, нашедших точки соприкосновения для довольно-таки мирного сосуществования с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Однако фактически **в государстве существовало двоевластие**, вследствие которого обстановка в нем продолжала оставаться крайне неустойчивой.

Первый правительственный кризис разразился в апреле 1917 г. и был вызван намерением правительства продолжать войну против Германии. На правительственную ноту жители столицы ответили многотысячной демонстрацией, что вызвало отставку министра иностранных дел и ряда военных министров.

В результате кризиса создается новое коалиционное правительство, в которое вошли представители социалистических партий. Это была первая попытка устранения двоевластия. Поддержанное решением Первого съезда Советов Временное правительство начало осуществлять новое наступление российской армии, закончившееся провалом и гибелью 60 тысяч российских солдат. Поражение на фронте, ухудшающееся экономическое положение в столице вызвали новую волну общественного возмущения, умело подогреваемого лозунгами радикальных большевиков, призывавших к свержению Временного правительства и передаче всей полноты власти Советам.

Вследствие нового политического кризиса власти формируется третье правительство, видевшее выход из кризиса в принятии решительных мер по борьбе с возрастающим революционным движением, а именно в:

- вооруженном подавлении демонстраций;
- запрещении радикальных печатных органов;
- аресте лидеров большевиков;
- возрождении военно-полевых судов.

В ответ на решение правительства большевики на очередном съезде в целях самовыживания приняли **решение о вооруженном восстании с целью захвата политической власти**.

Вернувшись в Петроград через два месяца после буржуазного переворота, свергнувшего царизм, Ленин еще тогда со своими сторонниками ускоренными темпами принялся готовить условия для захвата власти в свои руки и воспламенения по российскому образцу мирового революционного пожара. Интеллектуальная элита страны активно им оппонировала. Россий-

ский академик Юрий Готье утверждал, что из этой затеи ничего не выйдет, так как русский народ способен лишь на то, чтобы быть навозом для более культурных наций.

Узнав о Февральской революции, спешит на пароходе на родину и уроженец Украины Лев Троцкий (Лейба Бронштейн), но английские власти снимают его с рейса, считая эту личность угрозой стабильности в России. Однако Временное правительство так не думало и дало добро отпустить задержанного. Впоследствии того нарекли «Львом российской революции».

Тем временем реальная угроза голода вынудила правительство ввести карточную систему на основные продовольственные товары. Ситуация обострялась массовой безработицей и галопирующей инфляцией. В ответ на бессильные попытки правительства стабилизировать ситуацию рабочие организовали **фабричные комитеты**, контролировавшие все важные моменты производственного процесса, от найма новых рабочих до распределения готовой продукции. В сельской местности нерешенный аграрный вопрос привел к стихийному самозахвату земель разоренным крестьянством, поджогам помещичьих усадеб, выжиганию поместий. Все это вместе взятое многократно усугубляло кризис в стране.

Кроме того, попытка государственного переворота и установления военной диктатуры в лице генерала Л.Г. Корнилова, предпринятая партией кадетов, привела к полной дискредитации власти в глазах народа. Любые ухудшения в социальной сфере способствовали росту авторитета большевиков в Советах и укреплению их влияния в сознании народных масс.

Летом 1917 г., в связи с уходом Ленина в подполье (после расстрела Временным правительством мирной июльской демонстрации в Петрограде и начавшихся гонений на большевиков), партию практически возглавляет Сталин, а накануне Октябрьской революции он же руководит партийным центром по вооруженному восстанию – Революционным военным советом Петрограда, то есть является, по сути, техническим руководителем процесса подготовки Октябрьского переворота. Однако в партийной иерархии Ленин считался наиболее решительным и последовательным, наиболее подготовленным к обеспечению успеха социалистической революции. Поэтому он поздно вечером 24 октября (6 ноября по новому стилю) 1917 г. покидает очередную конспиративную квартиру и прибывает в Смольный, где принимает руководство восстанием непосредственно в свои руки.

Взяв в октябре 1917 г. власть в России, большевики, придерживаясь своих программных установок, объявили своей целью построение в стране в ближайшей перспективе общества справедливости, равенства и братства – коммунизма. Предполагалось, что коммунистический рай будет создан путем опускания богатого меньшинства до уровня бедного большинства. После усреднения таким образом жизненных стандартов планировалось начать их постепенное повышение для всех. Силовое противодействие имущих, несогласных с таким подходом, должно жестоко подавляться специально созданными большинством органами.

При этом движущей силой исторических преобразований должен был стать новый человек, вооруженный идеологией марксизма. Не желавших «вооружаться» предполагалось не столько наказывать, сколько воспитывать принудительным трудом на благо общества в сельскохозяйственных трудовых колониях. После революции контроль за местами лишения свободы был возложен на местные Советы. Советы создавали комиссии, которые принимали решение: держать того или иного заключенного за решеткой или его освободить.

Однако в стране было достаточно много людей, реально выступавших против власти большевиков и не боявшихся труда и репрессий. Большинство таких политических противников они в последующем отправляли в ссылку на 2–3 года. Потом давали тот же срок, но уже в лагере на Соловках или в политизоляторе. Затем к политизолатору добавляли ссылку и запрещали жить в крупных городах (запрет называли «минус»). В общем, был создан своего рода конвейер лагерь-ссылка-«минус». Как только политзаключенные освобождались, их тут же опять брали, создавали новое дело и вновь отправляли в лагерь. Много позже об этом

времени известный советский поэт, композитор и певец Владимир Высоцкий споет в своих песнях:

Переворот в мозгах из края в край,
В пространстве – масса трещин и смещений;
В Аду решили черти строить рай
Для собственных грядущих поколений...

* * *

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце – подавно.
И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так!
Все не так, ребята...

Во внешней политике большевики не собирались останавливаться на достигнутом, считая российскую революцию прелюдией к революции европейской, а затем и мировой. Они искренне верили, что положили начало международному революционному движению, которое придет на помощь русской революции и в конечном итоге победит капитализм во всем мире, наивно надеялись, что в новом международном порядке не будет места ни внешней разведке, ни дипломатии.

Еще в период февральских революционных потрясений рухнула прежняя система внутренней и внешней безопасности Российской империи. Первый удар по ней был нанесен Временным правительством, лидеры которого разогнали Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов, к последующим приложили свою руку большевики.

После Октябрьской революции большевики в соответствии со своими теоретическими воззрениями должны были полностью разрушить государственную систему Российской империи, армию и ее военно-управленческий аппарат, как оплот старого режима. Они опирались на тезис К. Маркса о замене регулярной армии всеобщим вооружением трудящегося народа. М.В. Фрунзе писал: «Эта армия подлежала немедленной ликвидации. Это решение, по настоянию товарища Ленина, и принимается партией». Новая власть установила жесткий контроль над всеми звеньями военного управления, заменяя прежних командиров своими ставленниками и, наконец, ломала устоявшийся и сложившийся аппарат. Такому алгоритму действий подверглись разведка и контрразведка.

Сначала Ленин и его соратники шли на поводу у населения России, уставшего от кровопролитной войны. Но в то же время они понимали, что для удержания власти им необходимо сохранить в своих руках многие рычаги управления страной и особенно вооруженными силами...

Большевики, до этого приложившие массу усилий для разрушения царской армии, реализуя планы реорганизации ее старых руководящих органов, решили все же сохранить в составе Наркомата по военным делам – преемника бывшего Военного министерства – центральный орган военной разведки и контрразведки. Уберег военную разведку от угрозы исчез-

новения Лев Троцкий – один из ближайших соратников Ленина. Это тот самый Троцкий, который по случаю своего назначения на пост народного комиссара иностранных дел заявил: «Я выпущу несколько революционных прокламаций к народам мира, а потом закрою эту лавочку».

Однако жизнь в эти намерения внесла существенные коррективы. Консультации Троцкого с представителями бывших союзников царской России, особенно после подписания 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора с Германией, убедили того не торопиться, а взвешенно подойти к сохранению и развитию дипломатической службы, военной разведки для отслеживания ситуации в мире и на линии размежевания с немцами. Решение это было тем более оправданным в связи с развернувшейся с начала 1918 г. полномасштабной Гражданской войной, для ведения которой новой власти потребовались не только регулярная армия и органы управления ею, но и структуры, обеспечивающие ее деятельность. Параллельно велась работа и по подготовке к совершению мировой пролетарской революции, всесторонней поддержке революционных выступлений народных масс в других странах.

Проводя реорганизацию военно-управленческого аппарата, большевики некоторое время не трогали военную разведку. Сотрудники ГУГШ были поставлены перед выбором: бастовать по примеру служащих других учреждений или продолжать работать, сохранив военный аппарат. Общее собрание служащих ГУГШ, большинство из которых составляли проэсеровски настроенные писари, постановили: «работу продолжать и всем начальникам оставаться на местах».

Однако не все начальники этого хотели. Возглавлявший ГУГШ генерал В.В. Марушевский служить новой власти отказался. Тогда во главе Главного управления Генштаба стал помощник его начальника генерал-квартирмейстер Николай Михайлович Потапов (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.) – профессионал царской разведки, раньше других осознавший неизбежность прихода к власти большевиков и тайно сотрудничавший с Военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) с июня 1917 г. Вовлек генерала в революционную деятельность М.С. Кедров – видный функционер партии большевиков, знавший Потапова еще с юношеских лет, в будущем первый начальник Особого отдела ВЧК.

Среди представителей русского генералитета, связанных с работой разведки и контрразведки и принявших советскую власть с первых дней ее существования, кроме Н.М. Потапова, были М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Самойло, А.А. Игнатьев, П.П. Лебедев, А.А. Поливанов, Ф.В. Костяев, С.И. Одинцов, Ф.Е. Огородников, А.А. Балтийский, В.Н. Егорьев, А.Е. Снесарев, В.Ф. Новицкий, Н.Г. Корсун, Е.А. Искрицкий, Н.А. Сулейман, Е.А. Бернс, Ф.А. Подгурский и др. Всего на сторону советской власти перешли около 50% специалистов разведывательного дела. Остальные – служили у белых.

Накануне революции должность начальника Отдела генерал-квартирмейстера, непосредственно возглавлявшего разведку, занимал Петр Федорович Рябиков – подчиненный Н.М. Потапова. После октябрьских событий он так и остался на этом посту.

В то время сбор разведывательных сведений за рубежом возлагался на военных агентов (дипломатических представителей) России. Они осуществляли свою деятельность как по официальным каналам в сочетании с изучением военной и гражданской прессы, так и путем привлечения тайных агентов. Тайная агентура работала как самостоятельно, так и в составе агентурных сетей, подчиненных резидентам военной разведки в определенных странах.

Первым делом П.Ф. Рябиков отправил телеграммы всем военным атташе с призывом продолжить работу в обычном порядке. Большинство поступивших ответов, в том числе из Швеции, Дании, Англии, Италии и Японии, были отрицательными – те не желали сотрудничать с советской властью. Потапов и Рябиков скрыли реальное состояние дел от комиссара и продолжали руководить заграничным аппаратом, как будто таких отказов и не было, делая, однако, основной акцент на ту его часть, что выразила готовность к продолжению своей деятельности.

Одновременно велась целенаправленная работа по переубеждению тех, кто не воспринял революционные реалии. В обычном порядке продолжалось и финансирование. «Отказники» тоже не прекращали работу: «Раз большевики платят, значит, верят в соблюдение ими норм воинской этики и чести, в их преданность Отечеству». Таким образом, были сохранены подготовленные офицерские кадры, от резидентур из-за рубежа, хотя и не в прежних объемах, непрерывно поступала разведывательная информация. Рябиков по этому поводу в своих мемуарах писал: «Раз заведенная машина продолжала катиться, но, правда, с уже меньшей скоростью».

Если большинство военных агентов (атташе) отказались признать новую власть, то ряд тайных агентов (офицеров, работающих под «крышевым» прикрытием с нелегальных позиций) российской военной разведки и после октября продолжали поставлять информацию большевистским властям. Таким образом, «запаздывание» новой власти в наведении революционного порядка в разведке в соответствии со своими представлениями о ней сохранило значительное число нелегальных резидентур военного ведомства.

Однако один из подчиненных полковника Юдина – начальника шифровального отдела выкрал телеграммы военных атташе и передал их большевикам. Такие деяния в системе разведки и контрразведки того времени были большой редкостью, но случались. Если в армейской среде их творцов-исполнителей называли «стукачами», то внутри военной спецслужбы более иронично – «доброжелателями», а на письме слово обязательно выделялось кавычками. Немного позже, в масштабе всей страны, они образовали многомиллионную касту секретных сотрудников, так называемых «сексотов», – составной части карательно-репрессивного аппарата Советского государства, деятельность которой под лозунгами борьбы за достижение высоких коммунистических идеалов в реальной действительности в большинстве случаев сводилась к целям более низменным: к коллекционированию сплетен, клевете на окружающих их близких людей, устранению неудобных со своего пути и т. д. В данном случае срабатывала аксиома, которую доводили слушателям специальных учебных заведений. Суть ее сводится к тому, что человек отличается от животных одним самым отвратительным качеством – способностью предавать собратьев: даже представить невозможно, что во время облавы волк может переметнуться на сторону своры псов и начать грызть кого-то из своей же стаи. А человек, хотя и не всякий, может. Кто делает это из зависти, кто – из идейных побуждений, а кто-то из желания заработать... Такая «традиция» разборок с ближними известна еще с библейских времен: апостол Иуда после продолжительного торга предал Иисуса за 30 сребреников – в то время на эти деньги можно было купить небольшой участок земли даже в окрестностях Иерусалима, брат Иуда «сдал» Иосифа всего за двадцать... Любимый ученик Христа Петр трижды отрекся от Спасителя, как только возникла малейшая угроза лично его жизни...

Примечательно, что на входной двери Отдела генерал-квартирмейстера длительное время красовалась искусно оформленная табличка с «доработанным» чеховским изречением «Пишем все, кроме стихов и доносов!», которое стало общепринятым девизом взаимоотношений в коллективе. Среди сотрудников уважением пользовалось правило: «Если ты когда-либо кого-то предал, помни, что рано или поздно в виде Божьей кары обязательно наступит момент, когда тебе не то что руку помощи никто не подаст, но и спрячет ее из чувства отвращения и брезгливости». Оно стало этической нормой, линией поведения для личного состава ведомства. Поэтому в среде военных разведчиков и контрразведчиков работа строилась исключительно на доверии, открытости и добропорядочности, в коллективе отсутствовала благодатная почва для возникновения интриг и склок, которые процветали в других структурах штаба.

В связи с тем что весь личный состав отдела был верующим, а также в соответствии со сложившимися в подразделении традициями среду на Страстной неделе все почитали с особым чувством – считается, что именно в эту среду Иуда почти две тысячи лет назад корыстно предавал Христа. Таким образом, данный день стал у военных «рыцарей плаща и кинжала» традиционным праздником – днем осуждения предательства, игравшим важную роль не только

в сплочении сотрудников, но и в их морально-психологическом воспитании на христианских ценностях.

В результате по данному факту комиссаром Михайловым было проведено служебное расследование, по материалам которого на правительственном уровне принимается решение об отзыве военных атташе из ряда стран. Большевики намеревались назначить на эти должности людей из числа «пламенных революционеров». Генералу Потапову удалось навязать им свою точку зрения. В результате в заграничные командировки убыли кадровые сотрудники ГУГШ. После прекращения финансирования заграничного аппарата военной разведки все они пополнили списки «невозвращенцев» в объятую революционным пожаром Россию...

Коллапс всей системы стратегической агентурной разведки за границей связан с прекращением ее финансирования в конце декабря 1917 г. Зарубежная агентурная сеть начала разваливаться, негласные агенты стали разрывать свое сотрудничество с военной разведкой России и (преимущественно по материальным соображениям) переходить на службу к бывшим союзникам рухнувшей империи. В то же время следует отметить, что остатки стратегической агентурной разведки продолжали свою деятельность за рубежом вплоть до февраля 1918 г. (Берн – руководитель генерал-майор Головань, Париж – полковник граф П.А. Игнатъев, позже Стокгольм). А полковник граф Павел Алексеевич Игнатъев (с января 1917 г. по январь 1918 г. – руководитель Русской секции Межсоюзнического бюро (МСБ) при военном министерстве Франции, которая ликвидирована французскими властями в январе 1918 г.; автор вышедших в 1933 г. в Париже мемуаров, русский перевод которых издан в 1999 г. в Москве под названием «Моя миссия в Париже»; родной брат Алексея Алексеевича Игнатъева – бывшего военного атташе России в Париже, Генерального штаба полковника царской армии, генерала Временного правительства, а в последующем – генерал-лейтенанта РККА, автора воспоминаний «50 лет в строю»), как стало известно, даже несмотря на отсутствие финансирования, и после февраля 1918 г. продолжал небезуспешно заниматься созданием и содержанием на свои личные средства агентурной сети в пользу Отечества, в надежде, что она окажется когда-нибудь востребованной.

Разведывательные сводки от союзников – французской военной миссии в Москве – поступали до конца июля 1918 г., затем по инициативе советской стороны общение с бывшими коллегами прекратилось.

Не лучше обстояли дела и в оперативной агентурной разведке. Агентурные подразделения фронтов и армий разваливались на глазах. Этому процессу способствовала начавшаяся стихийная демобилизация вооруженных сил и дезорганизация на всех уровнях деятельности полевых штабов. Военные разведчики, в числе других представителей командного состава, увольнялись со службы. Из воспоминаний выпускника Академии Генерального штаба (АГШ), штабс-капитана, начальника штаба дивизии Василия Михайловича Цейтлина – в 1918–1919 гг. руководителя Разведотдела штаба Московского военного округа, консультанта Региступра РВСР, преподавателя Курсов разведки и военного контроля Военной академии РККА: «После октябрьского переворота деятельность штабов вообще замерла, в том числе и разведывательная служба. После подписания Брестского мира, благодаря ликвидации всех штабов, разведывательная служба прекратилась совершенно, и хотя всевозможные партизанские отряды и вели разведку, но ее никто не объединял и сведения пропадали...»

Военной контрразведке «повезло» меньше. Большевики подозревали ее в преследовании своих лидеров летом 1917 г., обвиняя тех в сотрудничестве со спецслужбами Германии. Поэтому они сократили численность контрразведывательных отделений (КРО), ограничили их финансирование, за короткий срок провели кадровую чистку, избавляясь от не вызывавших у них доверие сотрудников.

Итак, по порядку...

Октябрь 1917 года

В ночь с 24 на 25 октября (с 6 на 7 ноября) 1917 г. в России произошла очередная революция. Большевикам удалось захватить стратегически важные объекты столицы.

Утром 25 октября созданный большевиками **военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов** объявил о переходе всей власти к Советам. В этот же день съезд Советов принял декреты, касающиеся двух главных национальных вопросов страны – земли и мира, первый из которых провозглашал **отмену частной собственности на землю**, второй – немедленное начало переговоров **о мире со всеми воюющими странами**.

На съезде также решались важные вопросы **об учреждении** органов власти на местах – **местных Советов**, на которые возлагалась ответственность за обеспечение революционного порядка в стране. Кроме того, рассмотрены проблемы формирования нового правительства во главе с Владимиром Ильичом Ульяновым (Лениным), получившего название **Временного Совета народных комиссаров**.

Не все социалистические партии, в том числе меньшевики и правые эсеры, считали Октябрьский переворот легитимным. Представители этой части революционеров по-прежнему настаивали на созыве Учредительного собрания, которое и должно было сформировать однородное социалистическое правительство.

В то же время часть левых эсеров приняло предложение большевиков и вошла в состав Временного Совнаркома, а в последующем – и ВЧК. Таким образом левому крылу социалистов удалось добиться консолидации своих сил и составить политическую группировку с общими целями и задачами, единой линией поведения.

26 октября (8 ноября) 1917 г. под руководством В.А. Антонова-Овсеенко, Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко создается Комитет по военным и морским делам. Ведомство заменило старое Военное министерство. Основное его предназначение – формирование вооруженных отрядов и руководство ими.

27 октября (9 ноября) комитет расширен до 9 человек и преобразован в Совет народных комиссаров по военным и морским делам.

Взяв власть, большевики оказались в одной лодке – поражение всем грозило смертью. Тем не менее даже по этому соображению они к концу октября разделились на два идейных направления.

Первое возглавлял Лев Давидович Троцкий, примкнувший к большевикам в 1917 г., накануне взятия ими власти. Это был правоверный марксист, свято убежденный, что в одной стране, согласно «теории Маркса», социализм построить невозможно. Поэтому он Россию рассматривал как «вязанку хвороста» в огне мирового революционного пожара. Сколько при этом погибнет русских, его не волновало – у него голова болела о пролетариате всего мира. Россия была им обречена на жертву.

Второе идейное направление возглавлял Ленин. Он умозрительно, силой своего ума пришел к отрицанию положения Маркса о всемирности социалистической революции, он обосновал возможность победы социализма в одной стране. Но, оторванный от реального народа России из-за своего проживания за границей, он сам себе не вполне верил. В откровенном интервью, данном писателю А.М. Горькому, он высказал явное неверие в то, что большевики смогут удержать власть в стране, окруженной враждебными капиталистическими государствами.

К Ленину очень близко примыкал Сталин. Несмотря на его грузинское происхождение, вождь считал его исконно русским человеком, знающим достоинства и недостатки русского народа. Сталин тоже был марксистом, он тоже стремился помочь пролетариату во всем мире

и в последующем помогал, если мог, но ни в коем случае не собирался этого делать за счет судеб народов России. Он свято верил в возможность устройства на российских просторах государства справедливости и счастья.

Международное же сообщество на события в России и большевизм смотрит как на эксперимент, заранее обреченный Всевышним на провал. Большинство политиков в этой связи интересуется лишь один вопрос: примут ли большевики на себя все международные обязательства бывшей царской империи, обеспечат ли экономические интересы иностранных государств или нет?

Ноябрь 1917 года

2 ноября 1917 г. для связи с революционным движением за границей при ВЦИК создается международный отдел.

Совет народных комиссаров по военным и морским делам преобразован в Коллегию народных комиссаров по военным и морским делам (Наркомвоен). Главой коллегии стал Н.И. Подвойский.

Главное управление Генерального штаба возглавил генерал-квартирмейстер Потапов Н.М. Он же являлся помощником управляющего Военным министерством. Начальником шифровального отдела по рекомендации Потапова назначен полковник Юдин.

22 ноября (5 декабря) – 2 (15) декабря 1917 г. Россия вышла из Первой мировой войны.

23 ноября 1917 г., в связи с тяжелым экономическим положением государства, Совет народных комиссаров издает декрет, которым определяются максимальные оклады членов и аппарата СНК. Документом также запрещалось повышение денежного содержания сотрудников до особого на то распоряжения.

При Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве был сформирован Революционный полевой штаб (РПШ). Начальником отдела агитации и разведки РПШ назначен В.А. Фейерабенд.

Декабрь 1917 года

Разложение царской армии приняло лавинообразный характер. Под большевистским лозунгом «Долой войну!» солдаты целыми подразделениями дезертируют с фронта. Военные разведчики в числе других представителей командного состава увольняются со службы.

Прекращено финансирование зарубежных органов стратегической агентурной разведки. Их деятельность полностью прекратилась.

7 (20) декабря 1917 г. под председательством Ф.Э. Дзержинского образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (1917–1922) – ВЧК СНК РСФСР. Ее финансирование осуществлялось за счет перенацеливания средств, выделенных на содержание заграничных резидентур военной разведки. Сотрудники ВЧК носили кожаные летные куртки, изъятые в Петрограде со складов Антанты. Преимущество этого предмета одежды: в нем не заводились вши – основные переносчики тифа, что было очень важным в те годы в условиях тифозной эпидемии.

Кадры ВЧК подбирались по знаменитой формуле Дзержинского: «Холодный ум, горячее сердце и чистые руки».

16 декабря 1917 г. издаются декреты ВЦИК и СНК «О выборном начале и организации власти в армии» и об уравнивании в правах всех военнослужащих». Для защиты завоеваний революции под руководством военно-революционного комитета во главе с Л.Д. Троцким началось формирование отрядов Красной гвардии.

26 декабря 1917 г. на заседании военной организации при ЦК РСДРП по установке В.И. Ленина было решено создать за полтора месяца новую армию в 300 тысяч человек. Вскоре образуется Всероссийская коллегия по организации Красной армии и управлению ею.

Январь 1918 года

15 (28) января 1918 г. советским правительством издан декрет о создании на добровольном принципе Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Определение «рабоче-крестьянская» подчеркивало ее классовый характер как армии диктатуры пролетариата и то, что она должна комплектоваться **только** из трудящихся города и деревни.

На базе Коллегии народных комиссаров по военным и морским делам образован Народный комиссариат по военным делам (Наркомвоен). Управляющим делами Наркомвоенна (и по совместительству начальником ГУГШ) был назначен кадровый разведчик Потапов Н.М. Наряду с другими структурными подразделениями в его состав вошли ГУГШ и Центральный штаб партизанского движения:

1) Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) – начальник управления Н.М. Потапов, в составе:

- Отдел 1-го генерал-квартирмейстера;
- Отдел 2-го генерал-квартирмейстера (руководитель – П.Ф. Рябиков, отвечал за общее руководство работой отдела), исполняющий должность 3-го обер-квартирмейстера А.В. Станиславский – организовывал взаимодействие между разведывательным и статистическим отделами; отвечал за правильную организацию и результативность военной разведки, за полноту практического использования добытых ею материалов). Отдел состоял лишь из служащих стратегической агентурной разведки, сведенных в добывающие (разведывательные) и обрабатывающие (региональные) отделения. Организационно он включал в себя восемь отделений делопроизводителей:

1-е отделение – разведывательное (начальник отделения Н.Н. Шварц – отвечал за работу разведывательного делопроизводства);

2-е отделение – германское (начальник отделения Г.К. Карлсон – отвечал за сбор и содержание в исправности сведений по Германии, издание периодических сборников, сводок, докладов и материалов по стране);

3-е отделение – романское (начальник отделения А.Л. Нолькен – отвечал за составление статистических данных по Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, Голландии, Испании и Португалии) ;

4-е отделение – скандинавское (начальник отделения П.М. Васильев – отвечал за составление статистических данных по Скандинавии);

5-е отделение – австро-венгерское (начальник отделения Преображенский – вне штата, с апреля 1918 г. – Гарф В.Е., отвечал за составление статистических данных по Австро-Венгрии);

6-е отделение – ближневосточное (отслеживало ситуацию на Ближнем Востоке; начальник отделения Ласкин – вне штата);

7-е отделение – средневосточное (отслеживало ситуацию на Среднем Востоке; должность начальника отделения вакантная);

8-е отделение – дальневосточное (отслеживало ситуацию на Дальнем Востоке, в Северной Америке, Китае, Японии; должность начальника отделения временно занята в Отделе 1-го генерал-квартирмейстера, ее исполнял К.И. Эзринг).

2) Центральный штаб партизанского движения.

Прекратили свое существование прежние контрразведывательные структуры Российской империи. Исключением явилась контрразведка на севере России.

29 января (11 февраля) 1918 г. советским правительством издан декрет о создании на добровольном принципе Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ).

По Австро-Венгрии и Германии прокатились волны демонстраций и забастовок в поддержку Советской России. На основании этого левое крыло большевиков сделало вывод о наступлении решающей фазы борьбы за мировую пролетарскую революцию.

В январе 1918 г. французские власти приняли решение о роспуске Русского экспедиционного корпуса и ликвидации Русской секции Межсоюзнического бюро (МСБ) при военном министерстве Франции.

Февраль 1918 года

1 февраля (14 февраля по новому стилю) Советская Россия перешла на григорианский календарь (новый стиль). После 31 января наступило сразу 14 февраля, а продолжительность 1918 г. составила 352 дня.

Высшее руководство советской власти пришло к выводу о неизбежности начала Гражданской войны в России в связи с тем, что имущий класс не склонит голову перед (по его устоявшемуся мнению) «грубиянами, невеждами, босяками и неуками» из низов, не пойдет по пути подчинения народной власти и добровольного выполнения ее требований. Большевики войны не хотели и боялись. В ней нуждалось меньшинство, ибо в условиях кровавой смуты и иностранной интервенции оно могло обрести шанс на сохранение своего пошатнувшегося господства.

Союзником имущих классов была российская интеллигенция. Ее точное определение дал противник Ленина Константин Победоносцев:

«Интеллигенция – часть русского общества, восторженно воспринимающая всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный на дискредитацию государственной власти; ко всему же остальному в жизни страны она равнодушна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.